
СОВРЕМЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ

Периодическое научное издание

Основано в 2009 г.

Том 11, № 3, 2019

Главный редактор – **Т.А. Магсумов**

Зам. главного редактора – **Н.П. Копцева, И.В. Корнилова, Ф.Х. Тарасова**

Шеф-редактор – **Максимов Я.А.**

Выпускающие редакторы – **Доценко Д.В., Максимова Н.А.**

Корректор – **Зливко С.Д.**

Компьютерная верстка, дизайн – **Орлов Р.В.**

Технический редактор, администратор сайта – **Бяков Ю.В.**

MODERN STUDIES OF SOCIAL ISSUES

Printed Scientific Periodical Edition

Founded in 2009

Volume 11, Number 3, 2019

Editor-in-Chief – **T.A. Magsumov**

Deputy Editors – **N.P. Koptseva, I.V. Kornilova, F.H. Tarasova**

Chief Editor – **Ya.A. Maksimov**

Managing Editors – **D.V. Dotsenko, N.A. Maksimova**

Language Editor – **S.D. Zlivko**

Design and Layout – **R.V. Orlov**

Support Contact – **Yu.V. Byakov**

Красноярск, 2019

Научно-Инновационный Центр

Красноярск, 2019

Science and Innovation Center Publishing House

12+

Современные исследования социальных проблем, Том 11, № 3, 2019, 240 с.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) (свидетельство ПИ № ФС 77-39176 от 17.03.2010) и Международным центром ISSN (ISSN 2077-1770).

Журнал выходит четыре раза в год

На основании заключения Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки России журнал включен в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются. За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы публикаций. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов. При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Журнал представлен в полнотекстовом формате в Научной электронной библиотеке в целях создания Российского индекса научного цитирования (РИНЦ). ИФ РИНЦ 2016 = 0,601.

Адрес редакции, издателя и для корреспонденции:

660127, г. Красноярск, ул. 9 Мая, 5 к. 192

E-mail: sisp@nkras.ru

www.soc-journal.ru

Подписной индекс в каталогах «Пресса России» – 94088, «СИБ-Пресса» – 94088

Учредитель и издатель:

Издательство ООО «Научно-инновационный центр»

Science and Innovation Center Publishing House

Modern Studies of Social Issues, Volume 11, Number 3, 2019, 240 p.

The edition is registered (certificate of registry PE № FS 77-39176) by the Federal Service of Intercommunication and Mass Media Control and by the International center ISSN (ISSN 2077-1770).

The journal is published 4 times per year

All manuscripts submitted are subject to double-blind review.

The journal is included in the Reviewing journal and Data base of the RISATI RAS. Information about the journal issues is presented in the RISATI RAS catalogue and accessible online on the Electronic Scientific Library site in full format, in order to create Russian Science Citation Index (RSCI). The journal has got a RSCI impact-factor (IF RSCI). IF RSCI 2016 = 0,601.

Address for correspondence:

9 Maya St., 5/192, Krasnoyarsk, 660127, Russian Federation

E-mail: sisp@nkras.ru

www.soc-journal.ru

Subscription index in the General catalog «The Russian Press» – 94088,

«SIB-Press» – 94088

Published by Science and Innovation Center Publishing House

Свободная цена

© Научно-инновационный центр, 2019

Члены редакционной коллегии

Gian Luca Bonora – Archaeologist, Director of the Italian Archaeological Expedition in Kazakhstan, Professor of Central and Middle Archaeology, International Association of Mediterranean and Oriental Studies (Rome, Italy); Professor, Professor of Cultural Anthropology, Pontifical University Antonianum (Rome, Italy)

Абрамов Валерий Петрович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка как иностранного, заслуженный деятель науки РФ, Кубанский государственный университет (Краснодар, Российская Федерация)

Абросимов Виктор Николаевич – кандидат педагогических наук, ректор и профессор ПОО-ЧУ «Высшая школа социальных отношений» (Минусинск, Российская Федерация)

Алефиренко Николай Федорович – доктор филологических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, Почетный работник профессионального образования РФ, Белгородский государственный национальный исследовательский университет (Белгород, Российская Федерация)

Алферов Александр Владимирович – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры французской филологии и межкультурной коммуникации, Пятигорский государственный университет (Пятигорск, Российская Федерация)

Балашова Любовь Викторовна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского (Саратов, Российская Федерация)

Беляева Лариса Николаевна – доктор филологических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, профессор кафедры образовательных технологий в филологии, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Богданович Галина Юрьевна – доктор филологических наук, профессор, декан факультета славянской филологии и журналистики, зав. кафедрой межъязыковых коммуникаций и журналистики, Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского (Таврическая академия) (Симферополь, Российская Федерация)

Бочкова Ольга Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры «Иностранные языки и профессиональная коммуникация», ФГБОУ ВО «Саратов-

ский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А.» (Саратов, Российская Федерация)

Валеев Наиль Мансурович – доктор филологических наук, профессор, академик Академии наук Республики Татарстан (АН РТ), Академик-секретарь Отделения гуманитарных наук ГНБУ «Академия наук Республики Татарстан» (Казань, Российская Федерация)

Воркачев Сергей Григорьевич – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры иностранных языков, Кубанский государственный технологический университет (Краснодар, Российская Федерация)

Галиева Фарида Габдулхаевна – доктор филологических наук, кандидат исторических наук, заведующий отделом этнографии ФГБУН «Институт этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева» Уфимского научного центра РАН, доцент Филиала МГПУ им. М.А. Шолохова в г. Уфе (Уфа, Российская Федерация)

Гапоненков Алексей Алексеевич, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского (Саратов, Российская Федерация)

Гасанов Магомед Магомедович – доктор исторических наук, профессор, проректор по учебной работе, заведующий кафедрой истории России с древнейших времен до конца XIX в., Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Дагестанский государственный университет» (Махачкала, Российская Федерация)

Готовцева Анастасия Геннадьевна – доктор филологических наук, доцент, доцент кафедры литературной критики факультета журналистики Института масс-медиа, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный гуманитарный университет» (Москва, Российская Федерация)

Григорьева Татьяна Михайловна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка, литературы и речевой коммуникации, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Сибирский федеральный университет» (Красноярск, Российская Федерация)

Гриценко Галина Дмитриевна – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник, Федеральное государственное бюджетное учреждение

науки Южный научный центр Российской академии наук (Ростов-на-Дону, Российская Федерация)

Доценко Дмитрий Васильевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных и русского языков, Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М.А.Бонч-Бруевича (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Зубова Яна Валерьевна – доктор социологических наук, профессор, заместитель директора по учебной работе, Филиал ФГБОУ ВО «Ухтинский государственный технический университет» в г. Усинске (Усинск, Российская Федерация)

Зуляр Юрий Анатольевич – доктор исторических наук, доцент, декан исторического факультета, заведующий кафедрой политологии, истории и регионоведения ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет» (Иркутск, Российская Федерация)

Иванова Елизавета Васильевна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английской филологии и перевода, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Иванюшина Ирина Юрьевна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского (Саратов, Российская Федерация)

Катермина Вероника Викторовна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английской филологии, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» (Краснодар, Российская Федерация)

Колмогорова Анастасия Владимировна – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой романских языков и прикладной лингвистики, профессор кафедры, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Сибирский федеральный университет» (Красноярск, Российская Федерация)

Корниенко Алла Алексеевна – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой французской филологии и межкультурной коммуникации ИРГЯИИГТ Пятигорский государственный университет (Пятигорск, Российская Федерация)

Куприева Ирина Анатольевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации, Белгородский государственный национальный исследовательский университет (Белгород, Российская Федерация)

Литвин Александр Алтерович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной истории Высшей школы исторических наук и всемирного культурного наследия Института международных отношений, истории и востоковедения, ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет» (Казань, Российская Федерация)

Марусенко Михаил Александрович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой романской филологии, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Матвеева Галина Григорьевна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры «Мировые языки и культуры», Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донской государственный технический университет» (Ростов-на-Дону, Российская Федерация)

Мацневский Герман Олегович – доктор исторических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Краснодарский государственный институт культуры» (Краснодар, Российская Федерация)

Минченко Татьяна Петровна – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии и социальных наук, Томский государственный педагогический университет (Томск, Российская Федерация)

Мостицкая Наталья Дмитриевна – кандидат культурологии, доцент, заведующая аспирантурой, Государственный институт искусствознания (Москва, Российская Федерация)

Наумов Владимир Викторович – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Патюкова Регина Валерьевна – доктор филологических наук, профессор, и.о. зав. кафедрой рекламы и связей с общественностью, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» (Краснодар, Российская Федерация)

Покришук Дмитрий Владимирович – кандидат политических наук, преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный гуманитарный университет» (Москва, Российская Федерация)

Поповкин Андрей Владимирович – кандидат философских наук, заведующий кафедрой философии ДВО РАН ФГБУН Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук (Владивосток, Российская Федерация)

Поповкина Галина Сергеевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела этнографии, этнологии и антропологии ДВО РАН ФГБУН Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук (Владивосток, Российская Федерация)

Прозоров Валерий Владимирович – доктор филологических наук, профессор, научный руководитель Института филологии и журналистики, заведующий кафедрой общего литературоведения и журналистики, Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского (Саратов, Российская Федерация)

Пулькин Максим Викторович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора истории ФГБУН Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра Российской академии наук (Петрозаводск, Российская Федерация)

Рядчикова Елена Николаевна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры общего и славяно-русского языкознания, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» (Краснодар, Российская Федерация)

Саенко Наталья Ряфиковна – доктор философских наук, кандидат филологических наук, профессор, профессор кафедры «Центр гуманитарного образования», федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский политехнический университет» (Москва, Российская Федерация)

Серов Николай Викторович – доктор культурологии, профессор, Оптическое общество имени Д.С. Рождественского (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Склярова Наталья Геннадиевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры теории и практики английского языка, ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет» (Ростов-на Дону, Российская Федерация)

Страусов Виктор Никитович – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры лингвокоммуникативистики и прикладных иностранных языков, Пятигорский государственный университет (Пятигорск, Российская Федерация)

Судовиков Михаил Сергеевич – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры отечественной истории и этнологии, Федеральное государствен-

ное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Вятский государственный университет», директор Кировского областного государственного бюджетного учреждения культуры «Кировский областной краеведческий музей», руководитель научно-исследовательского Центра регионоведения Кировского областного государственного бюджетного учреждения культуры «Кировская орден Почета государственная универсальная областная научная библиотека имени А.И. Герцена» (Киров, Российская Федерация)

Султангалиева Гульмира Салимжановна – доктор исторических наук, профессор кафедры истории, Казахский национальный университет имени Аль-Фараби (Алматы, Республика Казахстан)

Темирболат Алуа Берикбайкызы – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой казахской литературы и теории литературы, Казахский национальный университет имени Аль-Фараби (Алматы, Республика Казахстан)

Тетюев Леонид Иванович – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры этики и эстетики философского факультета, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского (Саратов, Российская Федерация)

Филимонова Ольга Федоровна – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры «Философия», Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А. (Саратов, Российская Федерация)

Фриауф Василий Александрович – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры теологии и религиоведения, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского (Саратов, Российская Федерация)

Хошимова Хуршеда Абдумановна – кандидат филологических наук, научный секретарь, Институт языка и литературы им. Рудаки Академии наук Республики Таджикистан (Душанбе, Республика Таджикистан)

Шалекенов Мурат Уахитович – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры археологии, этнологии и музеелогии, Казахский национальный университет имени Аль-Фараби (Алматы, Республика Казахстан)

Широкалова Галина Сергеевна – доктор социологических наук, кандидат философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии, социологии и политологии ФГБОУ ВО «Нижегородская государственная сельскохозяйственная академия» (Нижний Новгород, Российская Федерация)

Editorial Board Members

Gian Luca Bonora – Archaeologist, Director of the Italian Archaeological Expedition in Kazakhstan, Professor of Central and Middle Archaeology, International Association of Mediterranean and Oriental Studies (Rome, Italy); Professor, Professor of Cultural Anthropology, Pontifical University Antonianum (Rome, Italy)

Valery P. Abramov – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Russian as a Foreign Language, Honored Scientist of the Russian Federation, Kuban State University (Krasnodar, Russian Federation)

Viktor N. Abrosimov – Candidate of Pedagogy (Ph.D. in Pedagogy), Rector and Professor of the PEO-PI “Higher school of social relationships” (Minusinsk, Russian Federation)

Nikolay F. Alefirenko – Doctor of Philology, Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, Honored Worker of Professional Education of the Russian Federation, Belgorod State National Research University (Belgorod, Russian Federation)

Alexander V. Alferov – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of French Philology and Intercultural Communication, Pyatigorsk State University (Pyatigorsk, Russian Federation)

Lyubov V. Balashova – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Theory, History of Language and Applied Linguistics, Saratov National Research University named after N.G. Chernyshevsky (Saratov, Russian Federation)

Larisa N. Belyaeva – Doctor of Philology, Professor, Honored Scientist of Russia, Professor of the Department of Educational Technology in Philology, Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen (St. Petersburg, Russian Federation)

Galina Yu. Bogdanovich – Doctor of Philology, Professor, Dean of the Faculty of Slavic Philology and Journalism, Head of the Inter-Language Communications and Journalism Department, Vernadsky Crimean Federal University (Tavrisheskaya Academy) (Simferopol, Russian Federation)

Olga S. Bochkova – Candidate of Philology, Associate Professor of the Department “Foreign Languages and Professional Communication”, Saratov State Technical University named after Gagarin Y.A. (Saratov, Russian Federation)

Nail M. Valeev – Doctor of Philology, Professor, Academician of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Academician-Secretary of the Department

of Humanitarian Sciences, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (Kazan, Russian Federation)

Sergey G. Vorkachev – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Foreign Languages, Kuban State Technological University (Krasnodar, Russian Federation)

Farida G. Galiyeva – Doctor of Philology, Candidate of Historical Sciences, Head of the Department of Ethnography, Institute of Ethnological Research named after R.G. Kuzeev, Ufa Science Center, RAS (Ufa, Russian Federation)

Aleksey A. Gaponenkov, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Russian and Foreign Literature, Saratov National Research University named after N.G. Chernyshevsky (Saratov, Russian Federation)

Magomed M. Gasanov – Doctor of History, Professor, Pro-Rector for Academic Affairs, Head of the Department of Russian History from ancient times until the end of the 19th century, Dagestan State University (Makhachkala, Russian Federation)

Anastasia G. Gotovtseva – Doctor of Philology, Associate Professor, Department of Literary Criticism, Journalism Faculty, Institute of Mass Media, Russian State Humanitarian University (Moscow, Russian Federation)

Tatyana M. Grigorieva – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Russian Language, Literature and Speech Communication, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation)

Galina D. Gritsenko – Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher, Southern Scientific Center of Russian Academy of Sciences (Rostov-on-Don, Russian Federation)

Dmitry V. Dotsenko – Candidate of Philology (Ph.D. in Philology), Assistant Professor of the Department of Foreign and Russian Languages, The Bonch-Bruевич Saint-Petersburg state university of communication (St. Petersburg, Russian Federation)

Yana V. Zubova – Doctor of Sociology, Professor, Deputy Director for Academic Affairs, Branch of the State Educational Establishment of the Ukhta State Technical University in Usinsk (Usinsk, Russian Federation)

Yury A. Zulyar – Doctor of History, Associate Professor, Dean of the Faculty of History, Head of the Department of Political Science, History and Regional Studies, Irkutsk State University (Irkutsk, Russian Federation)

Elizaveta V. Ivanova – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of English Philology and Translation, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation)

Irina Yu. Ivanyushina, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Russian and Foreign Literature, Saratov National Research University named after N.G. Chernyshevsky (Saratov, Russian Federation)

Veronika V. Katermina – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of English Philology, Kuban State University (Krasnodar, Russian Federation)

Anastasia V. Kolmogorova – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Romance Languages and Applied Linguistics, Professor of the Department, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation)

Alla A. Kornienko – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of French Philology and Intercultural Communication, Pyatigorsk State University (Pyatigorsk, Russian Federation)

Alexander A. Litvin – Doctor of History, Professor, Head of the Department of National History of the Higher School of Historical Sciences and World Cultural Heritage of the Institute of International Relations, History and Oriental Studies, Kazan Federal University (Kazan, Russian Federation)

Irina A. Kupriyeva – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of English Philology and Intercultural Communication, Belgorod State National Research University (Belgorod, Russian Federation)

Mikhail A. Marusenko – Doctor of Philology, Professor, Head of the Chair of Romance Philology, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation)

Galina G. Matveeva – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Chair “World Languages and Cultures”, Don State Technical University (Rostov-on-Don, Russian Federation)

German O. Matsievsky – Doctor of History, Associate Professor, Krasnodar State Institute of Culture (Krasnodar, Russian Federation)

Tatyana P. Minchenko – Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Philosophy and Social Sciences, Tomsk State Pedagogical University (Tomsk, Russian Federation)

Natalia D. Mostitskaya – Candidate of Culturology (Ph.D. in Culturology), Associate Professor, Head of the graduate school, State Institute for Art Studies (Moscow, Russian Federation)

Vladimir V. Naumov – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Chair of Linguistics and Intercultural Communication, St. Petersburg Polytechnic University (St. Petersburg, Russian Federation)

Regina V. Patyukova – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Advertising and Public Relations, Kuban State University (Krasnodar, Russian Federation)

Dmitry V. Pokrishchuk – Candidate of Political Sciences (Ph.D. in Political Sciences), Lecturer of the Department of Humanitarian and Social and Economic Disciplines, Russian State Humanitarian University (Moscow, Russian Federation)

Andrey V. Popovkin – Candidate of Philosophy (Ph.D. in Philosophy), Head of the Department of Philosophy, Institute of History, Archeology and Ethnography of Peoples of the Far East of the Far-Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (Vladivostok, Russian Federation)

Galina S. Popovkina – Candidate of History (Ph.D. in History), Senior Researcher, Department of Ethnography, Ethnology and Anthropology Institute of History, Archeology and Ethnography of Peoples of the Far East of the Far-Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (Vladivostok, Russian Federation)

Valery V. Prozorov – Doctor of Philology, Professor, Scientific Director of the Institute of Philology and Journalism, Head of the Department of General Literature and Journalism, Saratov State University (Saratov, Russian Federation)

Maksim V. Pulkin – Candidate of History (Ph.D. in History), Senior Fellow of the History Sector, Institute of Language, Literature and History of the Karelian Research Center of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russian Federation)

Natalia R. Sayenko – Doctor of Philosophy, Candidate of Philology, Professor, Professor of the Center for Humanitarian Education, Moscow Polytechnic University (Moscow, Russian Federation)

Elena N. Ryadchikova – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of General and Slavic-Russian Linguistics, Kuban State University (Krasnodar, Russian Federation)

Nikolay V. Serov – Doctor of Culturology, Professor, D. Rozhdestvensky Optical Society (St. Petersburg, Russian Federation)

Natalia G. Sklyarova – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Theory and Practice of English, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russian Federation)

Victor N. Strausov – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Chair of Linguistic Communication and Applied Foreign Languages, Pyatigorsk State University (Pyatigorsk, Russian Federation)

Mikhail S. Sudovikov – Doctor of History, Professor, Professor of the Department of National History and Ethnology, Vyatka State University, Director of the Kirov Regional State Budgetary Cultural Institution “Kirov Regional Museum of Local Lore”, Head of the Research Center for Regional Studies of the Kirov Regional State Budget cultural institutions “Kirov Order of Honor State Universal Scientific Library named after A.I. Herzen” (Kirov, Russian Federation)

Gulmira S. Sultangalieva – Doctor of History, Professor of the Department of History, Al-Farabi Kazakh National University (Almaty, Republic of Kazakhstan)

Alua B. Temirbolat – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Kazakh Literature and Theory of Literature, Al-Farabi Kazakh National University (Almaty, Republic of Kazakhstan)

Leonid I. Tetyuyev – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Ethics and Aesthetics of the Faculty of Philosophy, Saratov National Research University named after N.G. Chernyshevsky (Saratov, Russian Federation)

Olga F. Filimonova – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Philosophy Department, Saratov State Technical University named after Gagarin Yu.A. (Saratov, Russian Federation)

Vasily A. Friauf – Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Theology and Religious Studies, Saratov National Research University named after N.G. Chernyshevsky (Saratov, Russian Federation)

Khurshida A. Khoshimova – Candidate of Philology (Ph.D. in Philology), Scientific Secretary, Institute of Language and Literature named after Rudaki of the Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan (Dushanbe, Republic of Tajikistan)

Murat U. Shalekenov – Doctor of History, Professor, Professor of the Department of Archeology, Ethnology and Museology, Al-Farabi Kazakh National University (Almaty, Republic of Kazakhstan)

Galina S. Shirokalova – Doctor of Sociology, Candidate of Philosophy (Ph.D. in Philosophy), Professor, Head of the Department of Philosophy, Sociology and Political Science, Nizhny Novgorod State Agricultural Academy (Nizhny Novgorod, Russian Federation)

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ**HISTORY STUDIES**

DOI: 10.12731/2077-1770-2019-3-14-26

УДК 947.084(636)

**СОСТОЯНИЕ КОНЕВОДСТВА В ЗАУРАЛЬЕ
В 1914–1922 ГОДЫ: ДИНАМИКА ИЗМЕНЕНИЙ***Иваненко В.Е., Подковырова М.А.*

Цель статьи – охарактеризовать состояние коневодства в Зауралье в 1914–1922 гг. и выявить причины его упадка.

Метод и методология проведения работы. Основу исследования составил модернизационный подход, были использованы методы: системный, компаративный, проблемно-хронологический, статистический, исторический, логический, контент-анализ и др.

Результаты. В статье показано состояние коневодства в Зауралье в годы Первой мировой, Гражданской войн и иностранной интервенции, в ходе которых произошло существенное сокращение конского поголовья. Оно было вызвано рядом причин: после 1916 г. у крестьян исчез материальный стимул для выращивания лошадей на поставки в армию; мобилизацией лошадей в Красную и Белую армии; при выполнении гужевых повинностей лошади часто погибали от плохого кормления и непосильной работы; конфискацией лошадей в ходе выполнения продразверстки; недостатком кормов, вызванных засухой 1920 и 1921 гг., а также изъятием кормов в счёт продразверстки; наибольшие потери были вызваны гибелью лошадей во время Ишимско-Тобольского крестьянского восстания 1921 г., которое было спровоцировано применением жестких мер к населению в ходе сбора продразверстки.

Область применения: результаты исследования можно использовать для изучения краеведения, как дополнительный материал на семинарских занятиях и спецкурсах.

Ключевые слова: коневодство; Тюменская губерния; продрозверстка; политика «военного коммунизма»; Ишимско-Тобольское крестьянское восстание 1921 г.; Зауралье; Гражданская война.

CONDITION OF HORSE-BREEDING IN BURNS IN 1914–1922: DYNAMICS OF CHANGES

Ivanenko V.E., Podkovyrova M.A.

Purpose: to characterize the state of horse breeding in the Trans-Urals in 1914–1922 years and identify the causes of its decline.

Method and methodology of the work: the basis of the study compiled a modernization approach, methods were used: systematic, comparative, problem-chronological, statistical, historical, logical, content analysis, and others.

Results: the article shows the state of horse breeding in the Zauralye in the years of the First World War, the Civil War and foreign intervention, during which there was a significant reduction in horse stock. It was caused by a number of reasons: after 1916, the peasants had no incentive for raising horses for army supplies; mobilization of horses in the Red and White Army; when performing horse-drawn duties, horses often died from poor feeding and overwork; the confiscation of horses during the execution of food allocation; the lack of feed caused by the drought of 1920 and 1921, as well as the removal of feed due to food allocations. The greatest losses were caused by the death of horses during the Ishim-Tobolsk peasant uprising of 1921, which was provoked by the use of tough measures to the population during the collection of food allocation.

Practical implications: The research results can be used for the study of local history, as additional material on seminars and special courses.

Keywords: horse breeding; Tyumen Province; food allocation; the policy of “war communism”; Ishim-Tobolsk peasant uprising of 1921; Zauralye; Civil War.

Введение

Указанная тема актуальна уже потому, что является малоизученной как в целом по стране, так и отдельным ее регионам. Специальных работ по этой теме нет, но некоторые отрывочные сведения встречаются в работах по истории Гражданской войны, крестьянского восстания 1921 г., работах, посвященных продрозверстке и политике «военного коммунизма» (В.И. Копылова, К. Лагунов, В.В. Кабанов, В.М. Андреев и др.) [23; 24; 22; 1].

После проведения аграрной реформы в 90-х годах XX века, наблюдается упадок в животноводческой отрасли, который страна не может преодолеть уже почти 30 лет. Изучение исторического опыта может помочь в решении данной проблемы, позволит выработать более адекватную аграрную политику в животноводческой отрасли.

Материалы и методы

Для написания статьи использованы архивные материалы, опубликованные источники и имеющиеся статьи и монографии.

Первое место принадлежит принципу объективности, что проявилось в целостном, непредвзятом изучении предмета исследования. Автор использовал различные источники, факты, события, явления, не отдавая предпочтения каким-либо, например, партийным. Принцип историзма позволил исторические события рассматривать в развитии и изменении, был применен при анализе фактов и явлений. В работе использованы в основном новые научные факты и переосмыслены уже введенные раньше в научный оборот. Важнейшим методом научного анализа исторических событий выступил системный подход. В нашем исследовании анализу подвергается коневодство, на развитие которого оказывают влияние как объективные, так и субъективные факторы, их автор также подвергает исследованию. При обработке фактического материала применялся проблемно-хронологический метод. Он способствовал рассмотрению основных моментов в развитии коневодства на всех этапах исторического развития в 1914–1922 гг. например, как влияло то, или иное событие, решение правительства и т.д. на раз-

витие коневодства (продразверстка). Сравнительно-исторический (компаративный) метод использовался при выявлении особенностей развития коневодства в разных политических и экономических условиях, а также определении специфических черт, присущих этому процессу в Зауралье. Статистический метод позволил сравнить уровень развития коневодства в разные периоды истории. Использование материалов статистических переписей, опросов позволило обобщить в таблицах основные показатели количественных характеристик коневодства. Логический метод помог раскрыть причинно-следственные связи, возникшие в ходе развития коневодства. В работе использованы также методы: анализа литературы, документов и др. Таким образом, исследование опиралось на сочетание разнообразных методов обработки источников, которые дали возможность отразить сущность, характерные черты, причины и последствия изучаемого процесса.

Результаты исследования и их обсуждение

Коневодство было важнейшей отраслью сельского хозяйства. Жители Зауралья издавна занимались коневодством. К лошадям у крестьян всегда было особое отношение. Их использовали как тягловую силу при выполнении сельскохозяйственных работ и на транспорте, мясо употребляли в пищу, в хозяйстве использовали конские шкуры, копыта, волос, значительную часть лошадей выращивали на продажу.

Условия для развития коневодства в Зауралье были хорошие. Здесь имелась прекрасная кормовая база: заливные и суходольные луга, выращивали много овса, благоприятный климат зимой и летом, хотя нередко случались эпидемические болезни, летом на животных нападали гнус (комары, мошки, оводы, слепни и др.).

Однако были периоды, когда наблюдалось резкое сокращение конского поголовья и даже упадок этой отрасли животноводства. Причины были как объективные, так и субъективные.

В августе 1914 г. началась Первая мировая война. Несмотря на мобилизацию лошадей на фронт, в 1914–1916 гг. наблюдался рост

конского поголовья по всей стране. В Тобольской губернии их прибавилось на 117 тыс. гол. (с 453,6 до 570,6 тыс. гол.) [2, л. 110]. Война требовала много лошадей, на комплектование армии отбирали лучших животных. Крестьяне усиленно занимались выращиванием лошадей, продавали их для армии, а правительство хорошо за это платило. Рост конского поголовья в эти годы можно объяснить материальной заинтересованностью крестьян в выращивании и продаже хороших лошадей.

В 1917 г. в России произошли Февральская и Октябрьская революции. Вскоре началась Гражданская война, а весной 1918 г. – иностранная интервенция. Военные действия потребовали большого количества лошадей для комплектования армий – Белой и Красной.

За 1916–1919 гг. количество лошадей в губернии сократилось на 82,5 тыс. гол. [3, л. 49]. В их число вошли и лошади, отправленные на фронты Первой мировой войны. Ослабевшая экономика уже не позволяла хорошо платить крестьянам за лошадей, и крестьяне сократили их поставку. Тогда власти перешли к мобилизации лошадей в армию и установили на них «твердые» цены, которые не удовлетворяли крестьян. 21 сентября 1919 г. декретом Совета Труда и Оборона ввели обязательную закупку лошадей по рыночным ценам с разверткой по волостям: в среднем по 10 лошадей на волость [20, с. 39].

В ходе войны много лошадей погибло на фронте, другие, после ранений, стали непригодными к службе. Их обычно раздавали крестьянам [4, л.265].

Иметь много лошадей крестьянам было невыгодно, так как их забирали на фронт и привлекали к выполнению гужевых повинностей, часто с работы лошади возвращались больные, искалеченные, а некоторые погибали от непосильной работы. Недаром 9 июня 1920 г. СНК принял постановление «Об оказании помощи хозяйствам, лишившимся лошадей на гужевой повинности» [21]. Однако и после принятия постановления положение мало изменилось.

Так, по наряду Гужналога в 1921 г. в Сургутском и Березовском уездах на 675 лошадей полагался объем работ, рассчитанный на 1200 голов [5, л. 56].

Продразверстка, введенная в Тюменской губернии официально с 20 июня 1920 г., предусматривала сдачу лошадей на мясо, но разрядки на лошадей по уездам не было. В Тюменский губпродком поступило письмо (циркуляр) Народного Комиссариата Продовольствия и Управления Заготовок от 11 октября 1920 г. В нем говорилось, что «...срок службы лошади в хозяйстве – 20 лет, естественный выход лошадей из хозяйственной работы в хозяйствах 5%, значит, 20-я часть коней ежегодно должна вырабатываться за окончанием срока службы, половина из них околевает. На приведенных основаниях возможна заготовка конины...». В Тюменской губернии к 1919 г. количество рабочих лошадей составляло 247,4 тыс. гол., значит, сдаче подлежало 6,2 тыс. гол. (это 2,5%) [6, лл. 49, 50].

В ходе сбора продразверстки этот принцип явно нарушался. Так, в постановлении собрания крестьян д. Пестово Чуртанской волости Ишимского уезда от 25 февраля 1921 г. «Об обидах, нанесенных крестьянам работниками продорганов при проведении продразверстки 20 ноября 1920 г.» имеются сведения о конфискации лошадей у населения: у крестьянина А.В.Шамонина забрали четырех лошадей, оставили одного коня и двух жеребят, у Ф.И.Гилева - шестерых рабочих лошадей, в хозяйстве оставили пять жеребят ... и т.д. Всего в документе указаны 19 хозяйств: у них конфисковали 79 лошадей (явно не 20-летнего возраста) [23, с. 17–21]. Продразверстка предусматривала еще заготовку поголовья [7, лл. 18, 21, 22, 82].

При сборе продразверстки крестьянам должны были оставлять зерно, сено, солому на корм скоту. Наркомпрод приказом № 94 от 31 июля 1919 г. снизил нормы для каждого вида скота, в том числе и для лошадей. «На рабочую лошадь по нормам должны были оставлять на год 18 пуд. зерна, 120 пуд. сена, 90 пуд. соломы; для жеребенка старше года – 3 пуд. зерна, 80 пуд. сена, 60 пуд. соломы» [8, л. 3]. Такие нормы не обеспечивали нормального существования лошадей, но даже и они не соблюдались. К весне 1920 г. состояние коневодства в Тюменской губернии было очень тяжелым, в связи с этим возникли трудности в проведении сева: не хватало рабочей силы, лошади во многих хозяйствах от недокорма не могли рабо-

тать. Население надеялось на частичную демобилизацию мужчин из армии на полевые работы [9, л. 41].

На губернском агрономическом съезде (1–7 июля 1920 г.) секция животноводства приняла постановление, в котором обращала внимание Наркомзема на необходимость в срочном порядке пересмотреть нормы, установленные Наркомпродом для животных, и изменить их до указанных зоотехнической секцией минимальных пределов. Для рабочей лошади требовалось: зерна – 91 пуд., сена – 132, соломы – 90 пудов; жеребятм старше года: 18 пудов зерна, 90 – сена, 60 – соломы [10, л. 262]. Эту просьбу правительство оставило без ответа.

В Тюменской губернии 1920-ый год был засушливым. Из-за нехватки семян засеяли всего 86% пашни от уровня 1916 г. Урожайность зерновых культур оказалась по губернии в целом ниже средней, по сравнению с предыдущими пятью годами, а по самой южной ее части – плохой, урожай трав был ниже среднего [11, л. 213]. Несмотря на это, губерния выполнила план продразверстки по продовольственному зерну в 1920–1921 гг. на 155,9%, по кормовому – на 86,5%, т.е. всего на 121,2%. Выполнение произошло за счет запасов зерна прошлых лет у крестьян. Люди остались без хлеба, скот – без корма. Остальные шесть губерний Сибири, подчиненных Сибпродкому, продразверстку выполнили на 40,2%, соседняя Омская – на 47% [12, лл. 40–42]. Предстояла тяжелая зимовка.

Неурожай хлебов и трав, а также проведение продразверстки (она предусматривала наряду с зерном сдачу фуража: сена, соломы, картофеля и т. д.) в Тюменской губернии привели к недостатку грубых кормов, что грозило общим упадком животноводства и потерей работоспособности лошадей в период предстоящей зимовки. По этой причине Второе Уральское областное сельскохозяйственное совещание в г. Екатеринбурге (13–19 ноября 1920 г.) сочло необходимой работу по сохранению коневодства признать чрезвычайно важной: рабочие лошади, наряду с племенными, не подлежали перегруппировке за пределы губернии

в целях фуражирования, их должны были обеспечить кормами на местах [13, л. 33].

В опубликованной статистике показан рост поголовья скота в губернии, в том числе и лошадей: в 1921 г. их насчитывали 586,9 тыс. голов (по данным весеннего 10-типроцентного опроса крестьян) [14, л. 10] против 539,8 в 1920 г. (по результатам переписи). Одновременно с мест поступали сведения о большом сокращении поголовья лошадей в Ялуторовском и Ишимском уездах. Например: в Ялуторовском уезде отмечали убыль лошадей с 92,9 тыс. гол. в 1920 г. до 62,2 тыс. в 1921 г. (на 33%) [15, л. 177], т.е. положение на местах не соответствовало опубликованной статистике.

Увеличение поголовья лошадей, констатируемое в статистических материалах, сомнительно. Возможно, что 10%-ный опрос населения был проведен вне зоны военных действий (имеется в виду Ишимско-Тобольское крестьянское восстание 1921 года), в ходе которых погибло много лошадей. А, может быть, специально пытались скрыть большие потери в ходе крестьянского восстания, так как сам факт крестьянского восстания свидетельствовал о кризисе политики «военного коммунизма». В статистических отчетах следующих лет сведения по 1921 г. или 1920 г. отсутствовали, что позволяло все убытки списывать на неурожай 1921 г.

В архиве удалось найти еще одну таблицу «Количество скота по Тюменской губернии по данным весеннего опроса 1921 г.» [16, л. 90]. Вероятно, позднее был проведен повторный опрос, который затронул Ялуторовский и Ишимский уезды. Документ подписан заведующим губстатбюро. Данные этой таблицы показывают, что весной 1921 г. по губернии произошло сокращение лошадей по сравнению с 1920 г. до 327,8 тыс. голов, т.е. на 212,0 тыс. гол. Наибольшее сокращение было в Ишимском и Ялуторовском уездах, по другим уездам отмечено увеличение поголовья лошадей. Скорее всего, в них опроса не проводили, и убыль лошадей проявилась в статистике 1922 г. В то же время в Ишимском и Ялуторовском уездах в 1922 г. наблюдался рост поголовья лошадей (табл.1).

Таблица 1.

Динамика поголовья лошадей в 1920–1922 гг. в Тюменской губернии, гол.

Уезды	1920 г.	1921 г.	1922 г.
Тюменский	62524	68428	48769
Тобольский	62620	67361	46399
Туринский	40314	42280	33947
Ялуторовский	118249	49417	89818
Ишимский	256131	100336	114275
Итого:	539838	327822	333209
Источник: ГАТО.Ф.251.-Оп.1.-Д.274.-Л.90; Ф.11.-Оп.2.-Д.344.-Л.90.			

Сокращение поголовья лошадей неслучайно приходилось на Ишимский и Ялуторовский уезды, т.к. их в большей степени охватило крестьянское восстание. Наибольшее сокращение приходилось на рабочих лошадей (150,8 тыс. гол.) [16, л. 90], что не было характерным для голодного времени. Крестьяне в условиях бескормицы избавлялись вначале от жеребят и молодняка и только в исключительных случаях забивали рабочих лошадей.

Чем было вызвано это сокращение? Среди возможных причин можно указать следующие: лошадей забирали в армию; в счет продразверстки, хотя разрядки не было; они погибли во время крестьянского восстания 1921 г. (опрос проводился весной, как раз восстание было в полном разгаре). К 1921 г. больших мобилизаций коней в армию не требовалось, поскольку военные действия были закончены, но возможно мобилизации были, так как для подавления восстания использовали регулярные части Красной Армии. Есть немало сведений о гибели лошадей во время восстания. Например, в Красновской волости Ялуторовского уезда убито 33 лошади, 95 пропали без вести; по Упоровской волости убито 72 лошади и т.д. В с. Емуртлинском повстанцы захватили 500 лошадей Тюменского отделения конного запаса, что с ними случилось позднее – неизвестно [17, лл. 2, 11, 14, 21].

Потери конского состава были многочисленны, так как военные действия велись на конях верхом и в повозках. Кроме того, повстанцы делали заграждения против конницы: клали железные бороны вверх зубьями и засыпали снегом. Кони Красной армии, принимав-

шие участие в подавлении восстания, калечили себе ноги и выбывали из строя [18, л. 161]. Во время восстания забивали лошадей на мясо, из-за нехватки кормов, для обмена и продажи [19, лл. 2, 16, 23].

С 1920 по 1921 г. убыль лошадей была больше почти в 40 раз, чем за 1921–1922 г. Конское поголовье и в трудные годы бескормицы пострадало меньше, чем другой скот.

Заключение

Итак, в годы Первой мировой, Гражданской войн и иностранной интервенции произошло существенное сокращение конского поголовья. Оно было вызвано рядом причин:

- после 1916 г. у крестьян исчез материальный стимул для выращивания лошадей на поставки в армию и крестьяне перестали их выращивать;
- мобилизацией лошадей в Красную и Белую армии;
- при выполнении гужевых повинностей лошади часто погибали от плохого кормления и непосильной работы;
- конфискацией лошадей в ходе выполнения продразверстки;
- недостатком кормов, вызванных засухой 1920 и 1921 гг., а также изъятием кормов в счёт продразверстки.

Наибольшие потери были вызваны гибелью лошадей во время Ишимско-Тобольского крестьянского восстания 1921 г., которое было спровоцировано применением жестких мер к населению в ходе сбора продразверстки.

Сокращение поголовья лошадей было характерно в целом для страны, но в Зауралье оно имело более широкие масштабы.

Исследование проведено самостоятельно, без спонсорской поддержки.

Список литературы

1. Андреев В.М. Под знаменем пролетариата: трудовое крестьянство в годы Гражданской войны. М.: «Мысль», 1981. 236 с.
2. Государственный архив Тюменской области (ГАТО). Ф. 521. Оп. 1. Д.517. Л.110.

3. ГАТО. Ф. 11. Оп. 2. Д. 49. Л. 49.
4. ГАТО. Ф. 195. Оп. 1. Д. 39. Л. 265.
5. ГАТО. Ф. 195. Оп. 1. Д. 104. Л. 56.
6. ГАТО. Ф. 11. Оп. 2. Д. 49. Лл. 49, 50.
7. ГАТО. Ф. 11. Оп. 2. Д. 218. Лл. 18, 21, 22, 82.
8. ГАТО. Ф. 228. Оп. 1. Д. 3. Л. 3.
9. ГАТО. Ф. 195. Оп. 1. Д. 33. Л. 41.
10. ГАТО. Ф. 195. Оп. 1. Д. 39. Л. 262.
11. ГАТО. Ф. 605. Оп. 1. Д. 160. Л. 213.
12. ГАТО. Ф. 11. Оп. 2. Д. 128. Лл. 40-42.
13. ГАТО. Ф. 251. Оп. 1. Д. 514. Л. 33.
14. ГАТО. Ф. 11. Оп. 2. Д. 344. Л. 10.
15. ГАТО. Ф. 195. Оп. 1. Д. 118. Л. 33; Д. 47. Л. 177.
16. ГАТО. Ф. 251. Оп. 1. Д. 274. Л. 90.
17. ГАТО. Ф. 195. Оп. 1. Д. 170. Лл. 2, 11, 14, 21.
18. ГАТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 277. Л. 161.
19. ГАТО. Ф. 251. Оп. 1. Д. 451. Л. 16; Д. 517. Л. 23; Д. 526. Л. 2.
20. Иваненко В.Е. История развития животноводства в годы «военного коммунизма и НЭПа в Зауралье. Тюмень, 2005. 236 с.
21. Известия ВЦИК. 13 июня 1920 г. № 127.
22. Кабанов В.В. Крестьянское хозяйство в условиях «военного коммунизма» М., 1988. 305 с.
23. Копылова В.И. Продовольственная разверстка в Тюменской (Тобольской) губернии в 1921–1922 гг. / Учебно-методическое пособие для учителей. Тюмень, 1993. 59 с.
24. Лагунов К. Двадцать первый. Исторический очерк. Свердловск, 1991. 142 с.

References

1. Andreev V.M. *Pod znamenem proletariata: trudovoye krestyianstvo v godyi Grajdanskoj vojiny* [Under the banner of the proletariat: labor peasantry during the Civil war.] Moscow: «Myisl», 1981. 236 p.
2. *Gosudarstvennyy arkhiv Tyumenskoy oblasti (GATO)* [The state archive of Tyumen region]. F. 251. Inv. 1. D. 517. S. 110.
3. GATO. F. 11. Inv. 2. D. 49. S. 49.

4. GATO. F. 195. Inv. 1. D. 39. S. 265.
5. GATO. F. 195. Inv. 1. D. 104. S. 56.
6. GATO. F. 11. Inv. 2. D. 49. SS. 49, 50.
7. GATO. F. 11. Inv. 2. D. 218. SS. 18, 21, 22, 82.
8. GATO. F. 228. Inv. 1. D. 3. S. 3.
9. GATO. F. 195. Inv. 1. D. 33. S. 41.
10. GATO. F. 195. Inv. 1. D. 39. S. 262.
11. GATO. F. 605. Inv. 1. D. 160. S. 213.
12. GATO. F. 11. Inv. 2. D. 128. S S. 40-42.
13. GATO. F. 251. Inv. 1. D. 514. S. 33.
14. GATO. F. 11. Inv. 2. D. 344. S. 10.
15. GATO. F. 195. Inv. 1. D. 118. S. 33; D. 47. S. 177.
16. GATO. F. 251. Inv. 1. D. 274. S. 90.
17. GATO. F. 195. Inv. 1. D. 170. SS. 2, 11, 14, 21.
18. GATO. F. 1. Inv. 1. D. 277. S. 161.
19. GATO. F. 251. Inv. 1. D. 517. S. 23; D. 526. S. 2; D. 451. S. 16.
20. Ivanenko V.E. *Istoriya razvitiya zhivotnovodstva v gody «voennogo kommunizma» i NEPa v Zaurale* [History of livestock development in the years of «war communism» and the new economic policy in the Urals]. Tyumen, 2005. 236 p.
21. Izvestia VCIK. 13 June 1920. № 127.
22. Kabanov V.V. *Krestyianskoye khozyaistvo v uslovyiah «voennogo kommunizma»* [Peasant economy in the conditions of “ war communism”]. Moscow, 1988. 305 p.
23. Kopilova V.I. *Prodovolstvennaya razverstka v Tyumenskoj (Tobolskoj) gubernii v 1921–1922 godi. Uchebno-metodicheskoe posobie dlya uchitelei* [Food deployment in the Tyumen (Tobolsk) province in 1921–1922. Educational and methodical manual for teachers]. Tyumen, 1993. 59 p.
24. Lagunov K. *Dvadcat pervyi. Istorycheski ocherk* [Twenty first. Historical essay]. Sverdlovsk, 1991. 142 p.

ДАнные ОБ АВТОРАХ

Иваненко Валентина Евгеньевна, доцент кафедры философии и гуманитарных наук, кандидат исторических наук, доцент

*Государственный аграрный университет Северного Зауралья
ул. Республики, 7, г. Тюмень, Тюменская область, 625003, Рос-
сийская Федерация
ivanenkove@mail.ru*

Подковырова Марина Анатольевна, доцент кафедры геодезии и
кадастровой деятельности, кандидат сельскохозяйственных
наук, доцент

*Тюменский индустриальный университет
ул. Володарского, 38, г. Тюмень, Тюменская область, 625000,
Российская Федерация
Podkovyrova.54@mail.ru*

DATA ABOUT THE AUTHORS

Ivanenko Valentina Evgenevna, docent of chair of philosophy and hu-
manities sciences, candidate of historical sciences, docent

*State agrarian University Northern Zauralye
7, Respubliki str., Tyumen, Tyumen region, 625003, Russian Fe-
deration
ivanenkove@mail.ru
ORCID: 0000-0003-3979-9705*

Podkovyrova Marina Anatolevna, docent of geodesy and cadastral
activities, candidate of agricultural sciences

*Tyumen Industrial University
38, Volodarsky str., Tyumen, Tyumen region, 625000, Russian
Federation
Podkovyrova.54@mail.ru*

DOI: 10.12731/2077-1770-2019-3-27-36

УДК 159.99

ЭТНОПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ КОПИНГ-ПОВЕДЕНИЯ У ОСЕТИН И РУССКИХ

Афанасьева Ю.А., Гуриева С.Д.

Современная жизнь человека протекает с присутствием в ней огромного количества трудностей, которые необходимо оперативно и продуктивно преодолевать, используя определенные способы совладающего со стрессом поведения (копинг-поведения). Несмотря на теоретическую разработанность проблемы копинг-поведения, все еще остается актуальным вопрос влияния культуры на формирование совладающего поведения и его проявления. До сих пор не изучены социально-психологические аспекты копинг-поведения у различных этнических групп РФ. В статье представлены результаты эмпирического исследования актуальной в социальной психологии проблемы этнопсихологических различий копинг-поведения, изучены и описаны их различия у представителей русского и осетинского этносов. Подобное изучение этнокультурного аспекта совладающего поведения актуально в связи с тем, что оно содействует лучшему пониманию способов целостного функционирования личности как субъекта деятельности в контексте межэтнического взаимодействия.

Цель. Основная цель исследования заключается в проведении сравнительного анализа кросскультурных особенностей копинг-поведения у представителей русского и осетинского этносов. Исходя из цели исследования, обозначены следующие задачи: теоретическое изучение проблем кросскультурных исследований в трудах отечественных и зарубежных авторов, эмпирическое исследование влияния культуры на копинг-поведение и сравнительный анализ этнических особенностей русской и осетинской культур в современном обществе.

Метод или методология проведения работы. Комплекс эмпирических методов включает в себя способы этнопсихологической диагностики с помощью методики «Копинг-поведение в стрессовых ситуациях» (разработан Н. Эндлером и Д. Паркером, адаптирован Т.Л. Крюко-

вой), тестовой методики «Опросник совладания со стрессом COPE» (разработан К. Карвером, М. Шейером и Дж. Вейнтраубом, адаптирован Т.О. Гордеевой, Е.Н. Осиным, Е.А. Рассказовой, О.А. Сычевым, В.Ю. Шевяховой), а также методики «Пятифакторный опросник личности BIG FIVE», (разработан П. Коста и Р. Маккрей, адаптирован А. Б. Хромовым). Результаты исследования были подвергнуты математической обработке с помощью компьютерной программы SPSS 13.0, использовался частотный и корреляционный анализ.

Результаты. В ходе проведенного исследования установлено, что представители русского этноса чаще используют проблемно-ориентированный копинг, а среди представителей осетинского этноса доминирует эмоционально-ориентированный копинг. Также выявлено, что для русских в стрессовой ситуации характерна стратегия активного совладания, в то время как для осетин – отрицание и поведенческий уход от проблемы. Обнаружены достоверные различия среди мужчин и женщин в предпочитаемых копинг-стратегиях.

Область применения результатов. Полученные результаты могут быть использованы в практике психологического консультирования мужчин и женщин, переживающих трудную жизненную ситуацию, а также способствуют обогащению научных представлений по проблеме влияния кросскультурных факторов на процесс формирования копинг-поведения.

Ключевые слова: кросскультурные различия; копинг-поведение; копинг-стратегии; совладающее поведение; проблемно-ориентированный копинг; эмоционально-ориентированный копинг, активное совладание; отрицание; избегание; личностные свойства; этнопсихологические особенности; этнос; культура.

THE OSSETIANS AND RUSSIANS' ETHNOPSYCHOLOGICAL PECULIARITIES OF COPING BEHAVIOR

Afanasyeva Y.A., Guriyeva S.D.

People face a lot of problems that must be quickly and efficiently overcome, using certain methods of coping with stress behavior (i.e.

coping behavior). Despite the theoretical development of the problem of coping behavior, the question of culture influence on the formation of coping behavior and its manifestations is still relevant. The socio-psychological aspects of coping behavior in different ethnic groups of the Russian Federation are still unexplored. The article presents the results of an empirical study of the actual problem of ethno-psychological differences in coping behavior in social psychology, studied and described their differences among the representatives of the Russian and Ossetian ethnic groups. Such a study of the ethno-cultural aspect of coping behavior is relevant in connection with the fact that it contributes to a better understanding of the ways of integral functioning of the individual as a subject of activity in the context of interethnic interaction.

Purpose. *The main purpose of the study is to conduct a comparative analysis of cross-cultural features of coping behavior among representatives of Russian and Ossetian ethnic groups. Based on the purpose of the study, the following tasks are identified: theoretical study of the problems of cross-cultural studies in the works of domestic and foreign authors, empirical study of the influence of culture on coping behavior and comparative analysis of ethnic characteristics of Russian and Ossetian cultures in modern society.*

Method or methodology of the work. *The complex of empirical methods includes methods of ethnopsychological diagnosis, using the technique of Coping behavior in stressful situations (developed by N. Endler and D. Parker, adapted by T.L. Kryukova), the test method Coping with stress COPE questionnaire (developed by K. Carver, M. Sheyer and J. Weintraub, adapted by T.O. Gordeeva, E.N. Osyn, E.A. Rasskazova, O.A. Sychev, V.Yu. Shevyakhova), as well as methods of The Big Five personality traits (developed by P. Costa and R. McCrae, adapted by A.B. Khromov). The results of the study were subjected to mathematical processing using a computer program SPSS 13.0., frequency and correlation analysis was used.*

Results. *In the course of the study it is established that the representatives of the Russian ethnos are more likely to use problem-oriented coping, and the emotionally-oriented coping dominates among the*

representatives of the Ossetian ethnos. It is also revealed that the strategy of active coping is typical for the Russians in a stressful situation, while for the Ossetians are likely to resort to denial and behavioral withdrawal from the problem. It was certain significant differences between men and women in preferred coping strategies that were found.

The scope of the results. *The results can be used in the practice of psychological counseling of men and women experiencing difficult life situations, as well as contribute to the enrichment of scientific ideas on the impact of cross-cultural factors on the formation of coping behavior.*

Keywords: *cross-cultural differences; coping behavior; coping strategies; coping behavior; problem-oriented coping; emotionally-oriented coping; active coping; denial; avoidance; personal properties; ethnopsychological features; ethnicity; culture.*

Большинство современных психологов сходятся во мнении, что именно культура играет главную роль в процессе формирования и развития гармоничной личности [14; 15]. Она влияет на восприятие окружающего мира, поведение, установки и даже на здоровье [3]. Изучение этнической специфики формирования копинг-поведения играет важную роль в процессах межэтнического взаимодействия. Так, понимание результатов этнокультурных исследований позволит адекватно воспринимать этническую специфику различных народов, и учитывать различия в поведении, при взаимодействии с представителями других культур [1; 2]. Изучение кросскультурных особенностей копинг-поведения имеет особую актуальность в связи с тем, что содействует пониманию сходств и различий в стратегиях совладающего со стрессом поведения у представителей разных этнических групп, а также содействует лучшему пониманию способов целостного функционирования личности в контексте межэтнического взаимодействия [11; 12; 13].

Цель исследования – сравнительный анализ кросскультурных особенностей копинг-поведения у представителей русского и осетинского этносов. Исследование проводилось в Республике Северная Осетия-Алания. Выборку составили 160 человек (100 женщин

и 60 мужчин), в возрасте от 25 до 75 лет. По этнической принадлежности были опрошены 81 осетин и 79 русских.

В исследовании были применены теоретические методы исследования (обобщение и интерпретация научных данных) и эмпирические методы исследования: авторская анкета с вопросами, направленная на установление социально-демографических характеристик опрошенных респондентов; были применены следующие методы психологической диагностики личности: «Копинг-поведение в стрессовых ситуациях» (разработан Н. Эндлером и Д. Паркером, адаптирован Т.Л. Крюковой) [11], «Опросник совладания со стрессом COPE» (разработан К. Карвером, М. Шейером и Дж. Вейнтраубом, адаптирован Т.О. Гордеевой, Е.Н. Осиным, Е.А. Рассказовой, О.А. Сычевым, В.Ю. Шевяховой) [12], а также методика «Пятифакторный опросник личности BIG FIVE» (разработан П. Коста и Р. Маккрей, адаптирован А.Б. Хромовым) [13]. Результаты исследования были подвергнуты математической обработке с помощью компьютерной программы SPSS 13.0.

Согласно результатам исследования, представители русского этноса в проблемной ситуации чаще используют проблемно-ориентированный копинг ($t=3,18$, при $p \leq 0,01$), который включает в себя высокую степень самообладания и наличие веры в собственные ресурсы для преодоления трудных жизненных ситуаций. Полученные данные говорят о том, что для русских характерен контроль эмоций и сдержанность, преобладает тщательное планирование действий и анализ возникшей проблемы. Тем самым, русские в стрессовой ситуации нацелены на изменение сложившихся проблемных обстоятельств, путем поиска полезной информации и активных действий по их устранению.

Установлено, что русские чаще осетин в случаях трудной жизненной ситуации используют стратегию «активного совладания» ($t=2,50$, при $p \leq 0,01$), предполагая поэтапные действия, направленные на преодоление стрессовой ситуации. Обнаружено, что в русской выборке респонденты чаще прибегают к «социальному отвлечению» как форме копинг-поведения ($t=2,84$, при $p \leq 0,01$),

при которой индивид старается чаще быть в обществе, вступать в социальные контакты с другими людьми, чтобы справиться с проблемными ситуациями. Выявлено, что для представителей русского этноса в большей степени характерно «отвлечение» от проблемной ситуации ($t=3,65$, при $p \leq 0,01$), которое отражается в стремлении к временному отходу от решения проблем с помощью алкоголя, лекарственных средств, погружения в любимое дело, путешествия, исполнения своих заветных желаний. Как показывают результаты, русские также чаще осетин используют копинг-стратегию «избегание проблемы» ($t=3,65$, при $p \leq 0,01$), что подразумевает поведение, предполагающее игнорирование мыслей о неприятностях, уступчивость, пассивность и желание сохранить покой.

В свою очередь, в осетинской выборке чаще прослеживалось использования эмоционально-ориентированного копинга ($t=-1,98$, при $p \leq 0,05$), отражающегося в чрезмерном проявлении собственных чувств и эмоций, вызванных неприятной ситуацией, а также с активным возмущением и протестом по отношению к трудностям, состоянием безнадежности, переживанием злости и возложением вины на себя и других.

У представителей осетинского этноса чаще наблюдается концентрация на собственных эмоциях ($t=-3,28$, при $p \leq 0,01$), проявляющаяся в сосредоточении на отрицательных и негативных эмоциях при неприятностях, выражении субъективных переживаний и демонстрация своих чувств. Определено, что респондентов осетинской выборки отличает частое использование «отрицания» в критической ситуации ($t=-3,70$, при $p \leq 0,01$). Это говорит о том, что осетины чаще русских не хотят верить в случившееся, и тем самым стараются всячески отрицать его реальность. Также, представителям осетинского этноса в случае трудной жизненной ситуации свойственна стратегия «поведенческого ухода от проблемы» ($t=-3,42$, при $p \leq 0,01$), отличающаяся в отказе от достижения желаемой цели и невозможности регулирования усилий, направленных на взаимодействие со стрессом.

Результаты исследования могут быть использованы при разработке рекомендаций по осуществлению национальной политики в республиках Северного Кавказа [4; 10]. Эмпирические результаты

могут стать основой для теоретической базы новых исследований копинг-стратегий у представителей разных этнических групп, так как это способствует обогащению научных представлений по проблеме влияния кросскультурных факторов на процесс формирования копинг-поведения [5; 7; 8]. Выявленные данные, возможно, употреблять в качестве отправных положений при организации социально-психологических служб в поликультурных регионах, а также при разработке учебных программ по психологии стресса, психологии личности, этнической психологии, возрастной психологии и психологии развития [6; 9].

Список литературы

1. Крюкова Т.Л. Культура, стресс и копинг: социокультурная контекстуализация совладающего поведения. Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова; КГТУ, 2015. 236 с.
2. Саракуев Э.А., Крысько В.Г. Введение в этнопсихологию. М.: Институт практической психологии, 1996. 344 с.
3. Магомедов А.Х. Культура и быт осетинского народа. Владикавказ: «ИР», 2011. 434 с.
4. Мацумото Д. Психология и культура / Пер. с англ. Т. Гутман. СПб: Питер, 2003. 718 с.
5. Коржова Е.Ю. Жизненные ситуации и стратегии поведения. // Психологические проблемы самореализации личности / Под ред. А.А. Крылова, Л.А. Коростылевой. СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 1997. 240 с.
6. Рассказова Е.И., Гордеева Т.О., Осин Е.Н. Копинг-стратегии в структуре деятельности и саморегуляции // Психология. Журнал ВШЭ. 2013. Том 10, № 1. С. 82-118.
7. Хромов А.Б. Пятифакторный опросник личности. Учебно-методическое пособие. Курган: КГУ, 2000. 23 с.
8. Павленко В.Н., Таглин С.А. Общая и прикладная этнопсихология: учебное пособие. М.: Т-во научных изданий КМК. 2005. 483 с.
9. Платонов Ю.В., Почебут Л.Г. Этническая социальная психология. СПб.: СПбГУ, 1993. 109 с.

10. Худалова М.З. Этнопсихологические особенности самореализации личности: дис. ... канд. психол. наук. СПб.: СПбГУ, 2013. 208 с.
11. Wills T.A. Help-seeking as a coping mechanism // *Coping with Negative Life Events*. NY.: Plenum, 1987, pp. 19–50.
12. Wills T.A. Stress and Coping factors in epidemiology of substance use. // *Research advances in alcohol and drug problems – N.Y.*: Plenum, 1990, pp. 215–250.
13. Wills T.A. Multiple networks and substance use // *J. of Soc. and Clinic. Psychol.* 1990, V. 9. (1), pp. 78–90.
14. Wong P.T.P., Wong L.C.J. *Handbook of Multicultural Perspectives on Stress and Coping*. N.Y.: Springer, 2006. 145 p.
15. Wunderer E., Schneewind K.A. The relationship between marital standards, dyadic coping and marital satisfaction // *European J. of Social Psychology*. 2008, V. 38, pp. 462–476.

References

1. Kryukova T.L. *Kul'tura, stress i koping: sotsiokul'turnaya kontekstualizatsiya sovladayushchego povedeniya* [Culture, stress and coping: sociocultural contextualization of coping behavior]. Kostroma: KGU im. N.A. Nekrasova; KGTU, 2015. 236 p.
2. Sarachev E.A. Krys'ko V.G. *Vvedenie v jetnopsihologiju* [Introduction into ethnopsychology]. M.: Institut prakticheskoy psihologii, 1996. 344 p.
3. Magometov A.H. *Kul'tura i byt osetinskogo naroda* [Culture and life of the Ossetian people]. Vladikavkaz: "IR", 2011. 434 p.
4. Matsumoto D. *Psihologija i kul'tura* [Psychology and culture]. SPb: Peter, 2003. 718 p.
5. Corjova E.Yu. *Zhiznennye situacii i strategii povedeniya* [Life situations and strategy of behavior]. *Psihologicheskie problemy samorealizacii lichnosti* [Psychological problems of personal self-realization]. SPb.: Izd-vo S.-Peterburgskogo universiteta, 1997. 240 p.
6. Rasskazova E.I., Gordeeva T.O., Osin E.N. Koping-strategii v strukture dejatel'nosti i samoreguljacii [Coping strategies in the structure of activity and self-regulation]. *Psihologija. Zhurnal VShJe*. 2013. Tom 10, no. 1, pp. 82-118.

7. Khromov A.B. *Pjatifaktornyj oprosnik lichnosti. Uchebno-metodicheskoe posobie* [Five-factor personality questionnaire. Educational and methodical manual]. Kurgan: KGU, 2000. 23 p.
8. Pavlenko V.N., Taglin S.A. *Obshhaja i prikladnaja jetnopsihologija: uchebnoe posobie* [General and applied ethnopsychology: textbook]. M.: T-vo of scientific editions KMK. 2005. 483 p.
9. Platonov Yu.V., Pochebut L.G. *Jetnicheskaja social'naja psihologija* [Ethnic social psychology]. SPb.: SPbGU, 1993. 109 p.
10. Hudalova M.Z. *Jetnopsihologicheskie osobennosti samorealizacii lichnosti* [Ethnopsychological peculiarities of development of the person]: dis. ... kand. psihol. nauk. SPb.: SPbGU, 2013. 208 p.
11. Wills T.A. Help-seeking as a coping mechanism. Coping with Negative Life Events. NY.: Plenum, 1987, pp. 19–50.
12. Wills T.A. Stress and Coping factors in epidemiology of substance use. Research advances in alcohol and drug problems. N.Y.: Plenum, 1990, pp. 215–250.
13. Wills T.A. Multiple networks and substance use. *J. of Soc. and Clinic. Psychol.* 1990, V. 9. (1), pp. 78–90.
14. Wong P.T.P., Wong L.C.J. Handbook of Multicultural Perspectives on Stress and Coping. N.Y.: Springer, 2006. 145 p.
15. Wunderer E., Schneewind K.A. The relationship between marital standards, dyadic coping and marital satisfaction. *European J. of Social Psychology.* 2008, V. 38, pp. 462–476.

ДААННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Афанасьева Юлия Александровна, ассистент кафедры психологии
*Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л.
Хетагурова*
ул. Ватутина, 44-46, г. Владикавказ, Республика Северная
Осетия – Алания, 362017, Российская Федерация
afanaseva.y@mail.ru

Гуриева Светлана Дзахотовна, доктор психологических наук,
профессор кафедры социальной психологии
Санкт-Петербургский государственный университет

*Набережная Макарова, 6, г. Санкт-Петербург, 199034, Рос-
сийская Федерация
gurievasv@gmail.com*

DATA ABOUT THE AUTHOR

Afanasyeva Julia Aleksandrovna, assistant of psychology

North Ossetian state University

*44-46, Vatutin str., Vladikavkaz, Republic of North Ossetia-Ala-
nia, 362017, Russian Federation*

afanaseva.y@mail.ru

SPIN-code: 4441-9439

ORCID: 0000-0003-1725-4552

Gurieva Svetlana Dzakhotovna, Doctor of Psychology, professor of
Social Psychology

Saint-Petersburg State University

*6, Makarov embankment, Saint-Petersburg, 199034, Russian Fe-
deration*

gurievasv@gmail.com

SPIN-code: 7849-2577

ORCID: 0000-0002-4305-432X

DOI: 10.12731/2077-1770-2019-3-37-52

УДК 323.2-048.37(430:430.3)»199»

ИННОВАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА ГЕРМАНИИ В НОВЫХ ЗЕМЛЯХ В 1990-Х ГОДАХ

Пилавов Г.П.

Цель. Статья посвящена рассмотрению инновационной политики и перечня федеральных программ поддержки научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (далее – НИОКР), которые действовали в восточной части Германии с 1990 г. Автор ставит целью обозначить основные этапы инновационной политики ФРГ после объединения, определить направления инновационной политики в этих этапах, охарактеризовать особенности принятых программ, их основные цели и период реализации.

Метод или методология проведения работы. Автором были применены сравнительно-исторический, проблемно-хронологический, системный и институциональный методы.

Результаты. На основе отечественных и иностранных источников была рассмотрена инновационная политика в новых землях ФРГ в 1990-х гг., проведен обзор федеральных программ поддержки НИОКР. Основное внимание уделялось программам поддержки федерального правительства, которые были разработаны специально для новых федеральных земель. Кроме того, были изучены и общенациональные программы. Выяснено, что главной целью инновационной политики было создание условий для перехода земель бывшей ГДР в общегерманскую инновационную политику и политика преодоления экономического отставания от старых земель. Были выделены три взаимосвязанных между собой этапа реализации инновационной политики. В соответствии с целями программ, принятых федеральным министерством, каждый из этапов имел свою периодизацию и направление.

Область применения результатов. Инновационный опыт такой экономически ведущей страны как Германии становится все более

актуальным для многих стран и регионов мира. Кроме этого, инновационная политика в новых землях после объединения Германии вызывает особенный интерес у стран с бывшей плановой экономикой, поэтому, так важно изучить инновационный опыт Германии в период трансформации экономики, ведь этот опыт, считается одним из самых успешных. Результаты могут быть также применены в образовательной и научной-исследовательской деятельности.

Ключевые слова: история Германии; ФРГ; инновационная политика; НИОКР; программы федерального правительства.

INNOVATION POLICY OF GERMANY IN THE NEW STATES IN THE 1990S

Pilavov G.P.

Purpose. *The article is concerned with innovation policy and the list of federal programs supporting research and development, which have operated in the eastern part of Germany since 1990. The author aims to identify the main stages of the innovation policy of Germany after the unification, to determine the directions of innovation policy in these stages, to characterize the features of the adopted programs, their main goals and the implementation period.*

Methodology. *The author used comparative-historical, problem-chronological, systemic and institutional methods.*

Results. *On the basis of domestic and foreign sources, the innovation policy in the new states of Germany in the 1990s was reviewed, and a review of federal R & D support programs was conducted. Increased focus was on support programs for the federal government that were designed specifically for the new federal states. In addition, nationwide programs were studied. It was found that the main goal of the innovation policy was to create conditions for the transition of the states of the former GDR into the all-German innovation policy and the policy of overcoming the economic lag between the old states. Three interrelated stages of innovation policy implementation were identified. In accordance with the objectives of the programs that was*

adopted by the federal ministry, each of the stages had its own periodization and direction.

Practical application. *The innovative experience of such an economically leading country like Germany is becoming increasingly important for many countries and regions of the world. In addition, innovation policy in the new states after the unification of Germany arouses interest to countries with the former planned economy, therefore, it is so important to study the innovative experience of Germany in the period of economic transformation, because it is considered as one of the most successful. The results can also be applied in educational and research activities.*

Keywords: *history of Germany; Federal Republic of Germany; innovation policy; Research & Development; federal government programs.*

Введение

Объединение Германии – это важная политическая победа ФРГ. После основных этапов процесса объединения, 14 октября 1990 г. в ФРГ вошло пять новых земель бывшей ГДР с полностью другой экономикой, преобразование которой для ФРГ стало первой целью. Одной из важнейших составляющих экономического преобразования служила инновационная политика и принятие соответствующих для нее мер в этих новых землях. После объединения ФРГ, инновационная система в Восточной Германии должна была соответствовать образцу западногерманской модели. Как показывает практика, регионы, которые производят инновации, более успешны. Ведь там, где возникают инновации, растет экономическая мощь и конкурентоспособность, создаются новые рабочие места. Поэтому инновации в новых землях ФРГ рассматривались как один из ключевых показателей прогресса экономики. Процессы, связанные с экономическим развитием и преодолением инновационного отставания земель бывшей ГДР, актуальны и по сей день для этих регионов и всей ФРГ.

Экономическое развитие восточных земель было важным для руководства страны, чтобы убедить германскую и мировую общественность, что федеральное правительство способно эффектив-

но решить проблему преодоления внутреннего раскола [3, с. 563]. Федеральному правительству Германии необходимо было выбрать инновационную политику, которая позволила бы ускоренно выровнять экономическое и инновационное различие между Западной и Восточной Германией и положительно влияла бы на процессы интеграции новых земель в общегерманское экономическое пространство. Мерами правительства стало принятие ряда программ, имеющих определенные цели и направления. Важно изучить характер этих программ, чтобы понять и определить основные этапы инновационной политики ФРГ в новых землях в 1990-х гг.

Германия – государство, которое традиционно содействует научным исследованиям и внедрению инноваций. Эффективная инновационная политика – это то, что позволило Германии стать в число мировых лидеров инновационного развития на сегодняшний день и быть предметом углубленного изучения многими странами [2]. Анализ инновационного опыта Германии в отношении новых земель с момента начала процесса их интеграции в общегерманское экономическое и европейское пространство особо актуален для стран, некогда имевших систему плановой экономики. Этот процесс сопровождался множеством серьезных испытаний, поэтому важно изучить первые шаги и принятые меры ФРГ в области инновационной политики, ведь они также повлияли на принятие решений и мер федерального правительства в этой сфере уже в начале XXI в. и настоящее время.

Материалы и методы

Основными источниками исследования послужили работы немецких и отечественных ученых, посвященные инновационной политике в Восточной Германии. Эти источники позволили изучить принятые меры федерального правительства, особенности и временные рамки этих мер, на основе чего были выделены этапы инновационной политики Германии в новых землях в 1990-х гг. Договор об объединении Германии, особенно ст. 38, касающаяся науки и исследований – является важным правовым источником. Матери-

алы и документы Федерального министерства экономики и энергетики Германии и Федерального министерства образования и научных исследований Германии также пополнили источниковую базу.

Автором были применены сравнительно-исторический, проблемно-хронологический, системный и институциональный методы. Сравнительно-исторический метод позволил выявить характерные черты реализации инновационной политики в Восточной Германии в исследуемый период. Проблемно-хронологический метод дал возможность показать процесс становления и развития инновационной политики ФРГ в новых землях во временной последовательности и динамике. Системный метод позволил выявить внешние и внутренние факторы, которые влияли на инновационную политику ФРГ в новых землях, а также на связи и взаимовлияния между элементами проводимой инновационной политикой. Институциональный метод был важен для изучения политических механизмов реализации инновационной политики.

Результаты и обсуждение

Изменение экономической системы в новых землях Германии после объединения повлияло на глубокие изменения в сфере научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (далее – НИОКР). Реструктуризация и приватизация бывших государственных предприятий привела к массовому снижению промышленных НИОКР. В рамках трансформации экономики распались существовавшие договорные и неофициальные отношения между промышленностью и научными учреждениями, а это означало, что финансовые основы для государственных НИОКР были существенно сокращены и столь важное для НИОКР межличностное сотрудничество было потеряно [12].

Из-за открытия новых рынков восточногерманским товаропроизводителям грозила опасность вытеснения с рынка более конкурентными игроками. Поэтому главная стратегическая задача правительства заключалась в создании инструментов и условий, которые бы укрепили позиции производителей, на общегерманском, евро-

пейском и мировом уровне [4]. Одним из таких инструментов была инновационной политика.

Для сохранения имеющихся исследований в сфере промышленности и инновационного потенциала в новых федеральных землях, правительство разработало программы поддержки НИОКР сразу же после падения Берлинской стены, чтобы в первую очередь противодействовать резкому сокращению персонала, занятого в НИОКР [9, с. 73]. С 1989 по 1992 год занятость в сфере НИОКР сократилась с 86 тыс. человек до чуть более 22 тыс. [13, с. 6].

П. 6 ст. 38 Договора об объединении Германии предусматривал, что меры поддержки НИОКР, которые оказались успешными в Западной Германии, должны быть реализованы в новых землях, и соответственно уже существующие программы должны быть распространены из Западной Германии в Восточные земли [15].

Министерства, ответственные за продвижение НИОКР и инноваций, тогдашнее Федеральное министерство экономики (сегодня: Федеральное министерство экономики и технологий) и Федеральное министерство исследований и технологий (сегодня: Федеральное министерство образования и исследований), приняли пакет мер в середине 1990 г. для поддержки НИОКР в новых землях [9, с. 73].

Меры, которые использовались в новых землях вскоре после воссоединения, а также частично уже до него, включали, прежде всего, программы поддержки для обеспечения занятости в сфере НИОКР. Необходимо было противодействовать массовому сокращению научно-исследовательского персонала путем предоставления необходимого финансирования для расходов на персонал [9, с. 73].

Многие восточногерманские компании отказались от собственных исследований в начале 1990-х гг. чтобы сократить расходы, а иностранные инвесторы часто предпочитали проводить исследования в Западной Германии или за рубежом из-за большей эффективности [7, с. 9].

Соответствующие программы, в частности программы «Поддержка персонала Востока» («Personalförderung Ost» – PFO) и «Содействие приросту персонала НИОКР Востока» («FuE-

Personalzuwachsförderung Ost» – ZFO), должны противодействовать этой тенденции [9, с. 75].

В начале 1990-х гг. речь не шла о выпуске новой конкурентоспособной продукции на рынок со стороны восточногерманских промышленных компаний. Наоборот, перед компаниями стояла задача обновить свой основной капитал, управление, ассортимент продукции и т. д., а также открыть новые рынки. Поэтому, прежде всего, финансирование исследований служило сохранению отделов НИОКР и персонала НИОКР. Как позже выяснилось, компании действительно были заинтересованы в получении определенного финансирования, а сама продукция не была на переднем плане. Это было важно на первоначальном этапе, для того, чтобы обеспечить выживание предприятиям, а до уровня западных земель и стран с развитой экономикой было еще далеко [9, с. 76].

Другим инструментом, который должен был противодействовать массовому спаду промышленных исследований в новых землях, было содействие контрактным исследованиям. Подобная модель уже была использована в Западной Германии. Это была программа «Внешние контрактные исследования» («Externe Vertragsforschung»), которая существовала в старых землях в период 1978–1991 гг. Программа «Контрактные исследования и разработки Востока» («Auftragsforschung und-entwicklung Ost» – AFO), введенная в 1990 г., была расширена в 1992 г. программой «Контрактные исследования Запад-Восток» («Auftragsforschung West-Ost» – AWO) с целью получения новыми землями заказов на исследования из старых земель [9, с. 76].

Помимо поддержки персонала, занятого в сфере НИОКР, и заказов на исследования, были также выделены средства для финансирования отдельных проектов в области НИОКР. Программа «Предварительные для рынка промышленные исследования» («Marktvorbereitende Industrieforschung» – MVI) была разработана специально для новых земель и предназначалась для поддержки малых и средних предприятий, а также исследовательских институтов [11, с. 20]. Кроме того, на новые земли были

распространены другие программы Западной Германии, такие как: «Совместные промышленные исследования» («Industrielle Gemeinschaftsforschung» – IGF) или «Программа поддержки инноваций» («Innovationsförderprogramm» – IFP), которые уже существовали в Западной Германии в 1980-х гг. [9, с. 76].

Дальнейшее финансирование с начала 1990-х гг. было нацелено на технологически ориентированные стартапы, с целью противодействия распаду производственных и промышленных НИОКР. С тем же намерением состоялось строительство региональных технологических центров и бизнес-инкубаторов на основе западно-германской модели [9, с. 76].

Несмотря на то, что в начале 1990-х гг. промышленная и отраслевая политика или инвестиционная политика играли большую роль в политике трансформации экономики новых земель, основной проблемой было сохранение промышленных исследований в Восточной Германии. Комплекс мер, таких как сохранение персонала НИОКР, контрактные исследования, индивидуальные проекты, были не только нацелены на сохранение потенциала НИОКР в начале 1990-х гг., но и на поддержку экономического сектора Восточной Германии в целом [9, с. 76].

Если в начале 1990-х гг. меры правительства могли лишь частично остановить продолжающиеся сокращения персонала НИОКР, то в последующие годы меры, принятые для обеспечения занятости в сфере НИОКР, были в целом реализованы. Программы по сохранению персонала НИОКР продолжались до 2003 г. в рамках «специальных программ НИОКР». Поэтому следующие меры правительства больше были направлены уже на развитие кооперации и сотрудничества [9, с. 77].

Несмотря на то, что в новых землях в 1990-х гг. сложился неплохой фундамент для НИОКР, сотрудничество предприятий, исследовательских и бизнес-учреждений на региональном уровне было развито слабо, поскольку они не были достаточно связаны между собой. Поэтому для улучшения взаимосвязи между промышленностью и государственными научно-исследовательскими института-

ми, которые были либо реструктурированы, либо почти полностью ликвидированы, субсидирование проектов в роли сотрудничества в области исследований становилось все более популярной мерой [9, с. 77].

Субсидии федерального правительства в новых землях были направлены не только улучшение взаимосвязи предприятий и научных учреждений, но и на целые регионы, для того, чтобы укрепить их инновационную мощь. «Регионально-ориентированная инновационная политика», параллельная идеи кластеризации и направленная на региональное продвижение высоких технологий, становилась все более важной. Эта политика реализовывалась в программах «BioRegio» (1995–1996 гг.), а затем в контексте программы «InnoRegio» [6]. Благодаря «InnoRegio» создавался эффект от совместных действий участников, вовлеченных в сотрудничество, тем самым ускорялись инновационные процессы, которые влияли на экономическое усиление региона, чтобы дать необходимый толчок для занятости населения и экономического роста [1].

Продолжалось и финансирование стартапов, ориентированных на технологии. Однако, принятая для этой цели программа «FUTOUR» (1997–2003 гг.) не дала ожидаемого эффекта в новых землях ФРГ, так как спрос на эту программу снизился к концу срока ее реализации из-за смены архитектуры финансирования для технологических стартапов и дальнейшим появлением нового фонда финансирования в рамках Европейского инвестиционного фонда и нового высокотехнологичного фонда для стартапов, который отдавал предпочтение новым федеральным землям и был ориентирован на участников программы «FUTOUR». Поэтому с 2003 г. деятельность программы была прекращена на федеральном уровне без замены. Тем не менее, учредители предприятий продолжали получать финансовую поддержку и консультации в рамках мер поддержки конкретной земли [9, с. 78].

Следующим шагом в реализации инновационной политики в новых землях ФРГ стало принятие новых программ в конце 1990-х гг. для более глубокого и тесного сотрудничества между компаниями

и научными учреждениями. Если предыдущие программы нацеливались на сотрудничество на не долгосрочной проектной основе, то нововведенные программы опирались уже на создание разветвленных сетей между различными участниками в инновациях и исследованиях с целью долгосрочного сотрудничества. В отличие от политики финансирования в рамках одного проекта, программы по созданию сетей включали в себя субсидии на улучшение имеющейся инфраструктуры и менеджмента [9, с. 78]. Сети обычно основаны на контракте, который определяет общие цели и детали сотрудничества. Многие сети характеризуются пространственной близостью участников. Три независимых партнера обычно считается минимумом для создания сети [8, с. 6]. Было уделено особое внимание финансовой поддержке сетей в надежде на синергетический эффект. Переход от однопроектного финансирования к сетевому рассматривался как важный сдвиг в инновационной политике в землях бывшей ГДР [9, с. 78].

В начале XXI века многие программы финансирования были переведены в общенациональные программы, поэтому осталось лишь несколько программ, которые действовали только в новых землях. Одной из них является «Инновационная способность востока» («Innovationskompetenz-Ost»). Ее целями являются устойчивое укрепление инновационной составляющей в экономике восточных земель путем финансирования промышленных НИОКР, улучшение условий для реализации промышленных НИОКР, укрепление технологического показателя и конкурентоспособности, содействие реализации НИОКР, с целью быстрого внедрения продуктов на рынок, а также создание рабочих мест [10].

Кроме того, действует программа «Регион предприятий» («Unternehmen Region»), которая предназначена исключительно для восточногерманских компаний и промышленных исследовательских институтов. Программа основана на четком понимании: инновации разворачиваются там, где разные партнеры из бизнеса, науки и образования объединяются и образуют альянс. В рамках данной программы Федеральное министерство исследований инвестирует в предпринимательские инновационные альянсы и в регионы. Программа

ясно дает понять, что регион и инновации зависят друг от друга. Многие малые и средние предприятия в Восточной Германии смогут выжить в условиях жесткой конкуренции, только если они укрепят свои способности к инновациям. Поэтому программа имеет одну общую цель: обеспечить больше инноваций в новых землях [14].

Шаги, предпринятые в направлении общей инновационной политики Западной и Восточной Германии показаны путем объединения нескольких программ в «Центральную инновационную программу для малых и средних предприятий» («Zentralen Innovationsprogramm Mittelstand» – ZIM). Целью программы является устойчивая поддержка инновационного потенциала и конкурентоспособности компаний, что способствует их росту, а также созданию и сохранению рабочих мест. Малые и средние предприятия и исследовательские институты, работающие с ними, получают гранты для востребованных проектов НИОКР, которые ведут к появлению новых продуктов, технических услуг или улучшенных производственных процессов [5].

Заключение

Исторический анализ инновационной политики в новых землях Германии показывает, что из-за потрясений, связанных с трансформацией в начале 1990-х гг., инновации в землях бывшей ГДР едва ли были возможны. Предприятия Восточной Германии перешли на совершенно новый рынок и на совершенно новые конкурентные условия. Инновационную политику федерального правительства ФРГ в новых землях в 1990-е гг. можно в целом разделить на три этапа. Первый этап связан с принятием программ с целью сохранения персонала НИОКР и реализацией проектов на контрактной основе, так как после объединения Германии, сохранение НИОКР сразу стало одной из важнейших проблем. Второй этап, в первую очередь, связан с политикой и принятием программ в области развития сотрудничества между предприятиями и научными учреждениями, при этом были продолжены меры по сохранению персонала НИОКР. Третий этап – это реализация мер по организации сетей и крепкой взаимосвязи между всеми участниками инновационных

процессов, с целью создания конкурентных инноваций и перехода к общегерманской инновационной политике.

Несмотря на успехи и позитивную динамику, на сегодняшний день экономика Восточной Германии продолжает испытывать структурные проблемы, которые напрямую влияют на интенсивность НИОКР. Тем не менее, они очень похожи на те, которые испытывают относительно слабые регионы Западной Германии. Между тем, федеральное правительство все больше внимания уделяет развитию инноваций, чтобы обеспечить устойчивый рост экономики в Восточной Германии. Оглядываясь назад на более чем 20-летний опыт германского единства, можно увидеть, что выравнивание экономической мощи между Востоком и Западом возможно при наличии политической воли и достаточных ресурсов.

Список литературы

1. Воронина Л.А., Трофименко Е.В. Опыт Германии по применению инновационных сетей и проектов финансирования при реализации научно-инновационной политики // Региональная экономика: теория и практика. 2008. №5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/opyt-germanii-po-primeneniyu-innovatsionnyh-setey-i-proektov-finansirovaniya-pri-realizatsii-nauchno-innovatsionnoy-politiki> (дата обращения: 22.02.2019).
2. Гаврилова Н.М. Современный опыт инновационного развития Германии и возможности его использования в России // Финансы: Теория и Практика. 2011. №6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennyy-opyt-innovatsionnogo-razvitiya-germanii-i-vozmozhnosti-ego-ispolzovaniya-v-rossii> (дата обращения: 22.02.2019).
3. История Германии: учебное пособие: в 3 тт. / Под общ. ред. Б. Бонвеча, Ю.В. Галактионова. М.: КДУ, 2008. Т. 2: От создания Германской империи до начала XXI века / А.М. Бетмакаев, Т.А. Бяликова, Ю.В. Галактионов, [и др.]; отв. ред. Ю.В. Галактионов; сост. науч.-справ. Аппарата А. А. Мить. 672 с.: ил., [16] с.: цв. ил.
4. Рихтер К. Экономика Восточной Германии: результаты рыночной трансформации // Вестник СПбГУ. Серия 5: Экономика. 2004. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekonomika-vostochnoy-germanii-rezultaty-rynochnoy-transformatsii-1> (дата обращения: 23.02.2019).

5. Bekanntmachung Neufassung der Richtlinie „Zentrales Innovationsprogramm Mittelstand (ZIM)“ Vom 15. April 2015 // Bundesministerium für Wirtschaft und Energie. URL: https://www.zim.de/ZIM/Redaktion/DE/Downloads/Richtlinien/richtlinie-zim-2015.pdf?__blob=publicationFile&v=6 URL: (дата обращения 20.02.2019).
6. Dohse D. Regionen als Innovationsmotoren: Zur Neuorientierung in der deutschen Technologiepolitik (2000). Kieler Diskussionsbeiträge Nr. 366. URL: <https://www.econstor.eu/bitstream/10419/2471/1/318842262.PDF> (дата обращения 21.02.2019).
7. Fritsch M., Meyer-Krahmer F., Pleschak F. Innovationen in Ostdeutschland. Potentiale und Probleme. Physica Heidelberg: Heidelberg 1998. 392 s.
8. Günther J. (2003): Innovation cooperation in East Germany – only a half-way success?, IWH Discussion Papers, No. 170, Leibniz-Institut für Wirtschaftsforschung Halle (IWH), Halle (Saale). URL: <https://www.econstor.eu/bitstream/10419/77001/1/170.pdf> (дата обращения 18.02.2019).
9. Günther J., Nulsch N., Wilde K. (2010): Im Fokus: 20 Jahre Innovationspolitik: Vom „nackten Überleben“ zur Hightech-Förderung in Ostdeutschland, Wirtschaft im Wandel, ISSN 2194-2129, Leibniz-Institut für Wirtschaftsforschung Halle (IWH), Halle (Saale), Vol. 16, Iss. 2, 2010, pp. 73-79. URL: <https://www.econstor.eu/bitstream/10419/143797/1/2010-02-03.pdf> (дата обращения 13.02.2019).
10. Innovationskompetenz-Ost // Bundesministerium für Wirtschaft und Energie. URL: http://www.innovationskatalog.net/foepro/ikom/dokumente/ikom_flyer.pdf (дата обращения 20.02.2019).
11. Institut für Wirtschaftsforschung Halle (IWH); Zentrum für Europäische Wirtschaftsforschung (ZEW) (Hrsg.): Evaluierung des BMWi-Programms „FuE-Förderung gemeinnütziger externer Industrieforschungseinrichtungen Ostdeutschlands – Innovationskompetenz Ost (INNO-KOMOst)“ einschließlich des Modellvorhabens Investitionszuschuss technische Infrastruktur. Studie im Auftrag des Bundesministeriums für Wirtschaft und Technologie (BMWi). IWH Online 1/2012. Halle (Saale) 2012. URL: https://www.iwh-halle.de/fileadmin/user_upload/publications/iwh_online/io_2012-01.pdf (дата обращения 21.02.2019).
12. Meske W.: Die Umgestaltung des ostdeutschen Forschungssystems – eine Zwischenbilanz. WZB-Veröffentlichung, pp. 93–401. URL: <https://www.>

- econstor.eu/bitstream/10419/50928/1/153172878.pdf (дата обращения 12.02.2019).
13. Müller R. Braucht Ostdeutschland eine neue Technologiepolitik? – Implikationen aus der Funktionsfähigkeit des Marktes für FuE nach der Transformation. IWH-Diskussionspapiere Nr. 145/2001. Halle 2001. URL: <https://www.econstor.eu/bitstream/10419/77040/1/145.pdf> (дата обращения 18.02.2019).
 14. Unternehmen Region // *Bundesministerium für Bildung und Forschung*. URL: https://www.bmbf.de/upload_filestore/pub/Unternehmen_Region_1_2018.pdf (дата обращения 20.02.2019).
 15. Vertrag zwischen der Bundesrepublik Deutschland und der Deutschen Demokratischen Republik über die Herstellung der Einheit Deutschlands (Einigungsvertrag) // *Bundesministerium der Justiz und für Verbraucherschutz*. URL: http://www.gesetze-im-internet.de/einigvtr/art_38.html (дата обращения 18.02.2019).

References

1. Voronina L.A., Trofimenko E.V. Opyt Germanii po primeneniyu innovatsionnyh setej i proektov finansirovaniya pri realizacii nauchno-innovatsionnoj politiki [Germany's experience in applying innovation networks and financing projects in the implementation of science and innovation policy]. *Regional'naya ehkonomika: teoriya i praktika*. 2008. №5. <https://cyberleninka.ru/article/n/opyt-germanii-po-primeneniyu-innovatsionnyh-setey-i-proektov-finansirovaniya-pri-realizatsii-nauchno-innovatsionnoy-politiki> (accessed February 22, 2019).
2. Gavrilova N.M. Sovremennyy opyt innovatsionnogo razvitiya Germanii i vozmozhnosti ego ispol'zovaniya v Rossii [Modern experience of innovative development of Germany and the possibility of its use in Russia]. *Finansy: Teoriya i Praktika*. 2011. №6. <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennyy-opyt-innovatsionnogo-razvitiya-germanii-i-vozmozhnosti-ego-ispolzovaniya-v-rossii> (accessed February 22, 2019).
3. *Istoriya Germanii: uchebnoe posobie: v 3 tt.* [History of Germany: study guide: in 3 vols.]. M.: KDU, 2008. 672 p.
4. Rihter K. EHkonomika Vostochnoj Germanii: rezul'taty rynochnoj transformacii [The economy of East Germany: the results of market

- transformation]. *Vestnik SPbGU. Seriya 5: EHkonomika*. 2004. №2. <https://cyberleninka.ru/article/n/ekonomika-vostochnoy-germanii-rezultaty-rynochnoy-transformatsii-1> (accessed February 23, 2019).
5. Bekanntmachung Neufassung der Richtlinie „Zentrales Innovationsprogramm Mittelstand (ZIM)“ Vom 15. April 2015. Bundesministerium für Wirtschaft und Energie. https://www.zim.de/ZIM/Redaktion/DE/Downloads/Richtlinien/richtlinie-zim-2015.pdf?__blob=publicationFile&v=6 (accessed February 20, 2019).
 6. Dohse D. Regionen als Innovationsmotoren: Zur Neuorientierung in der deutschen Technologiepolitik (2000). *Kieler Diskussionsbeiträge* Nr. 366. <https://www.econstor.eu/bitstream/10419/2471/1/318842262.PDF> (accessed February 21, 2019).
 7. Fritsch M., Meyer-Krahmer F., Pleschak F. Innovationen in Ostdeutschland. Potentiale und Probleme. Physica Heidelberg: Heidelberg 1998, 392 s.
 8. Günther J. (2003): Innovation cooperation in East Germany – only a half-way success?, *IWH Discussion Papers*, No. 170, Leibniz-Institut für Wirtschaftsforschung Halle (IWH), Halle (Saale). <https://www.econstor.eu/bitstream/10419/77001/1/170.pdf> (accessed February 18, 2019).
 9. Günther J., Nulsch N., Wilde K. (2010): Im Fokus: 20 Jahre Innovationspolitik: Vom „nackten Überleben“ zur Hightech-Förderung in Ostdeutschland, *Wirtschaft im Wandel*, ISSN 2194-2129, Leibniz-Institut für Wirtschaftsforschung Halle (IWH), Halle (Saale), Vol. 16, Iss. 2, 2010, pp. 73-79. <https://www.econstor.eu/bitstream/10419/143797/1/2010-02-03.pdf> (accessed February 13, 2019).
 10. Innovationskompetenz-Ost. *Bundesministerium für Wirtschaft und Energie*. http://www.innovationskatalog.net/foepro/ikom/dokumente/ikom_flyer.pdf (accessed February 20, 2019).
 11. Institut für Wirtschaftsforschung Halle (IWH); Zentrum für Europäische Wirtschaftsforschung (ZEW) (Hrsg.): Evaluierung des BMWi-Programms „FuE-Förderung gemeinnütziger externer Industrieforschungseinrichtungen Ostdeutschlands – Innovationskompetenz Ost (INNO-KOMost)“ einschließlich des Modellvorhabens Investitionszuschuss technische Infrastruktur. Studie im Auftrag des Bundesministeriums für Wirtschaft und Technologie (BMWi). *IWH Online* 1/2012.

- Halle (Saale) 2012. https://www.iwh-halle.de/fileadmin/user_upload/publications/iwh_online/io_2012-01.pdf (accessed February 21, 2019).
12. Meske W. (1993): Die Umgestaltung des ostdeutschen Forschungssystems – eine Zwischenbilanz. *WZB-Veröffentlichung* P. 93-401. <https://www.econstor.eu/bitstream/10419/50928/1/153172878.pdf> (accessed February 12, 2019).
 13. Müller R. Braucht Ostdeutschland eine neue Technologiepolitik? – Implikationen aus der Funktionsfähigkeit des Marktes für FuE nach der Transformation. *IWH-Diskussionspapiere* Nr. 145/2001. Halle 2001. <https://www.econstor.eu/bitstream/10419/77040/1/145.pdf> (accessed February 18, 2019).
 14. Unternehmen Region. *Bundesministerium für Bildung und Forschung*. https://www.bmbf.de/upload_filestore/pub/Unternehmen_Region_1_2018.pdf (accessed February 20, 2019).
 15. Vertrag zwischen der Bundesrepublik Deutschland und der Deutschen Demokratischen Republik über die Herstellung der Einheit Deutschlands (Einigungsvertrag). *Bundesministerium der Justiz und für Verbraucherschutz*. http://www.gesetze-im-internet.de/einigvtr/art_38.html (accessed February 18, 2019).

ДАнные ОБ АВТОРЕ

Пилавов Георгий Павлович, аспирант кафедры всемирной истории и международных отношений, магистр
Луганский национальный университет им. Т. Шевченко
ул. Оборонная, 2, г. Луганск, 91000, Луганская Народная Республика
georgis-pilavov@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Pilavov Georgii Pavlovich, Postgraduate of Department of World History and International Relations, master's degree
Luhansk Taras Shevchenko National University
2, Oboronnaya Str. Luhansk, 91000, Lugansk People's Republic
georgis-pilavov@mail.ru

DOI: 10.12731/2077-1770-2019-3-53-64

УДК 63.3(2)51

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ И КУЛЬТУРНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЗЕМСТВ ПРИ КОЛЧАКОВСКОМ РЕЖИМЕ

Черная Е.В.

Цель. *Статья посвящена актуальной в условиях формирования социального государства теме – земским органам самоуправления. Предметом анализа выступает социально-экономическая и культурно-просветительская деятельность земств. Автор ставит целью рассмотреть деятельность земских органов самоуправления при колчаковском режиме.*

Методы и методология проведения работы. *Исследование основано на аналитическом, систематическом, сравнительно-историческом, историко-генетическом и историко-типологическом методах.*

Результаты. *Земские органы самоуправления на Дальнем Востоке и Сибири при колчаковском режиме (ноябрь 1918 – январь 1920 гг.) выполняли хозяйственные, социальные, образовательные и культурно-просветительские функции. Данная работа велась в условиях Гражданской войны, экономического кризиса и сложных отношений с Омским правительством, что выразилось в лишении земств некоторых их функций. Однако это не помешало им в достаточной мере решать основные проблемы населения. Хотя результаты сильно зависели от военных действий, отсутствия денег и репрессий со стороны колчаковского режима. Вместе с тем хозяйственную и культурно-образовательную деятельность земских органов самоуправления можно рассматривать как фактор развития дальневосточного и сибирского регионов.*

Область применения результатов. *Результаты исследования могут быть применены в исторической науке и образовании.*

Ключевые слова: *земство; Омское правительство; Дальний Восток; Сибирь; белое движение; Гражданская война.*

**SOCIAL AND ECONOMIC AND CULTURAL
AND EDUCATIONAL ACTIVITY OF ZEMSTVOS
AT THE KOLCHAKOVSKY REGIME**

Chernaya E.V.

Purpose. *The article is devoted to the topical in the conditions of formation of the social state theme of territorial self-government institutions. The subject of analysis is the social and economic and cultural and educational activity of zemstvos. The author aims as the purpose to consider activity of territorial self-government institutions at the kolchakovsky regime.*

Methodology. *The research is based on analytical, systematic, comparative-historical, historical-genetic and historical-typological methods.*

Results. *Territorial self-government institutions in the Far East and Siberia at the kolchakovsky regime (november 1918 – january 1920) carried out economic, social, educational and cultural and educational functions. This work was conducted in the conditions of Civil war, an economic crisis and difficult relations with the Omsk government that was expressed in deprivation of zemstvos of some of their functions. However it did not prevent them to solve the main problems of the population adequately. Though results strongly depended on military operations, a lack of money and repressions from the kolchakovsky regime. At the same time economic and cultural and educational activity of territorial self-government institutions can be considered as a factor of development of the Far East and Siberian regions.*

Practical implications. *The results of the study can be applied in the historical science and education.*

Keywords: *zemstvo; Omsk government; Siberia; Far East; white movement; Civil war.*

Введение

В условиях формирования гражданского общества в России, когда население стремится более активно участвовать в делах местных органов самоуправления, становится актуальным осмысление

исторического опыта деятельности земских органов в сложных условиях Гражданской войны.

Региональные исследователи Дальнего Востока и Сибири изучают хозяйственно-экономическую, образовательную и культурно-просветительскую деятельность земств: Д.Н. Ваврик [2], В.П. Голубев [7], А.Л. Посадсков [11], С.С. Пай [10], В.Л. Кузьмин, Ю.Н. Ципкин [9], Н.А. Бутенин [1]. Авторы приходят к выводу о результативности работы земских органов самоуправления и значительном вкладе в развитие региона. Однако в литературе рассматриваются лишь отдельные аспекты деятельности земств в различных областях Дальнего Востока и Сибири на протяжении всей Гражданской войны. Функционирование земств при военной диктатуре А.В. Колчака является частью этих исследований, что в полной мере не дает возможность выявить сходства и отличия в работе самоуправлений, увидеть ее результаты, понять причины поступков земств и Омского правительства в ходе хозяйственно-экономической и культурно-образовательной деятельности.

С целью восполнить некоторые перечисленные проблемы в статье анализируется деятельность земских органов самоуправления и раскрывается сложность, но результативность данной работы при колчаковском режиме.

Материалы и методы

Источниковая база статьи основана на неопубликованных материалах Государственного архива Читинской области, в котором представлены сведения о работе Забайкальской областной и Нерчинской уездной земских управ, и материалах периодики, в частности, общественно-политическом и литературном печатном органе – газете «Далекая окраина», публиковавшей информацию о деятельности Приморской областной земской управы.

В исследование применялись аналитический и систематический методы для анализа историографической и источниковедческой базы, и систематизации выбранной информации. Сравнительно-исторический метод позволил выявить общее и особенное в дея-

тельности земского самоуправления в различных областях региона. Историко-генетический метод дал возможность проследить причинно-следственные связи и закономерности в деятельности земств. Историко-типологический метод использовался для обобщения данных и выделения основных форм деятельности земств на Дальнем Востоке и Сибири.

Результаты и их обсуждение

Деятельность земских органов самоуправления осуществлялась в условиях финансово-экономического кризиса, сложных отношений с Омским правительством, которое лишило их не только политических, но и ряда местных функций и постоянных военных действий. Несмотря на это земства продолжали выполнять свои гражданские функции, решали насущные проблемы на местах и стремились развивать данную территорию.

Установление диктатуры А.В. Колчака побудила земства Амурской области самоустраниться от политической власти и сосредоточиться только на выполнении социальных и хозяйственных функций. Земские деятели Томской и Тарбогатойской волостей продолжали активно заниматься вопросами народного просвещения и здравоохранения, снабжения продовольствием, торговли, улучшения сельскохозяйственных работ, содержания в порядке дорог и мостов, почтово-телеграфной службы, пожарной охраны, благоустройства сел, развития кооперации среди крестьян и др. [7, с. 26].

Например, они потратили 167625 руб. на организацию сельскохозяйственных мастерских для ремонта крестьянской сельхозтехники. Это позволило облегчить и улучшить работу крестьян. В области сельского хозяйства активно действовало отделение союза «Амурский кооператив», доход которого на 1 января 1919 г. составил 887138 руб. Для улучшения и доступности образования было принято решение построить новое здание школы с общежитием при нем [7, с. 26]. Однако активизация партизанского движения против колчаковского режима в конце осени 1919 г. сильно ограничила возможности земских органов самоуправления выполнять свои функции.

Сфера деятельности Забайкальской областной земской управы была разноплановой. Это и врачебно-санитарная, и жилищная помощь раненым и больным воинам и беженцам, обеспечение населения продовольствием, строительство школ, обеспечение и улучшение народного образования [3, д. 34, л. 87–89].

Был утвержден размер оплаты за лечение в больницах области. Так, с крестьян и инородцев, уплативших хотя бы часть земских сборов, плату не взимали. С горожан и служащих посторонних земству учреждений максимальная оплата составляла 15 руб. в сутки. С казачьего населения, а также с крестьян и инородцев, не уплативших земских сборов брали 10 руб. в сутки. С рожениц взимали плату по 10 руб. в сутки и за роды одновременно – 50 руб. [5, д. 4, л. 6].

Подобная градация оплаты медицинских услуг свидетельствовала об общих для всего земского самоуправления проблемах. Во-первых, из-за финансового кризиса земства были вынуждены повысить расценки на свои услуги, что для населения было значительным в непростых экономических и политических условиях. Во-вторых, отказ граждан платить земские сборы. Те же сборы, которые удавалось собрать зачастую земства были вынуждены отдавать в казну. В итоге, они не могли выплатить заработную плату врачам и учителям, что осложняло их деятельность [9, с. 116–117].

В области народного образования, например, Нерчинская уездная управа Забайкальской области организовала закупку для всех школ уезда бумаги, тетрадей, карандашей, ручек и т. д., а также книг и учебных принадлежностей на 50000 руб. Жители 50 поселков уезда, где не было школ просили об их открытии, около 20 селений хотели, чтобы были созданы высшие начальные училища. Для решения проблемы с деревенскими учителями, про которую сами люди говорили – «в деревенских школах учат плохо, по деревням школы есть, а грамотного писаря найти негде», управа подыскивала опытных в школьном деле людей и «посылала их по деревенским школам посмотреть, как работали в школах деревенские учителя и поучить их делу» [6, д. 15, л. 27]. Для этого в уезде была открыта учительская семинария, на содержание которой управа в течении первых трех лет

отпускала по 10000 руб. И также было выделено 6000 руб. на организацию наблюдения за работой школ [6, д. 4, л. 26об.].

В условиях активных военных действий армии адмирала А.В. Колчака Нерчинская земская управа приняла решение создать в уезде богадельню для нетрудоспособных граждан; выдать 13563 руб. на содержание детей Нерчинского сиротского детского приюта [6, д. 4, л. 26].

Для удовлетворения нужд хозяйства Нерчинского уезда управа решила провести следующие сельскохозяйственные мероприятия: устройство местного земского склада сельскохозяйственных машин и орудий и мастерских по ремонту сельскохозяйственного инвентаря; организацию зерноочистительных пунктов (стационарных и подвижных) и склада улучшенных семян хлебов и огородных овощей; принять меры для борьбы с вредителями пчеловодства [3, д. 28, л. 59]; нанять инструкторов по полеводству, скотоводству, пчеловодству и молочному делу; открыть в уезде зимние сельскохозяйственные школы и чтения, а летом курсы пчеловодства и затратить 500 руб.; для устранения эпидемиологической угрозы было отпущено 5000 руб. [6, д. 4. л. 26 – 26об.].

В отчете заместителя председателя Забайкальской областной земской управы А.П. Круковского в октябре 1919 г. были подведены некоторые итоги ее деятельности. При Областной управе 1 июня 1919 г. начал функционировать аптекарский склад. Перевозка милиции согласно циркуляру МВД от 21 декабря 1918 года № 74 производилась за счет казны. В Туркинском уезде управа заканчивала внутренний ремонт земской больницы и достройку конюшни. С 1919 учебного года были открыты восьмые педагогические классы при Троицкосавской, Нерчинской и Верхнеудинской гимназиях и в городе Чите двухгодичные курсы первой женской гимназии для подготовки учительского персонала. Омским правительством выдан кредит на открытие в области 15 высших начальных училищ. За счет казны содержался личный состав Казаковской и Акшинской гимназий. Земством были ликвидированы неудовлетворительно устроенные агрономические пункты и их имущество было переда-

но уездным земствам. Управа пыталась развить в области пчеловодство и попросила земское собрание денег на открытие промышленной пасеки. Продовольственный отдел занимался исключительно доставкой хлеба голодающему населению Читинского, Баргузинского и Троицкосавского уездов. Был составлен проект дорожных работ управы на три года. В него вошел ремонт трактов от Маковьево до Акши, Верхнеудинска до Троицкосавска и Петровский завод – Красный Яр и Троицкосавк [3, д. 29, л. 8об – 10].

Правительство выдало кредит Забайкальской областной земской управе для строительства в местности занимаемой областной земской больницей четырех барачков для заразных больных и трех барачков для беженцев с необходимыми службами и хозяйственными зданиями, как-то: бани, прачечная, дезинфекционные камеры, кухни, кладовые, помещения для служебного персонала и прочее и расширения вместимости больницы до 100 кроватей [4, д. 64, л. 94]. В дальнейшем предполагалось передать все постройки областному земству. Таким образом, земства Забайкальской области в достаточной мере осуществляли свои основные хозяйственные, социальные и образовательные функции. Однако их деятельность была скорректирована условиями, в которых они оказались при колчаковском режиме. В частности, земства, вынужденные смириться с ограничением функций, отказались тратить свои средства, например, на содержание милиции. Вместе с тем, Омское правительство, борясь с засильем эсеров и меньшевиков в земствах, оказывало последним поддержку, выдавая кредиты, только в тех областях, в которых оно было наиболее заинтересовано: санитарно-медицинской и образовательной.

Приморская областная земская управа, по заявлениям владельцев и их наследников, рассматривала дела о национализированных, секвестрированных и реквизируемых советской властью торговых и промышленных предприятий; изучала ведомости казенных и частных фабрично-заводских, горных и торгово-промышленных предприятий, рудоносных земель Приморской области, подлежащих обложению земским сбором; рассматривала смету доходов и

расходов Приморского областного земства за 1918 г.; утвердила ведомость на выдачу зарплаты; занималась вопросами агрономии по уездам и т. д. [2, с. 90].

Смета расходов Приморской областной земской управы была распределена следующим образом: содержание земского управления – 470442 руб.; дорожная часть (устройство и содержание дорожного полотна, содержание технического персонала и учреждений) – 1219592 руб.; народное образование – 1033464 руб.; общественное призрение – 305000 руб.; медицинская часть – 296373 руб.; ветеринарная часть – 155198 руб.; расходы по содействию экономическому благосостоянию – 22501 руб.; остальная часть расходов приходилась на пособие волостным и уездным земствам, упорядочение сельскохозяйственной отрасли, ведение судебных дел и пр. [8, л. 45]. Таким образом, земства пытались не только решить самые неотложные нужды населения, но и стремились провести мероприятия по улучшению быта и поднятию культуры населения.

Из сметы видно разнообразие деятельности Приморской управы. Однако основные расходы предполагалось направить на решение социально-экономических проблем и развитие образования. Так, в ноябре 1919 г. был создан коллегиальный областной земский совет по народному образованию, занимавшийся вопросами дошкольного, школьного и внешкольного образования [10, с. 570–571].

Культурно-просветительская деятельность земств была разноплановой. Ведущее место в ней занимала издательское дело. Земские просветители в середине 1919 г. приняли программу широкомасштабного издания дореволюционных учебников и школьной литературы. На собранные деньги было выпущено 25 названий земских учебников, которые обеспечили школы и Дальневосточной республики [11, с. 178–179].

Земские органы самоуправления, в руках которых находились типографии Дальнего Востока и Сибири, печатали многочисленные газеты и журналы. Например, в газете «Далекая окраина» и журнале «Земская жизнь Приморья» публиковались данные о текущей деятельности местных земств и ее результатах. Но Омску

не нравилось, что в периодических изданиях шла пропаганда эсеро-меньшевистских идей и критика колчаковского режима [1, с. 90]. Поэтому администрацией Омского правительства у земских управ были отобраны типографии и переданы комиссарам. В частности, поэтому издание школьных учебников было поручено типографии в Шанхае [11, с. 179.]. Далее земства были обязаны выписывать только государственные газеты, что по мнению правительства должно было предотвратить большевистскую и эсеро-меньшевистскую пропаганду. Когда эти меры не принесли ощутимых результатов, Омское правительство в 1919 г. начало массово закрывать земские газеты и журналы.

Другим направлением просветительской деятельности было создание и развитие сети библиотек (избы-читальни). Для чего весной 1919 г. в Уфе развернулась подготовка земских библиотекарей для Поволжья, Урала и Сибири. Сами избы-читальни были учреждены, например, Акмолинским (Омским) земством в сентябре – октябре 1919 г. [11, с. 172].

Земствами и кооперативами в 1919 г. при поддержке США был осуществлен проект по созданию земского кинематографа, который быстро завоевал популярность у населения. В ходе сеансов демонстрировались научные, научно-просветительские и пропагандистские фильмы. Большинство из них были американские, хотя присутствовали и российские кинофильмы. Земский кинематограф широко применялся в внешкольном, школьном и вузовском образовании, став толчком для их развития [10, с. 573–574].

Выводы

Подводя итоги вышеизложенного, можно отметить, что, несмотря на сложную экономическую и военно-политическую обстановку, земские органы самоуправления выполняли свои местные функции. С переменным успехом они решали насущные проблемы населения. Однако работать в полную силу земствам мешали Гражданская война, нестабильная экономическая ситуация и сложные отношения с Омским правительством. Колчаковский режим неоднозначно отно-

сился к органам местного самоуправления. С одной стороны, воспринимая их как противников своей власти, из-за преобладания в них эсеров и меньшевиков, ограничивал их функции. С другой стороны, А.В. Колчак считал, что земства – единственная власть, способная стабилизировать и облегчить гражданскую жизнь населения региона, выполняя хозяйственные и культурные задачи. Земские органы самоуправления вынуждены были смириться с такой политикой, но при этом оказывали сопротивление. В частности, отказались тратить свои средства на выполнение функций, которых были лишены. Но, вместе с тем, в своей деятельности земства ставили задачи, которые являлись фактором развития Дальнего Востока и Сибири. Например, созданная земствами хозяйственная и культурно-просветительская инфраструктура будет использоваться и после их ликвидации.

Список литературы

1. Бутенин Н.А. Демократическая оппозиция режиму Колчака на Дальнем Востоке // Проблемы отечественной и всеобщей истории: сборник научных трудов. Уссурийск, 1996. С. 87–100.
2. Ваврик Д.Н. Земская власть в Приморье и Никольске-Уссурийском в 1918–1922 гг. // Уссурийский краеведческий ВЕСТНИК: статьи и очерки. Уссурийск, 2002. Вып. № 2. С. 85–95.
3. Государственный архив Читинской области (ГАЧО). Ф. 165. Оп. 1.
4. ГАЧО. Ф. 226. Оп. 1.
5. ГАЧО. Ф. 362. Оп. 1.
6. ГАЧО. Ф. 365. Оп. 1.
7. Голубев В.П. Первый опыт самоуправления на территориях Томской и Тарбогатойской волостей Амурской области (1917–1919 гг.) // Амурский краевед. 2006. № 1 (23). С. 21–27.
8. Далекая окраина. 26 ноября (13 ноября) 1918. № 3692.
9. Кузьмин В.Л., Ципкин Ю.Н. Эсеры и меньшевики на Дальнем Востоке России в период гражданской войны (1917–1922 гг.). Хабаровск: ХГПУ, ДВГУПС, 2005. 222 с.
10. Пай С.С. Культурно-просветительская и образовательная деятельность Приморской областной земской управы (1917–1920 гг.) //

Тихоокеанская Россия в межцивилизационном и общероссийском пространстве: прошлое, настоящее, будущее (Седьмые Крушановские чтения). Владивосток: Дальнаука, 2013. С. 570–575.

11. Посадсков А.Л. Культурный вызов «третьей силы»: издательская деятельность сибирского и дальневосточного земства в 1917–1919 гг. // Местное самоуправление в истории Сибири XIX–XX веков: сб. мат. регион. науч. конф. Новосибирск, 2004. С. 171–180.

References

1. Butenin N.A. *Problemy otechestvennoy i vseobshchey istorii: sbornik nauchnykh trudov* [Problems of national and general history: collection of scientific works]. Ussuriysk, 1996, pp. 87–100.
2. Vavrik D.N. *Ussuriyskiy kraevedcheskiy VESTNIK: stat'i i ocherki* [Ussuriysk local history BULLETIN: articles and sketches], no 2 (2002): 88–95.
3. Gosudarstvennyy arkhiv Chitinskoy oblasti (GACHO). F. 165. Op. 1.
4. GACHO. F. 226. Op. 1.
5. GACHO. F. 362. Op. 1.
6. GACHO. F. 365. Op. 1.
7. Golubev V.P. *Amurskiy kraeved* [Amur local historian], no 1 (23) (2006): 21–27.
8. *Dalekaya okraina*. November 26 (November 13), 1918. № 3692.
9. Kuz'min V.L., Tsipkin Yu.N. *Esery i men'sheviki na Dal'nem Vostoke Rossii v period grazhdanskoj vojny (1917–1922 gg.)* [Social revolutionaries and mensheviks in the Far East of Russia during civil war (1917–1922)]. Khabarovsk: HGPU, DVGUPS, 2005. 222 p.
10. Pay S.S. *Tikhookeanskaya Rossiya v mezhtsilizatsionnom i obshcherossiyskom prostranstve: proshloe, nastoyashchee, budushchee (Sed'mye Krushanovskie chteniya)* [The Pacific Russia in interciviliation and all-Russian space: last, real, future (The seventh Krushanovsky readings)]. Vladivostok: Dalnauka, 2013. pp. 570–575.
11. Posadskov A.L. *Mestnoe samoupravlenie v istorii Sibiri XIX–XX vekov: sb. mat. region. nauch. konf.* [Local self-government in the history of Siberia of the XIX–XX centuries: sb. of mat. regional scien. conf.]. Novosibirsk, 2004, pp. 171–180.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ**Черная Екатерина Васильевна**, доцент, к.и.н.*Дальневосточный государственный технический рыбохозяйственный университет**ул. Луговая, 52Б, г. Владивосток, 690087, Российская Федерация**chernaya0402@mail.ru***DATA ABOUT THE AUTHORS****Chernaya Ekaterina Vasilyevna**, associate professor, Ph. D. in History*Far East State Technical Fishery University**52B, Lugovaya St., Vladivostok, 690087, Russian Federation**chernaya0402@mail.ru**SPIN-code: 6506-8294**ORCID: 0000-0002-9917-2720*

DOI: 10.12731/2077-1770-2019-3-65-84

УДК 94 (32)

**БИТВА ПРИ КАДЕШЕ:
ПАЛЕОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ
К ПАПИРУСУ ПЕНТАУРЕТА**

Панов М.В.

Цель. «Битва при Кадеше», литературно-историческое произведение об одном из эпизодов войн Рамсеса II (XIII-й век до н.э), известна из нескольких источников. Статья посвящена одному из них: иератическому папирусу Пентаурета. Сложившаяся практика переводов произведения на все современные языки не учитывает особенности изложения материала и варианты высказываний в различных редакциях. При этом почерк писца Пентаурета во многих местах разобран предыдущими издателями папируса недостаточно тщательно. Критика ошибок в общепризнанных публикациях должна показать необходимость его переиздания и подготовки отдельного перевода этой рукописи.

Методология. Источниковедческая часть исследования основана на работе с подлинными документами, составленными на новоегипетском языке, а именно: иератическими рукописями и иероглифическими надписями, изданными в виде фотографий, факсимиле и прорисовок. Для сопоставительного палеографического анализа привлечены папирусы из нескольких архивов, и имеющие общее место происхождения.

Результаты. Папирус Пентаурета является в этой группе источников единственным документом с зафиксированной датой записи. Для подтверждения датировки временем правления Меринптаха раскрывается причина случайного употребления эпитета «великий» в звании правителя врагов Рамсеса II. Палеографический анализ заключительного отрывка, устранил ошибки в ранее сделанных иероглифических транскрипциях зарубежных издателей, в результате колофон папируса переиздан в авторской иероглифической транскрипции, сопровождающейся переводом на русский язык.

Область применения результатов. *Статья адресована специалистам по политической истории и источниковедению древнего мира.*

Ключевые слова: *Древний Египет; войны Рамсеса II; иератика; ошибки переписчиков.*

THE BATTLE OF KADESH: PALEOGRAPHIC NOTES ON THE PAPYRUS OF PENTAURET

Panov M.V.

Purpose. *The “Battle of Kadesh,” a historical literary composition recounting one military engagement that happened during a Ramses’s II conflict (XIII century BCE), is known from several sources. The article is devoted to one of them: the hieratic papyrus of Pentauret. All existing translations into modern languages do not pay due consideration to the specific features of the narration preserved in different versions of the text. Moreover, deciphering the writing of the scribe Pentauret by the earlier researchers is frequently inadequate. Criticized mistakes occurring in the generally accepted publications aim to reveal the need for new edition of the manuscript and initialize the individual translation of this document.*

Methodology. *The part of the investigation involving source study is based on the examination of the Late-Egyptian original documents, namely: hieratic manuscripts and hieroglyphic inscriptions available in the form of the published photos, facsimiles or hand-copies. For a comparative paleographic analysis papyri belonging to various archives with common provenance have been studied.*

Results. *The papyrus of Pentauret is the only document in this group where the date of its composition is recorded. To prove that the text was written on the papyrus during Merneptah’s reign, the reason why the epithet ‘great’ was applied to the chief of Ramesses’s II enemies is discussed. A paleographic analysis of the final text fragment has allowed the mistakes occurring in the earlier hieroglyphic transcriptions authored by*

the foreign researchers to be improved. Thus, a newly constructed hieroglyphic transcription and Russian translation of the colophon is supplied.

Scope of application of the results. *The article is intended for professionals in political history and source studies of the ancient world.*

Keywords: *Ancient Egypt; wars of Ramses II; hieratic inscription; mistakes made by the copyists.*

Введение

«Битва при Кадеше» – эпическое произведение о подвигах Рамсеса II в условиях проигранного сражения, восхваление его стойкости в противовес трусости и бестолковости его армий.

Описание похода 5-го года правления Рамсеса II и битвы при городе Кадеш сохранилось в иероглифах, высеченных на стенах главных храмов страны (Абидос, Карнак, Луксор, Рамессеум, Абу-Симбел), и на двух папирусах – Raifé+Sallier III и Chester Beatty III, 1,2–3,15vs. На стенах храмов сохранились дополняющие «Битву» текст, условно названный «Бюллетень», и множество фрагментов (рельефов), имеющих расхождения в описании событий. Текст на папирусе Chester Beatty III носит учебный характер и сделан с повтором: из-за ряда ошибок в начале неудавшийся фрагмент был переписан на двух других листах, но так же плохо. Все дошедшие редакции относятся к одному периоду: иероглифические разделяют годы, между иероглифическими и дошедшими иератическими промежутки около пятидесяти лет, но не сотни (в отличие от списков других произведений).

Для надписей на стенах храмов использовался среднеегипетский язык, имеющий небольшие отклонения от классических образцов, в основном за счет новой лексики, тип письма – иероглифика; на папирусах – эпистолярный новоегипетский язык, тип письма – иератика. Иными словами, «Битва при Кадеше» является произведением с большим количеством разночтений.

Ключевая фигура сюжета – молодой фараон, деятельный и энергичный воитель, чьи боевая сила и храбрость необычайно преувеличены. Неоднократно подчеркивается, что после позорно-

го бегства армии и ее военачальников Рамсес сражался в полном одиночестве, как «Вaal во плоти». Правда, далее выясняется, что с ним был его колесничий Менна, а в некоторых версиях упоминаются и сопровождающие. Как обстояло в действительности, было скрыто. Восхваление воителя-одиночки на фоне проигранного сражения лишило его современников возможности хвалиться в своих биографиях военными доблестями. Нельзя было написать, что ты участвовал в позорном бегстве и бросил фараона на поле боя, заявления о личном героизме противоречили бы официальной версии событий. От многолетнего правления Рамсеса II сохранились гробничные надписи, письма и стелы 47 человек [11, pp. 235–265], так или иначе связанных с армией, – военачальников, правителей чужих стран (титул египетских вельмож), управляющих колесницами, самих колесничих, армейских писцов и простых воинов. Почти все они лишены каких-либо данных биографического характера. Исключение составляет надпись (№ 45) воина Меса, напоминающая литературно обработанный эпизод из его несохранившейся биографии: *«И вот сказал властитель (своей) армии: “Так посмотрите же на сделанное воином, любимым властителем, Месом, находящимся перед фараоном. Как же великолепно сделанное им!” И ответила вся армия, возвеличивая своего властителя: “Ты – Ра, ты подобен ему, когда ты восходишь, мы живем, видя тебя!”»*. За какие воинские доблести хвалили Меса – неизвестно.

В данном исследовании будут показаны особенности публикаций и выявлены ошибки издателей одного из источников данного произведения, а именно папируса Пентаурета (об имени см. далее).

Материалы и методы

Четыре манускрипта Британского музея, известные как папирусы из коллекции Sallier, принадлежали Ф. Салье [F. Sallier] (1764–1831), Экс-ан-Прованс, и были приобретены после смерти коллекционера в 1839 г. Привезены они были во Францию в конце 20-х гг. XIX в., а первым исследователем третьего папируса был

отец египтологии Ж.-Ф. Шампольон, который рассортировал листы папируса по очередности и дал им атрибуцию в 1830 г.¹ У этих папирусов общее место происхождения – архив в некрополе Саккары (Мемфис). Автор записей на трех из них (№№ I, III, IV) – Пентаурет, служивший писцом у своего учителя Амонеминета, главного хранителя архива из сокровищницы фараона. Службу он начал во второй половине правления Рамсеса II, продолжил при Меринптахе и закончил при Сети II.

Исследуемый папирус содержит запись только «Битвы при Кадеше», сохранилось 12 листов, первый (с началом книги) утрачен, второй носит название Raifé по имени коллекционера М.А. Рефе [M.A. Raifé] (1802–1860), находится в коллекции Музея Лувра (= Louvre E 4889), одиннадцать других листов – Sallier III (= BM 10181). Почерк (иератика) уверенный и хорошо читается, на каждом листе по 10–11 строк, ширина листов ок. 20 см, длина – ок. 29 см, есть много лакун, длина полной рукописи должна была превышать 3.5 м. В ссылках на номера строк начальные буквы R и S являются сокращениями фамилий коллекционеров.

Публикации: [18, pl. I (цветная литография папируса Raifé); 15, Taf. V (черно-белая фотография папируса Raifé); 7, p. 1–9, 24–34 (факсимиле папируса Sallier III)]. На интернет-странице Британского музея размещены фотографии десяти листов (без № 5)². Иероглифическая транскрипция (в синоптической таблице с другими источниками): [14, p. 223–326 (для Raifé = §§ 34–65, для Sallier III = §§ 65–343); 10, p. 14–101 (номера параграфов совпадают)].

Исследования: первый перевод, учитывающий папирус Raifé, сделал Э. де Руже [18]. В дальнейшем вышли десятки переводов на

¹ Об этом свидетельствует еле заметная надпись на французском языке сверху первого листа папируса (на подложке), сделанная до продажи Британскому музею в 1839 г.: «Papyrus contenant la campagne de Sésostris-Rhamsès contre les Scythes, divisé et collé sur onze feuilles ou carrés par Mr. Champollion, chez Mr. Sallier, en février 1830, à Aix en Provence».

² См. URL: https://www.britishmuseum.org/research/collection_online/collection_object_details.aspx?objectId=110269&partId=1&searchText=10181&page=1 [дата обращения: 10.01.2019].

разные европейские языки, последний (на английский язык) принадлежит К.А. Китчену [12, р. 2–14]; им же сделан обзор зарубежной библиографии к «Битве при Кадеше» и приведены общие сведения о ходе военных действий, см. [13, р. 3–55]. На русский язык в 30–70-х гг. XX в. было сделано пять переводов [3, с. 110]; последний и наиболее распространенный принадлежит М.А. Коростовцеву [1, с. 122–138, 269–270], конец папируса Sallier III этот автор перевел в работе 1962 г. (переиздание: [2, с. 137]). После 1978 г. в СССР и РФ никаких новых публикаций по этой теме (речь не об упоминаниях военной кампании, а об изучении древнеегипетских источников) не выходило. В 2002 г. была выпущена монография Э. Спэллинджера, посвященная папирусу Пентаурета [19]. Следует отметить отсутствие авторской иероглифической транскрипции, транслитерации и перевода надписей на этом папирусе; допущено много неточностей в цитатах из других древних текстов.

Настоящее исследование основано на критической сверке иероглифических транскрипций издателей с оригиналами по факсимиле и фотографиям. Привлеченные для сопоставительного анализа рукописи отобраны по принципам принадлежности к одной школе писцов, что позволяет говорить об общей традиции и обоснованным взаимным заимствованиям. Все упомянутые источники уже опубликованы в авторских переводах с египетского языка или готовятся к изданию.

Обсуждение

Датировка папируса

Особенностью исследуемой рукописи является наличие датировки произведения и сведений о переписчике. В монументальных надписях информации об иной дате, кроме пятого года правления, нет. Для лучшего раскрытия темы необходимо указать на датировку других папирусов из этой коллекции:

1) Sallier I (= BM 10185). 10-й год правления Меринптаха (так для основного текста, дата без имени указана в строке 3,4гт, но далее

этому фараону сделано посвящение, см. 8,7–9,1rt); 1-й год правления Сети II (упоминание в записях на verso); переписчик – Пентаурет.

2) Sallier II (= BM 10182). 1-й год правления Сети II (3,8); переписчик – Инена.

3) Sallier IV (= BM 10184). 36-й год правления Рамсеса II (17,1vs); упоминание храма Меринптаха (9,1vs); 3-й год (без указания имени) Меринптаха или Сети II (10,1vs, 10,4vs, 13,1vs); переписчик – Пентаурет.

Двойственная информация (см. перевод далее), о девятом годе правления Рамсеса II в конце рассказа и упоминание, что записи на папирусе сделал Пентаурет, который жил позднее, привели предшественников ко многим противоречивым высказываниям. Единственное четкое изложение вопроса принадлежит М.А. Коростовцеву, который полагал, что Пентаурет при Меринптахе переписал вместе с рассказом и информацию о том, что исходная рукопись была составлена в девятый год правления Рамсеса II [2, с. 138–139]. Это не просто одно из мнений в историографии, только с помощью этого вывода можно объяснить, почему запись об этом годе сделана *до колофона* (в изданиях Ш. Кюнца и К.А. Китчена это предложение некорректно включено в колофон, см. выкопировку далее). То, что относится ко времени Пентаурета, начинается со слов «[Конец...] Для *ка* начальника архива», а все предыдущее является частью переписанного текста. Таким образом можно выделить два колофона, содержание которых не нужно смешивать. Э. Спэлнджер довольно невнятно изложил свое собственное мнение в обзоре истории вопроса датировки, не учитывая работу М.А. Коростовцева. Так, он упомянул строку S.10,10, где враг назван «великим» [19, p. 108–109, fn. 20], но без объяснения значения, лишь выразив сомнение, что в первом десятилетии правления Рамсеса писец не должен был ошибиться в прилагательном, поставив «великий» вместо «жалкий», далее следует осторожный вывод, что такое определение было бы нехарактерно для данного периода. Вопрос о первом десятилетии напрямую связан с трактовкой даты в колофоне.

В строках S.10,9–10 сказано, что Рамсес призвал представителей разных родов своей армии, чтобы дать им заслушать послание, которое ему отправил *великий* правитель Хета¹. Ошибка в прилагательном позволяет подтвердить период, когда Пентаурет занимался с этим произведением. Сопоставим два варианта:

1) Строка S.10,10: *p3 wr ʕ3 n ht3* «великий правитель Хета».

2) Строка S.4,3: *p3 wr hsj hrw n ht3* «жалкий правитель, враг из Хета» (см. также R.4; R.8; R.11+S.1,1; S.4,3; S.9,7).

Понять причину употребления прилагательного «великий» можно только в контексте изменения риторики в отношении бывших внешнеполитических недругов во второй половине правления Рамсеса II. Пока шли войны, его противник именовался не иначе как «жалкий (ничтожный, убогий) правитель». Объяснение лежит в изменении политической ситуации. На 22-м году правления Рамсеса II был подписан мирный договор между ним и Хаттусили. Иероглифические копии этого договора, сохранившиеся на стелах в Карнаке и Рамессеуме, содержат новую характеристику правителя страны Хета как «великого», приближая его статус к властителю Египта, остановившему истощение страны войнами со страной Хета и ее союзниками (титул *wr* «правитель» и даже *ʕ3* «великий» в египетской иерархии стоит ниже, чем *nsw* «властитель»). Затем, на 34-м году правления произошло другое важное событие – брак Рамсеса II с дочерью правителя страны Хета, безусловно великого: нельзя породниться с недостойным семейством. Это событие как наиболее важный последний триумф Рамсеса II запечатлелось в памяти современников: мы знакомы с большой и малой версиями текста «Свадебной стелы Рамсеса II» [4, с. 151–155], а также с более поздней историей, известной как «Сказка о Нефрура и Бентреш»

¹ N.B.! Египтяне писали название этой страны через один знак, соответствующий нашей букве «т»).

[5, с. 309–319]. Соответственно, Пентаурет, переписчик, указанный в конце папируса Sallier III, случайно оговорился, употребив положительный эпитет бывшего врага, вошедший в обиход позже, во второй половине правления Рамсеса II. Но, разобравшись со статусом Пентаурета и нижней границей времени появления этой копии, следует определить начало правления Сети II верхней границей. На папирусах при Меринптахе и Сети II продолжали переписывать рассказы о победах Рамсеса II (вариации на заданную тему) и мнимом письме, которое его противники писали ему «из страха», испрашивая мира. Хотя по сюжету действие происходит, когда враг еще был «жалким», правитель Хета в них аналогично назван великим, см. папирусы Anastasi II, 2,1 [8, р. 12–20a] и Anastasi IV, 6,7 [8, р. 34–55a]; оба свитка происходят из Саккары и датируются правлениями Меринптаха и Сети II. В результате связи с этими документами получается дополнительная согласованность с датами на других папирусах из коллекции Sallier (см. выше).

О названии «Поэма Пентаура» и имени человека

Начиная с перевода 1870 г., сделанного Э. де Руже, за «Битвой при Кадеше» закрепилось второе название: «Поэма Пентаура». Все существующие переводы произведения построены по одному принципу: в основе лежит совмещение вариантов изложения из разных версий по синоптическим изданиям, а до их составления даже Э. де Руже реконструировал текст из надписей в двух храмах и на папирусе Raifé+Sallier III.

Рассказ о военных подвигах Рамсеса II в переводе М.А. Коростовцева тоже оказался озаглавлен «Поэма Пентаура», хотя, как показывают примечание [1, с. 269] и вышеупомянутое мнение о датировке папируса Raifé+Sallier III, отечественный египтолог понимал специфику, на которую не обращает внимание широкая аудитория. Любое имя, включенное в название древнего произведения, приводит читателя к ложному выводу, что речь идет об авторстве. Продолжать использовать принципиально некорректное заглавие недопустимо.

Мужское имя $p(\beta)-n-t^3-wrt$ «П(а)-н-та-урет» является теофорным, означает «он принадлежит (богине) Таурет» [17, S. 111, no. 17]. С XIX в. неточное написание без окончания $-t$ (не редуцировалось), относящегося к богине, стало всеобщим («Пентаур»). Культ Таурет (букв. «она великая», греч. Θουέρις) получил распространение при 19-й династии. Для передачи имени я придерживаюсь орфографии, соответствующей оригиналу: «Пентаурет».

Особенности папируса

Текст на папирусе имеет много особенностей, позволяющих уверенно сказать, что это копия с другого иератического папируса. Ошибки переписчика зафиксированы Ш. Кюнцем и Э. Спелинджером, но не все из них получили должное объяснение. Первую крупную ошибку легко не заметить, если следовать тексту не по папирусу, а по разбивке на параграфы в синоптическом издании. Закончив строку S.5,2, Пентаурет пропустил отрывок (§§ 205–223) в исходной для него рукописи и поместил его далее в строки S.5,10–7,4. С целью сгладить переход, он добавил несколько общих фраз. Помимо этой перестановки, меняющей очередность тем, встречается значительное количество классических ошибок переписчиков: пропуски слов и даже предложений, беспорядочная смена местоимений (переход со 2-го лица на 3-е, после которого может идти прямая речь без дополнительных фраз).

Не следует подходить к имеющейся рукописи как к копии документа, который мог использоваться для переноса иероглифов на камень: для той цели исходный текст следовало составить в иероглифике (переносы/переводы из иератики в иероглифику всегда оставляли следы в виде лишних или отсутствующих знаков в новом тексте). В результате можно говорить о параллельном хождении списков в иератике, имеющих отличия от текстов в храмах.

Результаты

Палеографические заметки

Не только древние ошибки несколько затрудняют понимание надписи, но и ошибки современных издателей, неточное воспро-

изведение оригинала или неточные транскрипции из иератике в иероглифику, с которой другие впоследствии делают переводы. Проведенное небольшое палеографическое исследование показало, что копия иероглифической транскрипции папируса Raifé+Sallier III в издании К.А. Китчена не является самостоятельной, а унаследована от Ш. Кюнца, поэтому повторяет его ошибки. Однако вторичная транскрипция слабее из-за дополнительных ошибок К.А. Китчена как переписчика. В результате в двух изданиях наблюдаются неточности, классифицированные мной в 2007 г.: пропуск обязательного указания номеров строк, пропуск указания красной строки, неверная интерпретация лигатур, см. [16, p. 39–42].

При беглой сверке оригинала с изданиями можно зафиксировать ошибки, вынесенные в таблицу 1; анализ завершающего отрывка рукописи см. далее. Данное палеографическое исследование обосновывает необходимость переиздания иероглифической транскрипции этого списка памятника древней литературы (ср. рисунки 1 и 2).

Ориентация иероглифов и описание их положения в надписи («перед», «после») соответствует иератике (справа налево).

Таблица 1.

Замечания к синоптическим изданиям

§, строка		Комментарий	К.А. Китчен
34	R.1	В оригинале красная строка, ошибка унаследована от Ш. Кюнца.	не отмечено
100	S.2,7	Номер строки следует проставить перед предлогом .	Опущено
112	S.3,2	Знак в фразе $jw=j w^c.k(wj)$ «я был один» не нужен грамматически и ошибочен палеографически; «штрих» является продолжением знака = , скопировано у Ш. Кюнца; ср. [15, p. 518] (для <i>Ndmt</i>). Итак, группа = .	

Окончание табл. 1.

230	S.7,6	Восстановление предлога с окончанием некорректно (грамматически), скопировано у Ш. Кюнца, ср. оригинал: = , ср. [19, p. 57].	
235	S.7,10	Номер строки следует проставить в начале параграфа.	Опущено
238	S.8,1	Номер строки в начале параграфа следует проставить. Предлог следует удалить, скопировано у Ш. Кюнца, предлог пропущен Пентауретом, ср. оригинал: = , ср. графику предлога в строке S.2,5: , ср. [19, p. 59].	
298	S.9,8	Местоимение показано без штриховки (заполнение лакуны), скопировано у Ш. Кюнца, ср. оригинал: = , ср. в той же строке (ранее): 	

Примечания к транскрипциям папируса Sallier III, 11,9–11

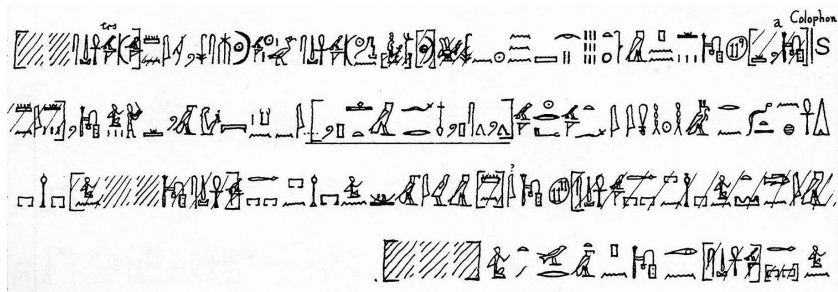

Рис. 1. Копия К.А. Китчена [10, p. 101]

Строка S.11,8. Ш. Кюнц восстановил в конце строки глагол *sš* (повторяется К.А. Китченом), не подтвердив примерами; реконструкции подобного рода некорректно вписывать непосредственно в издание для заполнения лакун, их следует оставлять в примечаниях.

Строка S.11,9. Знак \triangle отсутствует; большую часть знака следует заштриховать (см. далее пометки sic!). Знак после \odot , который Ш. Кюнц, ссылаясь на ответ Э.Х. Гардинера, счел допустимым так прочесть, как я полагаю, является частью знака . Если сопоставить графику группы *nsw-bjt* «властитель Верхнего и Нижнего Египта» на этом папирусе с необходимым для нее местом, то окажется, что знак вписывать некуда (см. таблицу 2).

Таблица 2.

Восстановление перехода от даты к титулу правителя

Строка	Цитата из папируса
R.3	
S.10,2	
S.11,9	

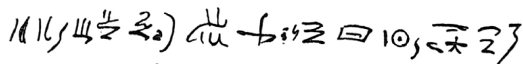
Ш. Кюнц полагал знак предлогом «для» (т.е. «книга написана для властителя...»), а К.А. Китчен дал его без штриховки. Многие переводчики считают его показателем родительного падежа для введения имени правителя, к которому относится дата. Поскольку этого знака нет, значит, речь идет о прямом, а не о косвенном родительном падеже. Подобное употребление подтверждается надписью на острлке Firenze 2616 в таблице 2 (полный перевод и обсуждение этого текста см. [6, с. 87–93]):

Таблица 2.

Непосредственный переход от даты к титулу правителя

Наименование	Острок Firenze 2616, 4
Факсимиле [8, pl. I]	

Окончание табл. 3.

Транскрипция	
Ш. Кюнц / К.А. Китчен	
S.9,8 (написание имени Ра-Хорахти)	
Папирус Anastasi III, 7,10 (Саккара, 3-й год правления Меринптаха, по- черк неизвестного писца)	 <i>r^c-hr-3htj jw=s pw nfr m htp jn k3</i> Глагол показан размашисто и занимает больше места, ср. обычное написание Пентаурета: (S.4,7).

Лакуна в конце строки правильно была заполнена именем и званиями Амонеминета, учителя Пентаурета. Ср. папирус Sallier I,

9,1: *hrj-s3wtj-sš jmn-m-jnt n pr-ḥd n pr-ḥ3 ḥ.w.s.* «начальник архива Амонеминет из сокровищницы фараона».

Строка S.11,11. Писец сокровищницы *j[mn]-m-wj3* «А[мон]ему-иа» (так Ш. Кюнц и К.А. Китчен) неизвестен по другим папирусам, включенным в издание Э.Х. Гардинера [8]; знак

следует заштриховать как восстановление, ср.

= . Можно сравнить с таким же именем, которое

Пентаурет два раза упомянул на папирусе Sallier I, 9,2:

9,5: =

Переиздание папируса Sallier III, 11,9–11

Рис. 2. Уточненная транскрипция

Колофон 1

[*jr.t* (?)] (S.11,9) *sš pn [m] rnpt 9 3bd 2 šmw nsw-bjt wsr-m³c^t-[r^c]-stp.n-r^c c.w.s. s³ r^c r^c-msj-sw-mrj-jmn [c.w.s. mrj...ntrw nbw]* (S.11,10) *dj cnh dt r nhh mj jt=f r^c-hr-[3htj]*

«[Сделана] (S.11,9) эта запись в девятый год (правления), второй месяц засухи, властителя Верхнего и Нижнего Египта Усермаат[ра] сетепенра, сына Ра Рамсесамериамона, да будет он жив, невредим и здоров, [любимого... всеми богами], (S.11,10) кому дана жизнь вечно, как его отцу Ра-Хор[ахти]».

Колофон 2

[*jw=s pw nfr m htp] jn k³ n hrj-s³wtj-sš [jmn-m-jnt n pr-hd n pr-c³ c.w.s.]* (S.11,11) *sš j[mn-m]-wj³ n pr-hd n pr-c³ [c.w.s. sš...n] pr-hd n pr-c³ [c.w.s.] jr.n sš p(3)-n-t³-wrt [n pr-hd n pr-c³ c.w.s.]*

«[Конец. Окончено благополучно.] Для *ка* начальника архива [Амонеминета из сокровищницы фараона], (S.11,11) писца А[монем]уиа из сокровищницы фараона [да будет он жив, невредим и здоров, писца <имярек> из] сокровищницы фараона. Составлено писцом Пентауретом [из сокровищницы фараона]».

Заключение

Возможности, ставшие доступными исследователям в настоящее время (например, цифровые фотографии документов из музеев), позволяют улучшить прочтение древних произведений. Детали, казавшиеся в первой половине XX в. несущественными, когда ставились задачи как можно скорее издать имеющийся

материал, были проработаны с упущениями. Из ряда на первый взгляд незначительных изменений появляется другой перевод, новый смысл, а значит и истолкование древнего источника. Исправления дают новый материал и лингвистам. Папирус Пентаурета полтора века считался второстепенным, его издавали (в факсимиле и транскрипции), упоминали и цитировали, но не было даже попытки сделать по нему отдельный перевод «Битвы по Кадеше».

Настоящее исследование показало, что транскрипция К.А. Китчена не является самостоятельной и принадлежит его предшественнику Ш. Кюнцу, который был упомянут им лишь как предшественник. Анализ эпитета «великий» у врага Рамсеса II, проявившийся в отрывке с посланием, показал, что наиболее вероятным заимствованием являются копии мнимого письма фараону на двух папирусах из коллекции Дж. Анастаси, что дополнительно подтвердило датировку исследуемого папируса. В свою очередь на их содержание повлияло изменение политической ситуации во второй половине правления Рамсеса II. В новой транскрипции колофона был доказан другой вариант в заполнении лакун. Актуальный перевод заключительного отрывка, разделенный на две части, дает точное представление о случайном переплетении двух датировок, времени Рамсеса II и времени Меринптаха.

Список литературы

1. Коростовцев М.А. Повесть Петеисе III. Древнеегипетская проза. М.: Художественная литература, 1978. 303 с.
2. Коростовцев М.А. Писцы Древнего Египта. СПб.: Журнал Нева, Летний сад, 2001. 368 с.
3. Панов М.В. Обзор переводов с египетского языка на русский (1882–2010). Египетские Тексты. Т. I. Новосибирск: М.В. Панов, 2011. XXXIV+466 с.
4. Панов М.В. Письма мертвым. Избранные тексты 18–20-й династий. Рецензии. Египетские Тексты. Т. V. Новосибирск: М.В. Панов, 2016. 300 с.

5. Панов М.В. Историко-биографические и мифологические надписи позднего времени. Египетские Тексты. Т. VI. Новосибирск: М.В. Панов, 2017. 400 с.
6. Панов М.В. Легенды, мифы и гимны. Доклады. Египетские Тексты. Т. VIII. Новосибирск: М. В. Панов, 2018. 348 с., XCVI рис.
7. Budge E.A.W. Facsimiles of Egyptian Hieratic Papyri in the British Museum with Descriptions, Summaries of Contents etc. 2nd series. London: British Museum, 1923.
8. Gardiner A.H. Late-Egyptian Miscellanies. Bibliotheca Aegyptiaca. T. VII. Bruxelles: Édition de la Fondation Égyptologique, Reine Élisabeth, 1937. XXI+142 p.
9. Golénischeff W. Notice sur un ostracon hiératique du musée de Florence // Recueil de travaux relatifs à la philologie et à l'archéologie égyptiennes et assyriennes. 1882. T. 3, pp. 3–7, pl. I–II.
10. Kitchen K.A. Ramesside Inscriptions. Historical and Biographical. Vol. II. Oxford: B.H. Blackwell, 1979. 928 p.
11. Kitchen K.A. Ramesside Inscriptions. Historical and Biographical. Vol. III. Oxford: B.H. Blackwell, 1980. 848 p.
12. Kitchen K.A. Ramesside Inscriptions Translated and Annotated: Translations. Vol. II. Oxford: B.H. Blackwell, 1996. 618 p.
13. Kitchen K.A. Ramesside Inscriptions Translated and Annotated: Notes and Comments. Vol. II. Oxford: B.H. Blackwell, 1999. 642 p.
14. Kuentz Ch. La bataille de Qadech. Les textes "Poème de Pentaour" et "Bulletin de Quadech" et les bas-reliefs. Le Caire: IFAO, 1928. 398 p. XLII pl.
15. Möller G. Hieratische Paläographie. Bd. 2. Neudruck der zweiten verbesserten Auflage 1927. Osnabrück: O. Zeller, 1965. 74 S. VIII Taf.
16. Panov M. Some Remarks on Editors' Errors in Ptahhotep and Other Texts // Göttinger Miszellen. 2007. Hft. 213. S. 39–57.
17. Ranke H. Die ägyptischen Personennamen. Bd. I. Glückstadt: J.J. Augustin, 1935. 432 S.
18. Rougé E. de. Le poème de Pentaour // Recueil de travaux relatifs à la philologie et à l'archéologie égyptiennes et assyriennes. 1870. T. 1, pp. 1–9. Pl. I.

19. Spallinger A.J. The Transformation of an Ancient Egyptian Narrarive. P. Sallier III and the Battle of Kadesh. (GOF IV). Wiesbaden: O. Harrasowitz, 2002. 389 p.

References

1. Korostovtsev M.A. *Povest' Peteise III. Drevneegipetskaya proza* [The Story of Peteis III. Ancient Egyptian prose]. M.: Khudozhestvenaya literatura, 1978. 303 p.
2. Korostovtsev M.A. *Pisty drevnego Egipta* [Scribes of Ancient Egypt]. SPb.: Zhurnal Neva, Letniy sad, 2001. 368 p.
3. Panov M.V. *Obzor perevodov s egipetskogo yazyka na russkiy (1882–2010). Egipetskie Teksty* [Review on Russian Translations of Ancient Egyptian Texts (1882–2010). Egyptian Texts]. Vol. I. Novosibirsk: M.V. Panov, 2011. XXXIV+466 p.
4. Panov M.V. *Pis'ma mertvym. Izbrannye teksty 18–20-y dinastiy. Retsenzii. Egipetskie Teksty* [Letters to the Dead. Selected Texts from Dynasties 18–20. Reviews. Egyptian Texts]. Vol. V. Novosibirsk: M.V. Panov, 2016. 300 p.
5. Panov M.V. *Istoriko-biograficheskie i mifologicheskie nadpisi pozdnego vremeni. Egipetskie Teksty* [Historical, Biographical and Mythological Inscriptions of the Late Period. Egyptian Texts]. Vol. VI. Novosibirsk: M.V. Panov, 2017. 400 p.
6. Panov M.V. *Legendy, mify i gimny. Doklady. Egipetskie Teksty* [Legends, myths and Hymns. Reports. Egyptian Texts]. Vol. VIII. Novosibirsk: M.V. Panov, 2018. 348 p., XCVI pl.
7. Budge E.A.W. *Facsimiles of Egyptian Hieratic Papyri in the British Museum with Descriptions, Summaries of Contents etc. 2nd series*. London: British Museum, 1923.
8. Gardiner A.H. *Late-Egyptian Miscellanies. Bibliotheca Aegyptiaca. T. VII*. Bruxèlles: Édition de la Fondation Égyptologique, Reine Élisabeth, 1937. XXI+142 p.
9. Golénischeff W. *Notice sur un ostracon hiératique du musée de Florence. Recueil de travaux relatifs à la philologie et à l'archéologie égyptiennes et assyriennes*, no 3 (1882), pp. 3–7, pl. I–II.
10. Kitchen K.A. *Ramesside Inscriptions. Historical and Biographical. Vol. II*. Oxford: B.H. Blackwell, 1979. 928 p.

11. Kitchen K.A. *Ramesside Inscriptions. Historical and Biographical*. Vol. III. Oxford: B.H. Blackwell, 1980. 848 p.
12. Kitchen K.A. *Ramesside Inscriptions Translated and Annotated: Translations*. Vol. II. Oxford: B.H. Blackwell, 1996. 618 p.
13. Kitchen K.A. *Ramesside Inscriptions Translated and Annotated: Notes and Comments*. Vol. II. Oxford: B.H. Blackwell, 1999. 642 p.
14. Kuentz Ch. La bataille de Qadech. Les textes “Poème de Pentaour” et “Bulletin de Quadech” et les bas-reliefs. Le Caire: IFAO, 1928. 398 p. XLII pl.
15. Möller G. *Hieratische Paläographie*. Bd. 2. Neudruck der zweiten verbesserten Auflage 1927. Osnabrück: O. Zeller, 1965. 74 p. VIII pl.
16. Panov M. Some Remarks on Editors’ Errors in Ptahhotep and Other Texts. *Göttinger Miszellen*, no 213 (2007), pp. 39–57.
17. Ranke H. *Die ägyptischen Personennamen*. Bd. I. Glückstadt: J.J. Augustin, 1935. 432 p.
18. Rougé E. de. Le poème de Pentaour. *Recueil de travaux relatifs à la philologie et à l’archéologie égyptiennes et assyriennes*, no 1 (1870), pp. 1–9, pl. I.
19. Spallinger A.J. The Transformation of an Ancient Egyptian Narrarive. P. Sallier III and the Battle of Kadesh. (GOF IV). Wiesbaden: O. Harrasowitz, 2002. 389 p.

ДАнные ОБ АВТОРЕ

Панов Максим Вячеславович, канд. ист. наук, независимый исследователь
г. Новосибирск, Российская Федерация
panov.mv@gmail.com

DATA ABOUT THE AUTHOR

Panov Maxim Vjacheslavovich, PhD (History), independent researcher
Novosibirsk, Russian Federation
panov.mv@gmail.com
SPIN-code: 8386-9837
ORCID: 0000-0003-4678-0383

DOI: 10.12731/2077-1770-2019-3-85-101

УДК 39 (394)

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД В МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОМ ИЗУЧЕНИИ ФЕНОМЕНА КОРРУПЦИИ

Шиян О.В.

Анализ причин стойкости воспроизводства коррупции, ее участников, структуры, последствий проводился учеными разных отраслей. По мере формирования новых отраслей науки о человеке, коррупция попадала в фокус их исследований.

Цель. Основная цель данного исследования заключается в проведении анализа понятия коррупции и подходов к ее изучению в этнологии и социально-культурной антропологии. Предметом анализа выступают труды зарубежных и российских ученых по теме феномена коррупции с позиций антропологического и междисциплинарного подходов. Автор ставит целью представить анализ преимуществ и недостатков антропоцентричного метода изучения коррупции.

Метод или методология проведения работы. Основу исследования составляет герменевтический метод, основанный на принципах и способах изучения исследований о коррупции и неформальных практик, подпадающих под ее определение. При написании материала использованы общенаучные методы анализа, позволяющие рассмотреть роль коррупции и отношение к ней в различных обществах; описательный и сравнительно-сопоставительные методы.

Результаты. Итоги анализа показали, что в зависимости от подхода к исследованию коррупции определяются отдельные причины стойкого воспроизводства этого явления. Этнолингвистический подход позволяет определить моральные установки к феномену коррупции; социально-антропологический метод нацелен на поиск первопричин коррупции в устоявшихся социальных практиках, имеющих свое происхождение в традициях, обычаях, стерео-

типах. Теория двойственной наследственности изучает жизнеспособность культурных практик через призму их эволюции. Проявления коррупции в современных органах власти и крупных компаниях исследуются с помощью этнополитического и институционального методов исследования.

Область применения результатов. Результаты исследования могут быть применены в теоретическом анализе феномена коррупции, проведении дальнейших исследований с использованием описанных междисциплинарных подходов к изучению коррупции, практике преподавания курса противодействия коррупции, разработке программ по снижению негативного влияния на жизнь общества.

Ключевые слова: коррупция; междисциплинарный подход; этнология; этнолингвистика; социология коррупции; институционализация коррупции.

ANTHROPOLOGICAL APPROACH IN THE INTERDISCIPLINARY STUDY OF THE CORRUPTION PHENOMENON

Shiyan O.V.

Analysis of the reasons for the persistence of the reproduction of corruption, participants, structure, consequences, was studied by scientists from different branches. As new branches of human science formed, corruption fell into the focus of their research.

Purpose. *The main objective of this study is to analyze the concept of corruption and approaches to study in ethnology and socio-cultural anthropology. The subject of analysis is the work of foreign and Russian scientists on the theme of the phenomenon of corruption from the standpoint of anthropological and interdisciplinary approaches. The author aims to present an analysis of the advantages and disadvantages of the anthropocentric method of studying corruption.*

Methodology. *The basis of the study is the hermeneutic method, based on the principles and methods of studying corruption and informal prac-*

tics that fall under its definition. While writing the material there were used general scientific methods of analysis, allowing to consider the role of corruption and attitude to it in various societies, and descriptive and comparative methods.

Results. *The results of the analysis showed that depending on the choice of approach to the study of the corruption, the reasons for the persistent reproduction of this phenomenon are determined. The ethno-linguistic approach allows to determine moral attitudes to the phenomenon of corruption. The socio-anthropological method is aimed at finding the root causes of corruption in established social practices that have origin in traditions, customs, and stereotypes. The theory of dual heredity studies the viability of cultural practices through the prism of evolution. Manifestations of corruption in modern authorities and large companies are investigated using ethno-political and institutional research methods.*

Practical implications. *The results of the study can be applied in a theoretical analysis of the phenomenon of corruption, further research using the described multidisciplinary approaches to the study of corruption, the practice of teaching anti-corruption courses, and writing programs to reduce the negative impact on society.*

Keywords: *corruption; interdisciplinary approach; ethnology; ethno linguist; sociology of corruption; institutionalization of corruption.*

Введение

Интерес к исследованию феномена коррупции проявляли ученые различных отраслей. Одинаковую озабоченность по поводу ее искоренения высказывали правители древних империй, средневековой реформации и руководство современных корпораций. При достаточно широком категориальном аппарате ученые сходятся во мнении о неоднозначных оценках коррупции и возможности ее искоренения.

С позиций социальной антропологии коррупция начала исследоваться с середины 1960-х годов, что, связано с развитием методологии самой науки.

В статье рассмотрены методологические подходы этнографов и антропологов к исследованию феномена коррупции, а также кон-

цепции ученых по изучению природы коррупции, в том числе посредством междисциплинарного подхода.

Материалы и методы

Основной группой источников данной статьи выступили труды социальных и культурных антропологов и этнологов, изучавших проявления коррупции в традиционных и современных обществах. Проанализированы межсекторальные исследования этологов, социологов и философов о предрасположенности человеческой природы к материализму и другим мотивам, сопутствующим коррупции. Для определения вариативности восприятия коррупционных практик проанализированы дефиниции коррупции в зависимости от намерений сделки. Эти материалы позволили использовать междисциплинарный антропологический подход к изучению феномена коррупции.

Методологическая база статьи основана на герменевтическом методе изучения исследований о коррупции и неформальных практик, подпадающих под ее определение. При написании статьи использовались общенаучные методы анализа, позволяющие рассмотреть роль коррупции и отношение к ней в различных обществах; описательный и сравнительно-сопоставительные методы. Исследование проведено в соответствии с принципами научности, объективности, системности и историзма.

Результаты

Этнолингвистический подход к изучению феномена коррупции

В большом латинско-русском словаре термин «*corruptio*» означает подкуп, продажность, порчу, разложение. Это понятие коррупции легло в основу обозначения категории преступлений, связанных с использованием должностным лицом своего статуса, прав и полномочий в целях личной выгоды.

Этнолингвистический подход позволяет определить, насколько моральные установки к феномену коррупции отличаются у разных народов. Антрополог Г. Андерс пишет, что коррупция составляет один из элементов повседневной жизни малавийских чиновни-

ков [8, с. 121]. Однако она воспринимается местными жителями по-разному ввиду нескольких определений коррупции, основанных на сложной амбивалентности социальных и должностных обязательств чиновников. Сравнивая госслужащего Малави с хамелеоном, Г. Андерс отмечает удивительную легкость, «с которой государственные служащие лавировали в широко разветвленных социальных сетях, преодолевая огромные социальные и пространственные дистанции, виртуозно синхронизируя личные интересы, требования своих супругов, детей и родственников и интересы государственного учреждения» [8, с. 121]. Благодаря устойчивым моральным обязательствам, чиновники во многих случаях не вправе отказать в помощи своим родственникам, не имеющим постоянного источника дохода. Для них закон – это «один из многочисленных сводов правил, упорядочивающих работу государственной службы Малави» [8, с. 122]. Наряду с нормативными действуют социальные и религиозные взаимные обязательства.

Эта амбивалентность долга описана исследователем на примере организации крупным чиновником автомобильного сопровождения в похоронной процессии родственника его слуги. Благодаря закреплению в законодательстве понятия коррупции, не охватывающего всего многообразия ситуаций, чиновник, формально не нарушая закон, использовал право на безвозмездную аренду государственных машин в личных целях. Однако интерес представляет не сам факт преступления, а его психосемантическая трактовка. Психолингвистическая оценка коррупционных деяний показывает, что мотивы, которыми руководствовался чиновник, «оправдали» его поведение. Как пишет Г. Андерс [8, с. 130], одобрение возможно ввиду существующей у народа Малави разницы в оценке одного и того же явления (коррупции).

Коррупция (официальная трактовка Антикоррупционного бюро Малави) обозначает взяточничество, мошенничество, хищение, злоупотребление и другие, однозначно порицаемые деяния. *Katangale* (местное понятие) означает сделки и практики (патронаж, кумовство), имеющие целью обогащение чиновников и перераспреде-

ние доли благ, имущества с другими членами общества. При условии дележа полученных благ, *katangale* одобряется в обществе, если же чиновник не выполнил моральных обязательств поделиться, то он рискует навлечь на себя проклятие *ufiti*. *Kuba* – воровство, приносящее выгоду только вору, однозначно осуждается [8, с. 131].

По сути, перераспределение благ, полученных чиновником на своей должности, способствует восстановлению общего уровня благосостояния в его общине. Высокий уровень терпимости к коррупции отмечен исследователями у многих народов. Определяя коррупцию частью своей культуры или традиций, отдельными народами выражается одобрение возможности обойти нормы закона. Например, в русском языке синонимами коррупции являются такие понятия, как мзда, магарыч, кумовство, родственность, семейственность, блат. Эти понятия сформировались в ходе ежедневных практик и не означали однозначно негативных явлений [5, с. 111]. Мзда в зависимости от контекста (если платят нам, то хорошо, если мы – плохо), имела в народе прямо противоположную оценку, магарыч означал угощение при заключении выгодной сделки, кумовство и вовсе одобрялось ввиду коллективной природы человека.

Полезные связи и знакомства, названные блатом, в условиях тотального дефицита являлись, как отмечает А. Леденева «услугами доступа» к дефицитным общественным ресурсам, как товары, услуги, источники дохода (образование, рабочие места, должности и т. д.) и привилегии «в обход формальных процедур, регулирующих доступ к ресурсам личного потребления» [7, с. 113].

В переводе с казахского языка «жемқор» коррупция означает прожорливость скота и не имеет прямого негативного смысла, как «пара» – взятка. К примеру, в следующей народной поговорке прожорливость скота одобряется, людей – осуждается: «Атың жемқор болса, берді кұдай, қатының жемқор болса, ұрды кұдай» (Если конь твой прожорлив – это Божья милость, а если жена твоя обжора – это Божья кара) [16]. Таким образом, лингвистическое многообразие определения феномена коррупции позволяет понять причины его жизнестойкости.

Социально-антропологический подход к изучению коррупции

Поиск корней коррупционных практик в культурных традициях народов предпринимался рядом ученых. Дискуссии о национальной предрасположенности к коррупции ведутся в научном сообществе до сих пор. Однако большинство исследователей определяют природу коррупции в более глубоких формах социального взаимодействия и личной психологической предрасположенности, а не в культурных традициях.

В современном западном обществе психологическую предрасположенность к материализму как мотиву, заставляющему человека потреблять, определил немецкий ученый-психолог, социолог Э. Фромм. В труде «Революция надежды. Навстречу гуманизированной технологии» он установил связь между духовной нестабильностью человека и потреблением. Характеризуя душевное состояние современного человека, Э. Фромм отмечал, что поглощение предметов потребления позволяет индивиду убеждаться в том, что он в принципе существует [12, с. 11]. Немаловажным аспектом психологии потребления является позиционирование человека в обществе согласно уровню приобретённых им вещей или благ. Чем выше их стоимость, тем статуснее его положение. Однако возрастающее потребление не снижает тревожности, а напротив, способствует развитию нравственных пороков личности. Коррупция в данном случае выступает возможностью потреблять больше. В своем крайнем выражении она рассматривается как девиантное поведение, характеризующееся в смещении этических норм и ценностей и выражающееся в намеренном совершении коррупционных преступлений [3, с. 102].

Как писал Л. Толстой: «Одно из самых обычных заблуждений состоит в том, чтобы считать людей добрыми, злыми, глупыми, умными. Человек течет, и в нем есть все возможности: был глуп, стал умней, был зол, стал добр, и наоборот. В этом величие человека» [10, с. 89].

Мысль великого русского ученого подтверждает современный психоанализ. Так, профессор психологии М. Решетников отмечает, что «человек как биосоциальное существо исходно вовсе не являет-

ся кладезем добродетелей и по своей природе – агрессивен, эгоистичен, самовлюблен, асоциален, совершенно не имеет спонтанной любви к труду, стремится получать удовольствие, в том числе – удовлетворять свои материальные и сексуальные потребности в их естественных или (также основанных на принципе удовольствия) сублимированных формах, к каковым принадлежат практически все виды стремления к достижениям, карьере, власти, побуждения к художественному или научному творчеству» [9, с. 98].

Выходит, что мотивы потребления, наживы за счет престижного положения не всегда являются ключевыми для занятия политической или государственной деятельностью. Самоцелью могут выступать как позитивно-альтруистические мотивы (престижное положение, профессионализм, успех, желание помочь), так и негативно-эгоистичные мотивы либо жажда власти ради власти, признания, наживы. Таким образом, при социально-антропологическом подходе к анализу мотивов следует исходить из специфики власти, которая может морально развращать государственного и политического деятеля или же быть под влиянием личных качеств последних.

Биологический подход и теория двойственной наследственности

Пытаясь истолковать человеческое поведение, ученые применили принципы эволюционной биологии при анализе культурной эволюции. Впервые структуризация теории двойственной наследственности была оформлена в работе Р. Бойда и П. Ричерсона «Культура и эволюционный процесс» [14]. Вклад в развитие этого направления внесли биологи и этологи Д. Кэмпбел, Р. Докинз, Л. Кавалли-Сфорц, М. Фельдман, Ч. Лумсден, Э. Уилсон.

Теория двойной наследственности развивает гипотезу о том, что частичное развитие культуры в обществе происходит по аналогии с генетической эволюцией. При этом культура формируется посредством социального научения через копирование поведения других людей. То есть вид *homo sapiens* становится человеком только в процессе воспитания и социализации посредством соблюдения тради-

ций и норм поведения. В приоритете копируемых практик являются те, которые позволяют выжить, социализироваться и преуспеть. В этом контексте культуры проходят свой процесс эволюции, проявляя разную степень жизнеспособности. По мнению Д. Кэмпбела в зависимости от вытекающих последствий, людьми, как правило, копируются и воспроизводятся те культурные практики, которые могут принести наибольшее преимущество. Мотивами для копирования культурных практик поведения в таких случаях выступают:

1. мотив успеха при копировании поведения людей, признанных в обществе успешными (может стать причиной как положительных успехов, так и совершения преступлений),

2. мотив статусности при подражании поведения людей, достигших высокого социального положения,

3. мотив прообраза при воспроизводстве поведения лиц, на которые равняются и хотят быть похожими,

4. мотив принятия общепринятых поведенческих практик.

Однако, то обстоятельство, что разнообразные культуры «налагаются на одну и ту же систему инстинктов», культурная наследственность может ограничить или наоборот усилить человеческие инстинкты [14, с. 138]. Шкала морали и инстинкты ограничивают друг друга с древнейших времен, в результате чего сформировался фундамент общемировых этических принципов и ценностей. Это наглядно подтверждается при изучении феномена группового отбора у людей, в результате которого формировалась внутриплеменная сплочённость, ставшая в период войн своеобразным разрешением на уничтожение представителей других племен (при полном осуждении убийства в мирное время) [11].

Помимо сохранения биологического вида, культурная наследственность определяет границы обязательств по отношению к группе. Уклонение человека от исполнения этих обязательств, согласно наблюдению российского профессора А. Фета, вызывает порицание у группы, общества вплоть до обструкции или применения соответствующих санкций. Например, в разряд осуждаемых поведенческих практик относятся коррупционные, хотя инстинктивно они

направлены на получение преимущества и извлечение выгоды из сложившейся ситуации. В этой дилемме и заключается ее феноменальная долговечность. Таким образом, социобиология подтвердила тезис о том, что древний социальный инстинкт солидарности общества стал неотделим от культурной природы человека.

Институциональный и этнополитический подходы к исследованию коррупции

Антропология коррупции тесно переплетена с изучением культурных традиций. Так, А. Фет определяет три стадии глобального распространения культурных традиций. Правила социального поведения распространяются при объединении групп в племена (первая стадия), их переходе к государственной форме организации (вторая стадия), а также со времени глобализации человечества (третья стадия) [11].

Глобализационные тенденции наиболее ярко описаны в концепции С. Хантингтона. Ее сущность заключается в том, что для многообразного мира, состоящего из различных цивилизаций, культурные различия представляют большую ценность, нежели политические. При этом движущим элементом культуры является религия, накладывающая отпечаток на способы ведения хозяйства и деловой активности. Вкупе с этнокультурными особенностями экономическая активность цивилизаций направлена на отстаивание своей самобытности и в перспективе чревата глобальными катастрофами социального характера [1, с. 263]. По мнению С. Хантингтона, это связано с желанием распространить европейские рыночные механизмы на азиатские рынки. Унификация многообразия культурных форм, рыночных отношений ведет к «кризису национальных культур, вызывает столкновение исторических общностей людей» [13, с. 325].

Учитывая, что навязывание рыночных принципов осуществляется транснациональными компаниями под руководством государств, процессы глобализации даже в сугубо экономической сфере не способны абстрагироваться от культурного дискурса. В результате коррупция, как элемент сложившихся социокультурных традиций пре-

вратилась в транснациональное явление, влияющее на общества и экономики всех стран мира [4, с. 252]. Сотрудники этих компаний, руководствуясь корпоративными целями, идущими в разрез с благосостоянием и экологической безопасностью местных жителей, используют коррупционные и криминальные способы извлечения прибыли: подкуп, лоббирование, шантаж. Практика взаимовыгодного обмена, описанная М. Моссом в «Очерке о даре», как «средство формирования социальных связей», позволяет снизить угрозы политической и экономической дестабилизации тех стран, в которых транснациональные компании осуществляют свою деятельность.

Корни корпоративной коррупции, по мнению профессора антропологии К. МакЛеннана, находятся в индустриализации экономики Америки XIX века, когда ценности рыночного капитализма стали противоречить демократическим целям защиты общественных интересов, изначально сформированным при Т. Джефферсоне [15, с. 150]. Используя принцип историзма, она пришла к выводу о том, что предпринимаемые государством попытки урегулировать национальный бизнес в виде антимонопольных законов и комиссий, привели к прямо противоположным результатам. Произошло искажение постулируемых государством обязательств по социальной защите в сторону крупных финансовых и юридических субъектов. В зависимости от сфер общественной жизни правящий класс доминирует в принятии решений по-разному: контролируя либо влияя.

Для достижения влияния и максимальной прибыли крупные корпорации применяют в повседневной практике модели поведения, подпадающие по признакам под коррупционные. Поэтому для обозначения финансовых и банковских нарушений, фальсификации, мошенничества, совершаемых высокопрофессиональными специалистами, социологом Э. Сатерлендом был введен термин «беловоротничковая преступность» [2, с. 100]. Как и участники неформальных экономик не западного мира, их «беловоротничковые» сообщники извлекают выгоду (личную и корпоративную) через разветвленные социальные сети, окутавшие корпоративные сообщества, клубы, элитные школы и благотворительные организации.

Исследование коррупционного поведения в транснациональных компаниях осуществляет так называемая управленческая антропология [6]. Благодаря использованию в своих методиках антропологических подходов, основанных на этнокультурных факторах, теоретики этой междисциплинарной науки описали модели европейского, американского и азиатского менеджмента.

Так, на азиатскую модель управления организацией повлияла буддийская философия. Характерными для нее является необходимость установления доверительных отношений перед заключением договоров, при положительном опыте доверие, как правило, укрепляется и служит основой для оказания предпочтения даже при временных финансовых убытках (к примеру, фаворитизм японских компаний). Европейская модель управления ориентируется рыночными принципами сокращения издержек, повышения прибыли, что также накладывает отпечаток на стиль управления компанией, легкость смены бизнес-партнеров. Американская модель сформирована в условиях борьбы за лидерство на американском континенте, как с местными жителями, так и между самими поселенцами. Она характеризуется предоставлением сотрудникам большей свободы действий и ответственности с опорой на личные интересы и стремление достичь эталонов успеха.

Понимание этих особенностей благодаря антропологическому подходу стало ключевым элементом развития современных систем управления персоналом. Будущее развитие транснациональных компаний упирается в изучение и формирование внутренней корпоративной культуры, содержащей в себе широкий спектр ценностей, мотивов и практик.

Обсуждение

Проведенный обзор подходов к изучению феномена коррупции показал ряд преимуществ и недостатков антропологической науки.

К безусловным преимуществам культурной антропологии следует отнести этнографические методы полевой работы, когда исследователь, находясь в изучаемой среде, может установить доверитель-

ные контакты и получить информацию о духовной и материальной культуре местных жителей. Комплексный подход к изучению природы человека позволяет при анализе коррупционных практик изучить ее источники, кроющиеся в глубоко укоренившихся социокультурных практиках, системах общественного устройства. Эти методы универсальны и применимы как в работе с архаичными племенами, так и в современных обществах.

Не менее важным при изучении коррупции является анализ происхождения терминов, используемых при обозначении коррупции. При изучении письменных источников или устных преданий ученые фиксируют термины, обозначающие вид коррупции, возникший в определенном историческом контексте и, как правило, имеющий разную моральную оценку. Несомненным преимуществом антропологии в изучении коррупции является ее междисциплинарность. Являясь наукой о человеке в целом, антропология доверяет знания отдельных наук в понимании природы человека, его инстинктов, целей, способностей.

К слабым сторонам при изучении природы коррупции следует отнести скрытый характер объекта исследования. Как правило, в ходе полевого исследования коррупцию удастся изучить, когда она является широко распространенной практикой. В тех обществах, где, помимо общественного порицания, реализуются карательные санкции, коррупционные практики будут тщательно скрываться, что позволит их изучить только после разоблачения правоохранительными органами.

При использовании данных других наук антропология коррупция сталкивается с таким явлением, как двойственная природа права, что не позволяет выработать единый категориальный аппарат в описании сложного феномена коррупции. Вместе с тем, именно этнологические методы способствовали формированию новых направлений в таких науках, как социология, биология, этология, криминология и др.

Резюмируя вышеизложенное, можно отметить, что использование антропологических подходов к изучению коррупции является наиболее перспективным направлением в понимании природы явления.

Заключение

В ходе обзорного исследования рассмотрение концепций о природе коррупции позволило определить принципы, модели коррупции. Благодаря междисциплинарному анализу удалось определить ее мотивы и опровергнуть тезис о существовании так называемых коррупционных наций.

В ходе исследования подтверждена позиция касательно того, что коррупция есть результат глубоко укоренившихся форм социального взаимодействия и личной психологической предрасположенности. Изучение природы коррупции позволило определить преимущества антропологической науки и трудности, с которыми она сталкивается при классификации видов коррупции, определении роли государства в коррупционных практиках.

Список литературы

1. Белик А.А. Культурная (социальная) антропология: Учебное пособие. М.: РГГУ, 2009. 621 с.
2. Гамзалов Д.А. История возникновения и развития концепции бело воротничковой преступности // Вестник Московского университета МВД России. 2009. № 9. С. 100-104.
3. Гевелинг Л.В. Клептократия. Социально-политическое измерение коррупции и негативной экономики. Борьба африканского государства с деструктивными формами организации власти. М., 2001. 590 с.
4. Кейзерова Ю.В., Стеклов В.А. Коррупция в контексте глобализации // Молодой учёный. 2017. № 15 (149). С. 525-528.
5. Кузовков Ю.В. Мировая история коррупции. в 2 томах. М.: Изд. Анима-Пресс, 2010. Т. 1. 137 с.
6. Латфуллин Г.Р. Управленческая антропология // Вестник университета (Государственный университет управления). 2015. № 6. С. 232-236.
7. Леденева А.В. Неформальная сфера и блат: гражданское общество или (пост)советская корпоративность? // Pro et Contra. 1997. Т. 2. № 4. С. 113–124.

8. Борьба с ветряными мельницами? Социально-антропологический подход к исследованию коррупции / Олимпиева И. Б., Паченков О.В. (сост. и отв. ред.). СПб.: Алетейя, 2007. С. 121-132.
9. Решетников М.В. Психология коррупции: утопия и антиутопия. СПб.: Восточно-Европейский Институт Психоанализа, 2008. 101 с.
10. Толстой Л. Н. Собрание сочинений в 22 томах. М.: Художественная литература, 1985. Т. 22. 556 с.
11. Фет А.И. Заблуждения капитализма или пагубная самонадеянность профессора Хайека. URL: <https://info.wikireading.ru/285354>
12. Фромм Э. Революция надежды. Избавление от иллюзий / Перевод с англ. М.: Айрис-пресс, 2005. 352 с.
13. Тишков В.А., Шабаетов Ю.П. Этнополитология: политические функции этничности. М.: Издательство Московского университета, 2011. 376 с.
14. Boyd, R., and P. Richerson. Culture and the Evolutionary Process. Chicago: The University of Chicago Press. 1985. 456 p.
15. Corruption: Anthropological perspectives. Anthropology, Culture and Society / Haller, D. and Shore, C. (eds.). London: Pluto Press. 2005. 262 p.
16. Қазақ халқының салт-дәстүрлері. [Обычаи и традиции казахского народа]. URL: http://www.bilu.kz/poslovicy_pogovorky.php

References

1. Belik A.A. *Kul'turnaya (sotsial'naya) antropologiya* [Cultural (Social) Anthropology]. Textbook. Moscow: RGGU, 2009. 621 p.
2. Gamzalov D.A. Istoriya voznikoveniya i razvitiya kontseptsii belovotrochnikovoy prestupnosti [The history of the emergence and development of the concept of white-collar crime]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii* [Bulletin of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia]. 2009. Vol. 9. pp. 100-104.
3. Geveling L.V. *Kleptokratiya. Sotsial'no-politicheskoe izmerenie korruptsii i negativnoy ekonomiki. Bor'ba afrikanskogo gosudarstva s destruktivnymi formami organizatsiy vlasti* [Kleptocracy. The socio-political dimension of corruption and the negative economy. The struggle of the African state with destructive forms of power organization]. Moscow, 2001. 590 p.

4. Keyzerova Iu.V., Steklov V.A. Korruptsiya v kontekste globalizatsii [Corruption in the context of globalization]. *Molodoy ucheniy* [Young scientist]. 2017. Vol. 15 (149). pp. 525-528.
5. Kuzovkov Iu.V. *Mirovaya istoriya korruptsii* [World history of corruption] in two volumes. Moscow: Anima-Press, 2010. Vol. 1. 137 p.
6. Latfullin G.R. Upravlencheskaya antropologiya [Administrative anthropology]. *Vestnik universiteta* [University Bulletin]. 2015. Vol. 6. pp. 232-236.
7. Ledeneva A.V. Neformal'naya sfera i blat: grazhdanskoe obshchestvo ili (post)sovetskaya korporativnost'? [The informal sphere and blat: civil society or (post) Soviet corporatism?]. *Pro et Contra*. 1997. Vol. 2.4. pp. 113–124.
8. Olimpieva I. B., Pachenkov O.V. (ed.). *Bor'ba s vetryanymi mel'nitsami? Sotsial'no-antropologicheskii podkhod k issledovaniyu korruptsii* [Fighting windmills? Socio-anthropological approach to the study of corruption]. St. Petersburg: Aleteya. 2007. pp. 121-132.
9. Reshetnikov M.V. *Psikhologiya korruptsii: utopiya i antiutopiya*. SPb. *Vostochno-Evropeiskiy Institut Psikhoanaliza* [The Psychology of Corruption: Utopia and Anti-Utopia]. 2008. 101 p.
10. Tolstoy L. N. *Sobranie sochineniy* [Collected works] in 22 volumes. Moscow: Khudozhestvennaia literature. 1985. Vol. 22. 556 p.
11. Fet A.I. *Zabluzhdeniya kapitalizma ili pagubnaya samonadeyannost' professora Hayeka* [The fallacies of capitalism or the pernicious arrogance of Professor Hayek]. <https://info.wikireading.ru/285354>
12. Fromm E. *Revolutsiya nadezhdy. Izbavlenie ot illyuziy* [The revolution of hope. Getting rid of illusions]. Moscow: Airis-press, 2005. 352 p.
13. Tishkov V.A., Shabaev Iu.P. *Etnopolitologiya: politicheskie funktsii etnichnosti* [Ethnopolitology: political functions of ethnicity]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 2011. 376 p.
14. Boyd, R., and P. Richerson. *Culture and the Evolutionary Process*. Chicago: The University of Chicago Press. 1985. 456 p.
15. Haller, D. and Shore, C. (eds.) *Corruption: Anthropological perspectives*. Anthropology, Culture and Society. London: Pluto Press. 2005. 262 p.
16. *Қазақ халқының салт-дәстүрлері* [Customs and traditions of the Kazakh people]. http://www.bilu.kz/poslovicy_pogovorky.php

ДАНИЕ ОБ АВТОРЕ

Шиян Ольга Владимировна, аспирант

Институт этнологии и антропологии Российской академии наук

Ленинский проспект, 32А, г. Москва, 119334, Российская Федерация

olga.shcijan@gmail.com

DATA ABOUT THE AUTHOR

Shiyan Ol'ga Vladimirovna, graduate student

Institute of Ethnology and Anthropology of Russian Academy of Science

32A, Leninsky Av., Moscow, 119334, Russian Federation

olga.shcijan@gmail.com

DOI: 10.12731/2077-1770-2019-3-102-128

УДК 94 (32)

НАДПИСЬ НА СТЕЛЕ ФАРАОНА ТАХАРКИ (КАВА V)

Панов М.В.

Цель. Иероглифическая надпись на одной из стел (Кава V) фараона Тахарки сообщает о ряде природных явлений и чудесах, происшедших на шестой год его правления (685/4 г. до н. э.). Главные из них – необычайно высокий уровень разлива Нила, подтверждающийся историческими записями в Карнаке, и дождь в Нубии – способствовали высокому урожаю и росту благосостояния в стране. Целью работы является презентация полного текста данной стелы в современном переводе с критическим разбором основных тем, обсуждаемых в зарубежной историографии.

Методология. Источниковедческая часть исследования основана на работе с текстом оригинала по фотографии стелы, хранящейся в Копенгагене.

Результаты. Предложен первый перевод надписи на русский язык, учитывающий разночтения по другим версиям текста. В комментарии вынесены исправления к ранним копиям текста и его переводам на иностранные языки. Подняты ключевые дискуссионные вопросы: какие явления следует относить к упомянутым четырем чудесам, как удалось изменить порядок наследования и провести коронацию Тахарки в Мемфисе. Сообщение о том, что Тахарка снискал расположение в разных кругах, предложено рассматривать как указание на реальные обстоятельства, при которых он пришел к власти.

Область применения результатов. Статья адресована специалистам по политической истории и источниковедению древнего мира.

Ключевые слова: Древний Египет и Нубия; сообщение о четырех чудесах, уровни разлива Нила; коронация в Мемфисе, Евсевий.

INSCRIPTION ON THE STELA OF THE PHARAOH TAHARQO (KAWA V)

Panov M.V.

Purpose. *This article deals with the hieroglyphic inscription on the pharaoh Taharqo's stela (Kawa V) recounting natural phenomena and wonders that happened in his sixth regnal year (685/4 BCE). The central events are a remarkably high inundation of the Nile that was attested by the historical evidence on the Karnak quay, and the rainfall in Nubia. A rich harvest and great prosperity of the country were derived from those events. The paper aims to present the text of the stela in Russian and review the previous discussions of the record.*

Methodology. *The inscription collated with the photo of the stela kept in Copenhagen.*

Results. *The first Russian translation based on all existing versions of the text is provided. Commentary includes a number of improvements for the earlier copies and its translation. Discussion of the key problems is emphasized: the phenomena considered by the earlier researchers as wonders, the dynastic features, and the circumstances of Taharqo's coronation in Memphis.*

Scope of application of the results. *The article is intended for professionals in political history and source studies of the ancient world.*

Keywords: *Ancient Egypt and Nubia; story of four wonders; Nile flood levels; coronation in Memphis; Eusebius.*

Введение

Рассказ о событиях шестого года правления¹ Тахарки, фараона из 25-й (кушитской или эфиопской) династии, стал известен по первым фрагментам в конце XIX в.: в древности текст зафиксировали в нескольких копиях.

Надпись начинается с восхваления благочестивого фараона, далее сообщается о необычайном разливе Нила, дожде в Нубии

¹Соответствует 685/4 г. до н. э.

и богатом урожае, от лица правителя повествуется о его юности и приезде в Египет, коронации в Мемфисе после смерти брата и встрече с матерью.

Данный памятник древней письменности, получивший несомненную определенную литературную обработку исторических событий, практически неизвестен русскоязычному читателю. Из всех многочисленных надписей 26-летнего правления Тахарки на русский язык была переведена только одна, со стелы Кава IV, см. [3, с. 184–186], тоже относящаяся к шестому году. Она более ранняя, но у них есть общие темы, связанные с прошлым фараона. В настоящее исследование вошли: критическое освещение ключевых дискуссий и истории переводов на французский, английский и немецкий языки, первый перевод всей надписи на русский язык¹ и комментарий к спорным местам. Перевод надписи сопровождается приведением разночтений по другим спискам.

Источники и история изучения

В настоящее время известны четыре памятника с иероглифическими надписями, которые взаимно дополняют друг друга:

– стела из Кавы (Новая глиптотека Карлсберга, JE.I.N. 1712)², см. [33, p. 187; 18, p. 425–427; 28, pl. 9–10 (повторы pl. 10: 15, p. 236; 29, fig. 2); 20, 2009, S. 135–138];

– стела из Коптоса (Каирский музей JE 48400)³, см. [32, p. 130; 37, pl. I, III, IV; 20, S. 61–63];

¹И.С. Кацнельсон процитировал строки 13–15 [2, с. 46].

²Найдена во время археологических работ 1930–1931 гг., проводимых в Судане экспедицией Оксфордского университета под руководством Ф.Лл. Гриффиса во дворе храма Амона в Каве³. Размеры: высота 2.02 м, ширина 1.22 м. Вскоре плиту транспортировали в Оксфорд, а затем в Новую глиптотеку Карлсберга в Копенгагене, где ее отреставрировали. В настоящее время находится в хранилище музея, а в экспозиции выставлена реплика. После публикации М. Макадама в 1949 г. за плитой закрепилось обозначение «Kawa V».

³Плита из серого гранита, размеры: высота 1.08 м, ширина ок. 57 см. Обнаружена в 1923 г. Г. Райзнером в частном доме.

– стела из Асфун эль-Матаны (Каирский музей, JE 38269)¹, см. [32, p. 165; 20, S. 121–123];

– стела из Таниса (Каирский музей, JE 37488)², см. [31, p. 20; 24; 20, S. 54–55].

История изучения надписи о необычайном разливе Нила до публикации стел из Кава и Таниса начинается с исследования русского египтолога В. Викентьева [37] на французском языке. Он сделал синоптическую таблицу из текстов двух доступных ему стел, сопроводив переводом, подробным комментарием, словарем, фотографиями и прорисовками. Появление новых копий снизило актуальность данной книги.

М. Макадам свел четыре версии рассказа в синоптическую таблицу [28, p. 24–26]. Текст на стеле Кава V был принят за основу, поскольку это единственный источник, где история сохранилась (с небольшими повреждениями) от начала до конца.

Сообщение о четырех чудесах сделано только на этой стеле. Синоптическую таблицу можно уточнить при сверке с оригиналами (получить фотографии из Каирского музея крайне затруднительно) и за счет добавления еще одного фрагмента Танисской стелы [25].

После комментированных переводов на английский язык Ф.Лл. Гриффиса (в статье сделаны ссылки на обсуждение с Э.Х. Гардинером) и М. Макадама [18, p. 427–430; 28, p. 27–32] предметом всех исследований стал текст на стеле Кава V.

В статье-рецензии на публикацию М. Макадама французские египтологи Ж. Леклан и Ж. Йойот [26, p. 16–19, 22–24] внесли ряд предложений и поправок. В 1951 г. другую рецензию на издание М. Макадама подготовил Ж. Клер. К рассматриваемой стеле у последнего автора немного уточнений [11, p. 175, 177].

¹Плита из розового гранита, размеры: высота 88 см, ширина ок. 53 см. Найдена в 1905 г. в Асфун эль-Матане, севернее Эсны.

²Найдена в 1877 г. экспедицией О. Мариетта, Ф. Питри и П. Монте. Плита из гранита, размеры: высота 1.52 м, ширина от 62 до 90 см; состоит из двух фрагментов.

Комментарий и обсуждение историко-политической обстановки включены в монографию К.А. Китчена, вышедшую во втором издании в 1986 г. [22, р. 387–389]. Транслитерация, перевод на английский язык и комментарий Р.Х. Пирса вошли в четырехтомник коллектива авторов о письменных источниках из Нубии (перевод во многом повторяет Ф.Лл. Гриффиса, в транслитерации встречаются ошибки) [12, р. 145–158].

Заметка 1992 г. А.К. Виноградова [38] на английском языке об интерпретации слова, обозначающего вредителей урожая, принесла мало нового (см. комментарий): для стелы Кава V цитируется перевод К.А. Китчена, для привлеченных к сопоставлению двух новоегипетских папирусов – Р.А. Каминоса. Позднее автор продублировал ее на русском языке¹.

В 1997 г. вышла книга Л. Терека о Мероэ [36], одного из авторов вышеупомянутого издания, с переводом, практически идентичным Р.Х. Пирсу. Обращаю внимание, что далее, в книге Дж. Поупа о правлении Тахарки цитируется перевод “Пирса–Терека” [30, р. 23, 133–134 (во втором случае отрывок дан без ссылки, но совпадает слово в слово)]. Первый перевод на немецкий язык принадлежит У. Каплони-Хекель, предварен подробным введением и дополнен примечаниями [21]. В 2009 г. независимо друг от друга вышли три работы: свод надписей 25-й династии К. Янсен-Винкельна, в который вошли все четыре стелы (см. выше), и два комментированных перевода на английский язык: Р. Гоццоли [15] и Р.К. Ритнера [35]. Последний упомянутый автор единственный, кроме Ф.Лл. Гриффиса, кто перевел подписи к изображениям на сцене, чтение предваряется транслитерацией.

В 2012 г. в статье Й.-Ф. Квак о природных катастрофах [34, S. 366–368] приложен перевод на немецкий язык большого отрывка с крайне спорной интерпретацией, что природные явления происходили не в шестом году, а в течение шести лет (см. далее).

¹Если в англоязычной версии автор пользовался общепринятыми в зарубежной историографии переводами, то во второй статье и они были переведены с английского языка [1]. К русской историографии не отношу и далее на нее ссылок не делаю.

В 2017 г. появилась подборка переводов пяти стел Тахарки К.А. Китчена: без введений, комментариев и библиографии, о Кава V см. [23, р. 20–21].

В 2019 г. к памятникам Тахарки обратился Ю. Пердрьо: статья включает перевод двух стел на французский язык (Кава IV и V), обсуждается вопрос о времени создания обеих надписей, как помеченных прошедшей датой и сочиненных ближе к десятому году правления, что спорно, рассматривается последовательность событий 684 г. до н.э. (разлив Нила, приезд матери, начало строительства храма), см. [29].

Следует указать на следующую особенность в истории изучения. Статья Ж. Леклана и Ж. Йойота выпала из поля зрения ряда исследователей: формально ее упоминают переводчики на английский язык, но основные решения игнорируют. Далее, У. Каплони-Хекель не учла статью Ж. Леклана и Ж. Йойота, а Р. Гоццоли и Р.К. Ритнер, в свою очередь, не заметили выхода в свет перевода У. Каплони-Хекель. В появившейся в конце 2019 г. работе Ю. Пердрьо не упомянуто половина указанной здесь историографии. В результате каждый последовавший перевод не был исчерпывающе актуальным. Принцип «последний – лучший» здесь не работает, нужно возвращаться к предшественникам, чтобы понять происхождение ошибки или причину, по которой она продолжает возобновляться, при наличии здравого решения. Это замечание относится и к переводам 2017 г. К.А. Китчена: с рецензией Ж. Клера, непосредственно касающейся всех переведенных им памятников, он не знаком. При всем этом наиболее доступной для широкой аудитории остается статья Р. Гоццоли из-за свободного доступа к этой публикации.

Памятники времени правления фараона Тахарки обсуждаются и цитируются во многих других зарубежных, не упомянутых здесь, работах.

Обсуждение

Сообщение о четырех чудесах

Главным сообщением, ставшим темой многолетней научной дискуссии, считается фраза о четырех удивительных событиях,

случившихся в его правление в течение одного года, которая не продублирована на других стелах.

М. Макадам [28, р. 18–19] считал этими чудесами разлив реки, дождь в Нубии, коронацию Тахарки и визит его матери в Мемфис: с этим мнением можно согласиться. Основываясь на упоминании в тексте о том, что Тахарка с двадцатилетнего возраста находился рядом с предыдущим фараоном, который назван его братом, и восхождением Тахарки на трон после его смерти, М. Макадам сделал вывод о периоде соправления. Следовательно, шестой год становится последним годом совместного правления и началом единовластного. Этим как бы доказывается уместность упоминания на памятнике шестого года факта коронации. В надписи на стеле Кава IV, 13 в тех же словах говорится о первом годе восхождения Тахарки на престол.

Идея М. Макадама о соправлении получила резкую критику Ж. Леклана и Ж. Йойота [26, р. 24], позже их мнение поддержал К.А. Китчен [22, р. 387–389] и другие египтологи. Гипотеза о соправлении двух фараонов кушитской династии не нашла подтверждения в документах. Последние обсуждения вопроса о генеалогическом дереве представителей 25-й династии внесли поправки в последовательность перехода власти, которой историки придерживались ранее. Согласно схеме Дж. Броекмэна [10, S. 18–20], Пианхи, сын кушитского правителя Кашты, имел двух сыновей: Шебитко от своей сестры Пексачер, и Тахарку, рожденного его второй супругой Абар, племянницей Алары, предшественника Кашты. После смерти Пианхи трон занял Шебитко, имеющий право стать правителем в соответствии с традицией передачи власти наследникам трона по материнской линии. Шебитко сменил его сын Шабака, правление которого длилось около пятнадцати лет. Именно в этот момент Тахарка нарушил очередность престолонаследия по родословной Кашты (в надписи содержится четкое указание, что к власти он пришел сразу, как только «сокол улетел на небо», а «соколом» был его правящий родственник), и сын Шабаки Танутамон пришел к власти лишь после смерти Тахарки. Для подтверждения существо-

вания двух династических линий (Кашты и Алары) Дж. Броекмэн сослался на использование двух разных некрополей: эль-Курра, где похоронены предшественники Тахарки, и Нури с захоронением самого Тахарки и его наследников.

Относительно четырех чудес Ж. Леклан и Ж. Йойот [26, p. 23] считали, что речь идет о благоденствиях, посланных Амоном после наводнения, а именно, наличии плодородной земли, уничтожении вредителей, отпугивании саранчи, отсутствии разрушительного ветра, что стало залогом богатого урожая. Хотя подобный подход фокусируется на следствиях и не учитывает значение таких событий, как разлив Нила, дождь в Нубии и приезд матери фараона, он получил распространение среди египтологов [15, p. 242, fn. 9]. О значимости встречи матери Тахарки со своим сыном, которую древний автор сравнил со сценой из мифа об Исет и Хоре, см. об этом у М. Макадама [28, p. 32, n. 64] и Я. Ассманна [8, p. 362].

Р. Гоццоли [15, 242–248] развил эту тему, опираясь на интерпретацию М. Макадама, заменив значение «чудеса» на «предзнаменования» («four omens»). В сообщениях на других стелах Тахарки, рассказывающих о «союзе» Алары, правителя Куша и основателя 25-й династии, с Амоном, он усмотрел доказательства божественного знамения и, как следствие, легитимности перехода власти к Тахарке, следуя легенде, рассказанной Тахаркой на стелах Кава IV (Khartoum 2678), 16–20 [20, S. 134; 3, с. 184–186] и Кава VI (Khartoum 2679), 22–25 [20, S. 140–141]. Цитирую легенду по Кава VI (не публиковалась на русском языке): *«Амон-Ра... спешащий и приходящий к тому, кто зовет его, благодаря чуду, сделанному им для него (о Тахарке) в теле его матери, когда она еще не родила. Вверена ему (т. е. Амону-Ра) мать его матери ее старшим братом, сыном Ра Аларом, [правогласным], сказавшим: “О благодетельный бог, спешащий и приходящий к тому, кто его зовет, присмотри для меня за моей сестрой, рожденной вместе со мной в одной утробе! Твори для нее, как творишь для того, кто творит для тебя благодаря чуду, о котором не думали и не мечтали другие. Отврати от меня замысляющего зло, так как ты поставил меня властителем!*

Действуй для моей сестры точно так же! Возведи (на престол) ее детей в этой стране! Сделай так, чтобы он достиг благополучия и коронации властителем, как сделал ты для меня”». В последнем предложении речь должна идти о Тахарке, который сочинил эту легенду и зафиксировал на камне для подтверждения своего права. Далее по тексту бог внял просьбе Алары и «*поставил властителем сына (т. е. внука) его <сестры> (в тексте ошибочно «брата»), сына Ра Тахарку, да живет он вечно*».

Исходя из приведенного рассказа, Алар должен был посвятить свою сестру, бабушку Тахарки по матери, в жрицы Амона-Ра с передачей звания правителя страны по женской линии. Присутствие на коронации Тахарки его матери Абар, жрицы Амона, Р. Гоццоли предложил рассматривать как форму проявления «божественного предзнаменования». Еще одним фактом в защиту своего толкования он считал особенность изображений на стеле, непосредственно связанную с содержанием надписи: на стеле из Кавы в сцене показан Амон, на стеле из Коптоса – Мин¹, на стеле из Асфун эль-Матана – Хемен, при этом на двух последних отсутствует упоминание о четырех чудесах (сцена у стелы из Таниса не сохранилась). Причислять приезд матери к исполнению «предзнаменований» сложно, это постановочное чудо, которое для повышения значимости сравнили с сюжетом мифологической истории. Что касается разных богов, то они были показаны на сценах этих стел исходя из культовых предпочтений в каждой местности, связь между выбором Амона для изображения в его городе Гематоне и наличием определенной фразы в тексте неочевидна. Обычную работу писцов и резчиков по камню, добавлявших и удалявших отрывки по своему усмотрению, чтобы разместить надпись на поверхности определенного размера, не следует расценивать как продуманные идеологические вставки. Версия текста на стеле Кава V сокращена за счет титулов Тахарки (см. в начале перевода), что принизило авторитет правителя, дополнительная строка со столь притягательным для исследователей числом «четыре» не более чем особенность, возможно, отрывок с этой темой не был приведен полностью.

¹В действительности там показана местная триада: Мин, Хор и Исет.

Р.К. Ритнер отметил, что не следует исключать из числа чудес разлив Нила, как это следует из интерпретации Ж. Леклана – Ж. Йойота и К.А. Китчена, и перечислил следующие чудеса [35, р. 545, п. 5]: (1) невиданный прежде разлив; (2) избавление от грызунов, змей и саранчи; (3) перемена направления южного ветра; (4) богатый урожай.

Разлив Нила

Главное и бесспорное чудо, которого древние египтяне ждали каждый год и о котором просили богов, боясь голода, это разлив Нила. Дождь в Нубии тоже должен был оставаться в памяти как редкое явление, повлекшее за собой благоденствие. Все остальное в описании природных явлений вторично и стало следствием, даже урожай уже неотделим от разлива. Высота уровня Нила в гавани Фив, которая названа невиданной ранее, подтверждается фактическими записями, которые вели в Карнаке. 35-я отметка относится к шестому году правления Тахарки и максимальна среди 45 значений, см. [27, S. 116]. Считалось, что разлив приводят боги за постоянные жертвоприношения в их адрес. Эта идея проходит рефреном через всю египетскую историю. Поэтому и о Тахарке сказано, что он обращался с мольбами к Амону о приходе Хапи каждый год. Благочестие правителя и его общение со «своим отцом» обусловили процветание страны.

Методика исследования

Настоящий перевод следует музейной фотографии стелы Кава V, но ограничиться ей и отказаться от копии иероглифической надписи в первом издании оказалось невозможно: Ф.Лл. Гриффис успел зафиксировать некоторые иероглифы, которые впоследствии были утрачены. В связи с этим большая часть восстановлений здесь и в других публикациях опирается на его копию. Разночтения в основной надписи, которые встречаются в других редакциях текста, приведены в примечаниях, подписи возле изображений на сценах двух других стел иные.

Результаты

Перевод

Сцена. Вверху парит крылатый солнечный диск с двумя *уреями*, надпись:

«(Хор) Бехдетский, великий бог, владыка неба».

Второй регистр разделен на две части двумя зеркально расположенными столбцами, речь Амона-Ра, надпись:

«Произнесение слов: “Я дал тебе жизнь и благополучие все, здоровье все, радость всю вечно, как Ра”».

Левая половина. Справа стоит Амон-Ра с головой барана и *уреем* на ней, он держит жезл-*уас* и знак жизнь-*анх*. Перед ним стоит Тахарка, в диадеме с *уреем*, подносящий хлеб. За ним стоит его мать в головном уборе с *уреем* и высокими перьями, в руках она держит сistr. Закрывает сцену жезл-*уас*, надписи:

«Амон-Ра Гематона, прекрасный бог, владыка обеих земель».

«Хунефертефра, родной сын Ра Тахарка, кому дана вся жизнь вечно, как Ра».

«Подношение белого хлеба отцу Амону, чтобы дана была ему [жизнь]».

«Мать властителя Абар. Игра на сестре для ее отца, чтобы была дана ей жизнь».

Правая половина. Слева стоит Амон-Ра в короне-*шутти*, он держит жезл-*уас* и знак жизнь-*анх*. Перед ним стоит Тахарка, в диадеме с *уреем*, подносящий два сосуда с вином. За ним стоит его мать в головном уборе с *уреем* и высокими перьями, в руках она держит сistr. Закрывает сцену жезл-*уас*, надписи:

«Амон-Ра, владыка престолов обеих земель, владыка неба».

«Прекрасный бог, владыка обеих земель Хунефертефра, родной сын Ра Тахарка, кому дана вся жизнь вечно, как Ра».

«Подношение вина отцу Амону, чтобы дана была ему жизнь».

«Мать властителя Абар. Игра на сестре для ее отца, чтобы была дана ей жизнь».

Основная надпись. Датировка

«(1) Год 6-й (правления) особы Хора – высокий коронами;
(чье имя) обеих владычиц – высокий коронами;

(чье имя) Хора в золоте – защищающий обе земли; властитель Верхнего и Нижнего Египта Хунефертефра¹, сын Ра Тах[арка], да живет он вечно, любимый Маат², кому Амон дал *маат*[т], да живет он вечно.

Славословие фараону

Его особа³ любила бога, (2) поэтому когда проводил день и спал ночью, он искал полезное для богов, отстраивая [их] храмы, [пришедшие в] упадок, высекая их статуи как в древнейшие времена, отстраивая их хранилища, насыщая (дарами) (3) их алтари, преподнося им жертвоприношения из всевозможных вещей, изготавливая их жертвенники из белого золота, [серебра и меди]. Было довольно его сердце тем, что полезное творилось для них [каждый день]. Земля изобиловала (4) в его правление, как была она во времена владыки вселенной. Каждый человек мог спать до рассвета, [не говоря: “Вот бы мне] чего-либо!” Правда распространилась [по странам], а зло было вдавнено [в] землю.

О чудесах

(5) Произошли достойные удивления вещи в период его правления, на 6-й год (от) его коронации. Не видели подобного со времен предшественников, так как его любил (его) отец Амон-Ра. Он

¹После первого имени до слов «сын Ра» на стелах Каирского музея JE 48400 и JE 38269 приведен длинный ряд эпитетов: «прекрасный бог, сын Амона; светлое подобие Атума, чистое семя, вышедшее из него; находящийся южнее своей стены (т. е. Птах) сотворил его красоту; рожденный Мут, владычицей неба; единственный божественный, произошедший из тела бога; властитель Нижнего Египта, не появился равный ему; *девятка* (богов) объединилась воспитать [его, вскормить его, дать ему дыхание]; захвативший страны, обуздавший (народы) *девяти луков*, властитель Верхнего и Нижнего Египта, Хор, могучий дланью, владыка обеих земель, владыка творения вещей (т. е. ритуалов и жертвоприношений)».

²Иначе на стеле Каирского музея JE 48400: «любимый [Мином Гебту]», на стеле JE 38269: «любимый Хеменом Хефа[т]а», а фраза о том, что Амон вручил ему *маат*, есть только на стеле Кава V, но повторяется на другой стеле из храма Амона-Ра, построенного Тахаркой, см. Кава IV (= Khartoum 2678), 1–2.

³Речь идет о фараоне, в тексте в некоторых случаях заменено местоимением 3 л. ед. ч., см. комментарий ниже.

просил о (6) (приходе) Хапи у своего отца Амона-Ра, владыки престолов обеих земель, не допуская случиться нужде в период своего правления. И ведь стоило только слететь чему-либо с его уст, как его отец Амон велел произойти этому тотчас.

Разлив Нила и дождь

Настало время для разлива (7) Хапи, он поднимался на много каждый день. Он провел много дней, поднимаясь на один локоть в каждый день. Он проник в горы Верхнего Египта, он затопил холмы Нижнего Египта. Оказалась земля погруженной в водную первостихию, в оцепенение. Нельзя было отличить (8) новые земли¹ от реки. Он разлился высотой в 21 локоть, 1 ладонь и 2 ½ пальца в гавани Уасет. Он (т. е. Тахарка) велел принести летописи предков, чтобы посмотреть (на записи об уровнях) Хапи, бывшем в их времена. Но не нашли там ничего подобного.

(9) Когда небо пролилось на Тасети, оно придало блеск всем горам. Каждый человек из Тасети оказался богат всевозможными вещами, (жители) <Кем>ета оказались на прекрасном празднике, они прославляли бога ради его особы². Его сердце было счастливо выше всякой меры, из-за сделанного [для него его отцом] (10) Амоном, повелев творить жертвоприношения всем богам. Его сердце ликовало из-за сделанного [для него его] отцом³.

Речь Тахарки

И тогда он сказал: “Мой отец Амон-Ра, владыка престолов обеих земель, сделал для меня четыре прекрасных чуда за один год, в шестой год (после) моей коронации властителем. [Не видели] (11) подобного во времена предшественников. Пришел Хапи с диким напором, он затопил эту землю целиком. Не встретить по-

¹Те земли, которые проступали из воды после разлива, считались новыми.

²На стелах JE 48400 и JE 38269 употреблено слово nsw «властитель».

³На стелах JE 48400 и JE 38269 этот текст продолжается словами: «(его отцом) Амоном: он наделил его жизнью, постоянством, благополучием, сиянием на троне Хора вечно, как Ра, сиянием (т. е. коронацией) властителем Верхнего и Нижнего Египта».

добного этому в записях предков. (Никто) не может сказать: “Я слышал (о таком) от своего отца”. Он дал (12) мне прекрасную возделываемую территорию на всей протяженности, он уничтожил вредителей и змей, находящихся на ней, он отвратил ее похищение саранчой, он не позволил южным ветрам выдуть (букв. *обобрать*) ее. (13) Я собрал такой урожай в оба амбара, чье количество неизвестно, в виде верхне- и нижнеегипетского ячменя и иных зерновых, растущих на земле. Так вот, я пришел из Тасети среди братьев [властителя], взятых его обличием (т. е. *прежним фараоном*) (14) оттуда. Я был с ним, он любил меня больше всех (других) своих братьев, больше всех своих детей. Я выделялся из них благодаря нему. Повернулись ко мне сердца знати, любовь [ко мне] была у каждого человека: (15) я принял корону в Инбухедже после того, как сокол [удалился] на небо. [Мой отец] Амон определил [мне] следующее: поместить каждую землю и каждую чужую страну под мои сандалии: на юге до Ретехкабет, на севере до (16) Кебеххора, на востоке до (места, где) восходит Ра, на западе там, где он заходит”.

Приезд матери из Нубии в Мемфис

“[Тем временем моя мать была в] Тасети – сестра властителя, очень любимая, мать властителя Аба[р], живущая. (17) Я разлучился с ней будучи юношей двадцати лет, когда я отправился с его особой (т. е. *с прежним фараоном*) в Нижний Египет. И вот она отправилась, плывя на север, чтобы увидеть меня спустя (18) столько лет. Она нашла меня сияющим на троне Хора: я принял¹ короны Ра, и два *урей* слились с моей головой, все боги (встали) на защиту моего тела”. [Она очень] сильно обрадовалась, (19) после того как увидела его [красоту] (т. е. *Тахарку*), как увидела Исет своего сына Хора, сияющего на месте его отца Усира, после того как был он [юношей в гнезде в Ахбит].

¹В тексте нет формального грамматического различия между действиями «она нашла» и «я принял», поэтому их можно интерпретировать как одновременные. Возможно, упущение составителя надписи.

Славословие в адрес матери и сына

(20) Верхний и Нижний Египет, [каждая] чужая страна склонились до земли перед этой матерью властителя, они пребывали в великом празднике, их великие и малые люди ликовали из-за этой матери [властителя], (21) говоря: “(Вот) Исет, Хор принял ее как мать властителя, она соединилась со своим сыном, властителем Верхнего и Нижнего Египта Тахаркой, да живет он вечно, любимый богами. Ты будешь [живым] вечно, согласно повелению [твоего отца Амо]на, (22) благого бога, любящего того, кто любит его, знающего того, кто предан ему, позволившего благополучно [соединиться с твоей] матерью. Она видит добро, сделанное им для тебя. Могучий властитель, живущий и здравствующий, как жив Хор для своей матери Исет, ты будешь сиять на троне [Хора] вечно!”»

Комментарий

Строка 1 и далее. О значении словосочетания *hm=f* «его персона, особа» (упоминание правителя и бога в третьем лице) см. [4, 490–491].

Строка 4. В тексте: «[не говоря: “Вот бы мне] чего-либо!”». Знаки на камне полустерты, при этом глагол *dd* не видел даже Ф.Лл. Гриффис, фраза показана полностью без штриховки в издании М. Макадама.

Й.-Ф. Квак [34, S. 367, fn. 217] определил *r=s* предлогом с местимением («об этом, о чем-то неопределенном»), выступив против мнения М. Макадама [28, p. 28, n. 11], что в тексте употреблено наречие *r(3)-s(j)* «вовсе». В дополнение к аргументации Й.-Ф. Квака см. пример в [19, S. 61.1], хотя оба варианта допустимы, поскольку *r³-sj* употреблялось и после отрицаний в конце фраз, см. [14, § 205.1].

Строки 5 и 10. В тексте: *m rnpt 6 nt h^c=f* «на 6-й год (от) его коронации». На основании отсутствия знака *sp* после слова *rnpt* «год», означающего исчисленный год правления, Й.-Ф. Квак предложил читать вместо шестого года «шесть лет» [34, S. 367, fn. 218: «in den sechs Jahren»]. Подобное значение он продублировал и в строке 10: «*Mein Vater Amun-Re machte für mich diese vier Wunderzeichen in den*

sechs Jahren meines Erscheinens als König». Грамматически такое возможно, если при этом пропустить (что и сделал автор) уточняющую фразу *m-xnw rnpt wot* «за один год». См. текст: *jr n=j jt=j jmn-r^c... bj3t n jfdt nfrt m-hnw rnpt w^ct m rnpt b nt h^c=j m nsw* «Мой отец Амон-Ра... сделал для меня четыре прекрасных чуда за один год, в шестой год (после) моей коронации властителем».

Ошибка пропуска знака *sr* встречается в надписях разного времени; обозначу две границы: верхняя относится к правлению Камоса (ошибка может встречаться и раньше), см. дощечку Карнарвона I (Caire JE 41790), 1rt [7, 306, прим. 337], нижняя – к правлению Диоклетиана, см. стелу Caire JE 31901, 1, 4, 5 [17].

Строка 9. В тексте: = **sic!** . В оригинале вместо знака в слове *kmt* «Кемет» (т. е. Египет) выписан знак , во всех изданиях знак употреблен ошибочно. Исправление не влияет на перевод, но имеет значение как эпиграфическая особенность.

Строка 10. В тексте: =   *bj3t n jfdt nfrt* «четыре прекрасных чуда». Начиная с перевода Ф.Лл. Гриффиса (который по всему тексту консультировался с Э.Х. Гардинером) в этом месте после почти все переводчики усматривали указа-

тельное местоимение , переводя всю фразу как «эти («these», «diese») четыре прекрасных чуда / предзнаменования»: [18, p. 428; 28, p. 27; 12, p. 152; 21, S. 591; 15, p. 237; 35, p. 542, 544; 23, p. 20; 29, p. 284]. Если для 1938 г. у Ф.Лл. Гриффиса подобный недочет был допустим, то в XXI в. это уже следует расценивать ошибкой, поскольку грамматически наличие указательного местоимения даже нельзя назвать спорным.

Существительное *bj3t* [ж. р.] могло сопровождаться указательным местоимением *tn*, но без последующего количественного чис-

лительного: ни одного примера подобной конструкции я не встречал (с любым существительным [м. р., ж. р.], сопровождаемым указательным местоимением в соответствующем роде). Числительные всегда (с одним исключением, см. далее) непосредственно сопровождали существительные в подобной конструкции, после них уже ставилось указательное местоимение, что отражено и в грамматике Э.Х. Гардинера [14, § 261: «*hrw 3 pn* “these three days”»], в египетском языке: «существительное–числительное–местоимение (букв. день, три, этот)». См. другие примеры: *spʾt 3 tn* «эти три области (букв. область, три, эта)» (надпись из гробницы Анхтифи в эль-Моалла V,β2 [перевод на русский язык: 7, с. 52]; *db^c 4 pn* «эти четыре пальца (букв. палец, четыре, этот)», см. папирус Brooklyn 47.218.84, 4,10 [перевод на русский язык: 5, с. 106].

Употребление указательного местоимения было бы неверным по контексту: высказывание «эти четыре прекрасных чуда» подразумевает, что все они уже должны быть названы. Если считать их по списку Р.К. Ритнера, то выходит, что все они перечислены после, а фраза стоит не на месте.

Обращаю внимание на то, что это место было правильно разобрано уже в 1949 г. Ж. Лекланом и Ж. Йойоттом [26, р. 16] со ссылкой на хорошо аргументированное примечание А.М. Блэкмена [9, р. 89, п. 43]. К его многочисленным примерам, близким по датировке к стеле Тахарки, можно добавить еще один времени Тутмоса III: *ʒbw n 120* «слоны 120» [19, S. 1233.16]. Позднее Э. Грефе посвятил статью этой грамматической форме с учетом примеров из надписи Тахарки [16, 184]. Речь идет о малоизвестной конструкции: существительное (*bjʒt*) + показатель родительного падежа (*n*) + числительное (*jfdt*); значит, знак \triangle служит фонетическим комплементом к существительному.

Единственное обоснование «правильности» указательного местоимения сделал Р. К. Ритнер [35, р. 545, п. 5]. По его мнению, чтение «эти» безусловно: «as the number is attributive (4.t)». Но это вновь противоречит принципу непреложного порядка слов (см. выше), лучшим доказательством рассуждения всегда является ссылка на примеры аналогичного употребления, которых нет.

(т. е. в Нубии) прекрасным юношей, братом властителя, очень любимым. И вот он отправился на север в Уасет среди (других) прекрасных юношей, за которыми послал в Тасети властитель Шебитко, правогласный, чтобы был он вместе с ним, так как он любил его больше всех (других) своих братьев». Эта надпись отличается тем, что не упоминаются дети Шебитко, но называется имя фараона, которому наследовал Тахарка. После упоминания о братьях нет ни слова о том, что Тахарка снискал расположение людей, т. е. история заканчивается. В связи с этим фраза на стеле Кава V более обоснованно может считаться прологом к объяснению перехода власти.

В сохранившихся у Иеронима на латинском языке редакциях «Хроники» Евсевия сообщается две версии событий: *Тахарка привел армию из Нубии, убил Шебитко и стал править Египтом; Тахарка стал править Египтом после того, как Шебитко был убит* [10, р. 18]. Информация косвенная и не может рассматриваться без критики, но тот факт, что приход к власти Тахарки был покрыт пеленой «божественного вмешательства», непреложен.

Заключение

Настоящая публикация надписи на стеле Кава V обуславливает необходимость представить новый перевод на русский язык надписи на стеле Кава IV и полный перевод процитированной выше надписи на стеле Кава VI. К этой группе тематически относится еще одна, более поздняя стела Кава VIII (Новая глиптотека Карлсберга А.Е.И.Н. 1708) [28, р. 15–16]: Анламон (вариант произношения: Анламани), правнук Тахарки, правивший в Куше в конце VII в. до н. э., сделал прямые заимствования из стел Кава V и VI. Из первой был взят отрывок с темой о матери, сравнение их встречи как Исет и Хора, из второй – о передаче наследования по женской линии с обращением к Амону-Ра. Были изменены имена, но ситуация с божественной легитимизацией правления Анламона обыгрывалась по уже известной схеме; стела известна на русском языке в неполном и отчасти устаревшем переводе [3, с. 190–191].

Список литературы

1. Виноградов А.К. К интерпретации сообщения Kawa V, стк. 12 // МЕРОЭ. 1999. Вып. 5. С. 72–82.
2. Кацнельсон И.С. Государственный строй Напаты и Мероэ (опыт характеристики) // Кацнельсон И.С. (ред.) Древний Египет и Древняя Африка. М., 1967. С. 38–73.
3. Панов М.В. Обзор переводов с египетского языка на русский (1882–2010) / Египетские Тексты. Т. I. Новосибирск: М.В. Панов, 2011. XXXIV+466 с.
4. Панов М.В. Источники по истории жреческих семей Мемфиса и Летополя в поздний период. Часть 1: Исследование и перевод. 2-е изд. / Египетские Тексты. Т. III. Новосибирск: М.В. Панов, 2017. 602 с.
5. Панов М.В. Легенды, мифы и гимны. Доклады / Египетские Тексты. Т. VIII. Новосибирск: М.В. Панов, 2018. 348 с., XCVI рис.
6. Панов М.В. Письма, наставления и документы эпохи Рамессидов / Египетские Тексты. Т. XI. Новосибирск: М.В. Панов, 2019. 317 с.
7. Панов М.В. Историко-биографические надписи классического периода / Египетские Тексты. Т. XIII. Новосибирск: М.В. Панов, 2019. 347 с.
8. Assmann J. The Mind of Egypt: History and Meaning in the Time of the Pharaohs. Translated by A. Jenkins. Harvard: University Press, 2003. 513 p.
9. Blackman A.M. The Stela of Shoshenk, Great Chief of the Meshwesh // Journal of Egyptian Archaeology. 1941. Vol. 27, P. 83–95. Pl. X–XII.
10. Broekman G.P.F. Genealogical considerations regarding the kings of the Twenty-Fifth Dynasty in Egypt // Göttinger Miszellen. 2017. Hft. 251. S. 13–20.
11. Clère J.J. Рецензия на M.F. Macadam. The Temples of Kawa. I. The Inscriptions. Londres, Geoffrey Cumberlege, Oxford University Press, 1949 // Bibliotheca Orientalis. 1951. T. VIII. P. 174–180.
12. Eide T., Hägg T., Pierce R.H., Török L. Fontes Historiae Nubiorum. Textual Sources for the History of the Middle Nile Region between the Eighth Century BC and the Sixth Century AD. Vol. I. Bergen: J. Grieg AS, 1994. 343 p.

13. Erman A., Grapow H. (Hrsg.) Wörterbuch der aegyptischen Sprache im Auftrage der Deutschen Akademien. Neudruck. Bd. I–V. Berlin: Akademie-Verlag, 1971.
14. Gardiner A.H. Egyptian Grammar. 3d ed. Oxford: Griffith Institute, 2001. XXXVI+646 p.
15. Gozzoli R.B. Kawa V and Taharqo's *BY3WT*: Some Aspects of Nubian Royal Ideology // Journal of Egyptian Archaeology. 2009. Vol. 95. P. 235–248.
16. Graefe E. Ein unerkannter Gebrauch des indirekten Genitivs in Zahlkonstruktionen // Görg M., Pusch E (Hrsg.) Festschrift Elmar Edel. Bamberg: M. Görg, 1979. S. 174–184.
17. Grenier J.-C. La stèle funéraire du dernier taureau Bouchis (Caire JE 31901 = Stèle Bucheum 20) // Bulletin de l'Institut français d'archéologie orientale. 1983. T. 83. P. 197–208.
18. Griffith F.Ll. A Stela of Tirhaqa from Kawa. Dongola province, Sudan // Mélanges Maspero I, 1935–1938. P. 423–430.
19. Helck W. Urkunden der 18. Dynastie. Hft. 17–22. Berlin: Akademie-Verlag, 1955–1958.
20. Jansen-Winkel K. Inschriften der Spätzeit. Teil III. Die 25. Dynastie. Wiesbaden: O. Harrassowitz, 2009. 619 S.
21. Kaplony-Heckel U. Hochwasser zur Zeit des Königs Taharqa, 685/4 v. Chr. // Texte aus der Umwelt des Alten Testaments. 2005. Bd. I. S. 589–595.
22. Kitchen K. A. The Third Intermediate Period in Egypt, 1100–650 B.C. 2rd ed. Warminster: Aris & Phillips, 1986. 608 p.
23. Kitchen K.A. The Kawa stelae of Taharqa (years 2–10, 689–680 BCE) // Younger Jr. K. L. (ed.) The Context of Scripture. 2017. Vol. 4. Supplements. Leiden, Boston: Brill, 2017. P. 18–24.
24. Kuentz Ch. Note au précédent article // Mélanges Maspero I, 1935–1938. P. 430–432.
25. Leclant J., Yoyotte J. Nouveaux documents relatifs à l'an VI de Taharqa // Kêmi. 1949. T. 10. P. 28–42.
26. Leclant J., Yoyotte J. Notes d'histoire et de civilisation éthiopiennes: À propos d'un ouvrage récent // Bulletin de l'Institut français d'archéologie orientale. 1951. T. 51. P. 1–39.

27. Legrain G. Textes gravés sur le quai de Karnak // *Zeitschrift für ägyptische Sprache und Altertumskunde*. 1896. Bd. 34. S. 111–121.
28. Macadam M.F. Laming. *The Temples of Kawa. The Inscriptions*. Vol. I–II. London: Oxford University Press, 1949. 142 p., 66 pl.
29. Perdriaud H. L'an 6 de Taharqa, l'année des « merveilles ». « Une chose pareille n'avait pas été vue depuis le temps des anciens [...] » (Kawa V, 1. 5) // *Égypte nilotique et méditerranéenne*. 2019. T. 12. P. 281–298.
30. Pope J. *The Double Kingdom under Taharqo*. Leiden, Boston: Brill, 2014. 326 p.
31. Porter B., Moss R.L.B. *Topographical Bibliography of Ancient Egyptian Hieroglyphic Texts, Reliefs, and Paintings*. Vol. IV. Lower and Middle Egypt. Oxford: Oxford University Press, 1934. XXVII+269 p.
32. Porter B., Moss R.L.B. *Topographical Bibliography of Ancient Egyptian Hieroglyphic Texts, Reliefs, and Paintings*. Vol. V. Upper Egypt: Sites. Oxford: Oxford University Press, 1937. XXII+292 p.
33. Porter B., Moss R.L.B. *Topographical Bibliography of Ancient Egyptian Hieroglyphic Texts, Reliefs, and Paintings*. Vol. VII. Nubia, the Deserts, and outside Egypt. Oxford: Oxford University Press, 1952. XXXIV+453 p.
34. Quack J.-F. Danaergeschenk des Nil? Zu viel oder zu wenig Wasser im Alten Ägypten // Berlejung A. (Hrsg.) *Disaster and Relief Management. Katastrophen und ihre Bewältigung / FAT*. 2012. Bd. 81. S. 333–381.
35. Ritner R.K. *The Libyan Anarchy: Inscriptions from Egypt's Third Intermediate Period*. Atlanta: Society of Biblical Literature, 2009. 622 p.
36. Török L. *Meroe City, an Ancient African Capital*. London: Egypt Exploration Society, 1997. Part I, XXX+297 p.; Part II, 153 figs, 243 pl.
37. Vikentiev V. *La haute crue du Nil et l'averse de l'an 6 du Taharqa*. Le Caire: IFAO, 1930. 118 p., VII pl.
38. Vinogradov A.K. "Snakes" in the Field (a Comment on Kawa V, lines 11–13) // *Studi di Egittologia e di Antichità Puniche*. 1992. T. 11. P. 31–36.

References

1. Vinogradov A.K. [A comment on Kawa V, line 12]. *MEROE*. 1999. No. 5. P. 72–82. (In Russian)

2. Katsnelson I.S. Gosudarstvenniy stroy Napati i Meroe (opyt kharakteristiki) [The political system of Napata and Meroe (experience of characterization)]. Katsnelson I.S. (ed.) *Drevniy Egipet i Drevnyaya Afrika* [Ancient Egypt and Ancient Africa]. M., 1967. P. 38–73. (In Russian)
3. Panov M.V. Obzor perevodov s egipetskogo yazyka na russkiy (1882–2010) [Review on Russian Translations of Ancient Egyptian Texts (1882–2010)]. *Egipetskie Teksty* [Egyptian Texts]. Vol. I. Novosibirsk: M.V. Panov, 2011. XXXIV+466 p. (In Russian)
4. Panov M.V. Istochniki po istorii zhrecheskikh semey Memfisa i Letopolya v pozdnyy period [Documents on the History of the Priestly Families from Memphis and Letopolis in the Late Period]. *Egipetskie Teksty* [Egyptian Texts]. Vol. III. 2nd. ed. Novosibirsk: M.V. Panov, 2017. 602 p. (In Russian)
5. Panov M.V. Legendy, mify i gimny. Doklady [Legends, myths and Hymns. Reports]. *Egipetskie Teksty* [Egyptian Texts]. Vol. VIII]. Novosibirsk: M.V. Panov, 2018. 348 p., XCVI pl. (In Russian)
6. Panov M.V. Pis'ma, nastavleniya i dokumenty epokhi Ramessidov [Letters, Instructions and Documents of the Ramesside Period]. *Egipetskie Teksty* [Egyptian Texts]. Vol. XI. Novosibirsk: M.V. Panov, 2019. 317 p. (In Russian)
7. Panov M.V. Istoriko-biograficheskie nadpisi klassicheskogo perioda [Historical and Biographical Documents from the Classical Age]. *Egipetskie Teksty* [Egyptian Texts]. Vol. XIII. Novosibirsk: M.V. Panov, 2019. 347 p. (In Russian)
8. Assmann J. *The Mind of Egypt: History and Meaning in the Time of the Pharaohs*. Translated by A. Jenkins. Harvard: University Press, 2003. 513 p.
9. Blackman A.M. The Stela of Shoshenk, Great Chief of the Meshwesh. *Journal of Egyptian Archaeology*. 1941. Vol. 27, P. 83–95. Pl. X–XII.
10. Broekman G.P.F. Genealogical considerations regarding the kings of the Twenty-Fifth Dynasty in Egypt. *Göttinger Miszellen*. 2017. Hft. 251. S. 13–20.
11. Clère J.J. *Review on M.F. Macadam. The Temples of Kawa. I. The Inscriptions*. Londres, Geoffrey Cumberlege, Oxford University Press, 1949. *Bibliotheca Orientalis*. 1951. T. VIII. P. 174–180. (In French)

12. Eide T., Hägg T., Pierce R.H., Török L. *Fontes Historiae Nubiorum. Textual Sources for the History of the Middle Nile Region between the Eighth Century BC and the Sixth Century AD*. Vol. I. Bergen: J. Grieg AS, 1994. 343 p.
13. Erman A., Grapow H. (Hrsg.) *Wörterbuch der ägyptischen Sprache im Auftrage der Deutschen Akademien*. Neudruck. Bd. I–V. Berlin: Akademie-Verlag, 1971. (In German)
14. Gardiner A.H. *Egyptian Grammar*. 3d ed. Oxford: Griffith Institute, 2001. XXXVI+646 p.
15. Gozzoli R.B. Kawa V and Taharqo's *BY3WT*: Some Aspects of Nubian Royal Ideology. *Journal of Egyptian Archaeology*. 2009. Vol. 95. P. 235–248.
16. Graefe E. Ein unerkannter Gebrauch des indirekten Genitivs in Zahlkonstruktionen. Görg M., Pusch E. (Hrsg.) *Festschrift Elmar Edel*. Bamberg: M. Görg, 1979. S. 174–184. (In German)
17. Grenier J.-C. La stèle funéraire du dernier taureau Bouchis (Caire JE 31901 = Stèle Bucheum 20). *Bulletin de l'Institut français d'archéologie orientale*. 1983. T. 83. P. 197–208. (In French)
18. Griffith F.L.I. A Stela of Tirhaqa from Kawa. Dongola province, Sudan. *Mélanges Maspero I, 1935–1938*. P. 423–430.
19. Helck W. *Urkunden der 18. Dynastie*. Hft. 17–22. Berlin: Akademie-Verlag, 1955–1958. (In German)
20. Jansen-Winkel K. *Inschriften der Spätzeit*. Teil III. Die 25. Dynastie. Wiesbaden: O. Harrassowitz, 2009. 619 S. (In German)
21. Kaplony-Heckel U. Hochwasser zur Zeit des Königs Taharqa, 685/4 v. Chr. *Texte aus der Umwelt des Alten Testaments*. 2005. Bd. I. S. 589–595. (In German)
22. Kitchen K.A. *The Third Intermediate Period in Egypt, 1100–650 B.C.* 2nd ed. Warminster: Aris & Phillips, 1986. 608 p.
23. Kitchen K.A. *The Third Intermediate Period in Egypt, 1100–650 B.C.* 2nd ed. Warminster: Aris & Phillips, 1986. 608 p.
24. Kuentz Ch. Note au précédent article. *Mélanges Maspero I, 1935–1938*. P. 430–432. (In French)
25. Leclant J., Yoyotte J. Nouveaux documents relatifs à l'an VI de Taharqa. *Kémi*. 1949. T. 10. P. 28–42. (In French)

26. Leclant J., Yoyotte J. Notes d'histoire et de civilisation éthiopiennes: À propos d'un ouvrage récent. *Bulletin de l'Institut français d'archéologie orientale*. 1951. T. 51. P. 1–39. (In French)
27. Legrain G. Textes gravés sur le quai de Karnak. *Zeitschrift für ägyptische Sprache und Altertumskunde*. 1896. Bd. 34. S. 111–121. (In French)
28. Macadam M.F. *Laming. The Temples of Kawa. The Inscriptions*. Vol. I–II. London: Oxford University Press, 1949. 142 p., 66 pl.
29. Perdriaud H. L'an 6 de Taharqa, l'année des « merveilles ». « Une chose pareille n'avait pas été vue depuis le temps des anciens [...] » (Kawa V, 1. 5). *Égypte nilotique et méditerranéenne*. 2019. T. 12. P. 281–298. (In French)
30. Pope J. *The Double Kingdom under Taharqa*. Leiden, Boston: Brill, 2014. 326 p.
31. Porter B., Moss R.L.B. *Topographical Bibliography of Ancient Egyptian Hieroglyphic Texts, Reliefs, and Paintings*. Vol. IV. Lower and Middle Egypt. Oxford: Oxford University Press, 1934. XXVII+269 p.
32. Porter B., Moss R.L.B. *Topographical Bibliography of Ancient Egyptian Hieroglyphic Texts, Reliefs, and Paintings*. Vol. V. Upper Egypt: Sites. Oxford: Oxford University Press, 1937. XXII+292 p.
33. Porter B., Moss R.L.B. *Topographical Bibliography of Ancient Egyptian Hieroglyphic Texts, Reliefs, and Paintings*. Vol. VII. Nubia, the Deserts, and outside Egypt. Oxford: Oxford University Press, 1952. XXXIV+453 p.
34. Quack J.-F. *Danaergeschenk des Nil? Zu viel oder zu wenig Wasser im Alten Ägypten*. / Berlejung A. (Hrsg.) *Disaster and Relief Management. Katastrophen und ihre Bewältigung / FAT*. 2012. Bd. 81. S. 333–381.
35. Ritner R.K. *The Libyan Anarchy: Inscriptions from Egypt's Third Intermediate Period*. Atlanta: Society of Biblical Literature, 2009. 622 p.
36. Török L. *Meroe City, an Ancient African Capital*. London: Egypt Exploration Society, 1997. Part I, XXX+297 p.; Part II, 153 figs, 243 pl.
37. Vikentiev V. *La haute crue du Nil et l'averse de l'an 6 du Taharqa*. Le Caire: IFAO, 1930. 118 p., VII pl. (In French)
38. Vinogradov A.K. “Snakes” in the Field (a Comment on Kawa V, lines 11–13). *Studi di Egittologia e di Antichità Puniche*. 1992. V. 11. P. 31–36.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ**Панов Максим Вячеславович**, канд. ист. наук*независимый исследователь**ул. Кирова, 278, Новосибирск, 630063, Российская Федерация**panov.mv@gmail.com***DATA ABOUT THE AUTHOR****Panov Maxim Vjacheslavovich**, PhD (History)*independent researcher**278, Kirova Str., Novosibirsk, 630063, Russian Federation**panov.mv@gmail.com**SPIN-code: 8386-9837**ORCID: 0000-0003-4678-0383*

DOI: 10.12731/2077-1770-2019-3-129-147

УДК 304.444

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ИЗДАТЕЛЬСТВ В СИСТЕМЕ ТАМИЗДАТА (ИЗДАТЕЛЬСТВО ИМЕНИ ЧЕХОВА, ИМКА-ПРЕСС, ИД ПОСЕВ)

Федин А.А.

В статье рассматриваются значимые иностранные издательства, причастные к производству и распространению тамиздата на территории СССР в 60-80-х годах XX века, как действующие на данный момент, так и прекратившие свое функционирование.

***Цель.** При анализе деятельности трех крупнейших издательств цензурного периода – «Издательства имени Чехова», «ИМКА-пресс» и издательства «Посев» выявить тематический репертуар издательств, важные моменты взаимодействия с советскими авторами, состав редакторских коллегий и список произведений, изданных на протяжении периода работы издательств.*

***Метод или методология проведения работы.** Основу исследования образуют методы: историко-сравнительный, историко-типологический и аналитико-тематический, а также системный подход.*

***Результаты.** Автор проанализировал деятельность зарубежных издательств, их репертуар и способы издания запрещенных произведений в СССР. Автор пришел к выводам, что исследуемые издательства и их деятельность послужили цели по сохранению русского культурного наследия. Были выявлены особенности работы издательств и их характеристики, такие как: ориентированность на выпуск произведений советских авторов, запрещенных в СССР; участие российских эмигрантов в редакционных коллегиях и в руководстве издательств; редакционная политика, направленная на русскоязычное население с представлением противоположной точки зрения официальным издательствам СССР.*

***Область применения результатов.** Результаты исследования могут быть применены в сфере изучения истории литературове-*

дения, отечественного и зарубежного издательского дела, в исследованиях русского зарубежья.

Ключевые слова: самиздат; тамиздат; книговедение; издатель; издательская деятельность; СССР; эмиграция.

THE ACTIVITIES OF PUBLISHERS IN THE SYSTEM OF TAMIZDAT (CHEKHOV PUBLISHING HOUSE OF THE EAST EUROPEAN FUND, YMCA-PRESS, THE POSEV PUBLISHING HOUSE)

Fedin A.A.

The article deals with significant foreign publishers involved in the production and distribution of tamizdat in the USSR in the 60-80-ies of XX century, both operating at the moment and ceased to function.

Purpose. *To analyze the history of the three largest publishers of the censorship period – «Chekhov Publishing House of the East European Fund», «YMCA-Press» and The Posev publishing house. The thematic repertoire of publishers, important moments of interaction with the Soviet authors, the composition of editorial boards and a list of works published during the period of the publishing house are considered.*

Methods and methodology. *The basis of the study is book-based methods: historical-typological and analytical-thematic, as well as a systematic approach.*

Results. *The results of the work are that the author analyzed the activities of foreign publishers, their repertoire and ways of publishing prohibited works in the USSR. The author came to the conclusion that the studied publishers and their activities served the purpose of preserving the Russian cultural heritage.*

The scope of the results. *The results of the study can be applied in the field of study of the history of literary studies, domestic and foreign publishing, in studies of Russian abroad.*

Keywords: *samizdat; tamizdat; bibliography; publisher; publishing activity; USSR; emigration.*

Введение

Современная система издательского дела кардинально отличается от функционировавшей вплоть до этапа «перестройки». Исследования по истории книги в системе издательского дела напрямую связаны с изучением предыдущей модели системы, которая определяла ее издательский потенциал в течение долгого времени, что обуславливает актуальность темы в целом. По словам В.Г. Афанасьева, новая система не возникает ниоткуда, а приобретает некоторые собственные системные качества, которые в процессе своего функционирования и развития укрепляются и расширяются, вовлекая в системную орбиту новые компоненты. Новая система задействует эти компоненты, которых ей недостает для достижения собственных целей в предыдущих конструктах [1, с. 135]. Таким образом, наблюдается историческая системная преемственность.

Зарубежные издательства, выпускавшие тамиздат и способствовавшие его распространению, не входили официально в издательскую систему СССР. Вместе с тем, своей деятельностью они оказали серьезнейшее влияние на издательский процесс в СССР в целом, а также обеспечили сохранность огромного культурного пласта, отторгнутого большевиками и их последователями после революции.

Материалы и методы

В исследовании были использованы источники: научные труды по данной тематике; библиографии и издания рассматриваемых издательств; статьи в журналах; электронные источники. С помощью теоретических и эмпирических методов (анализ, аналогия, обобщение, классификация, измерение и описание) удалось достичь поставленных задач и заявленных целей.

Результаты и обсуждение

История русской интеллигенции, диссидентства, русского зарубежья, неотделима от понятий тамиздата, самиздата и произведений русского зарубежья. Расцвет неподцензурной издательской деятельности во второй половине XX века был ответом на рост потреб-

ности творческих кругов СССР в «альтернативной культуре». Интеллигенция, взгляды которой были противоположны имеющимся официальным тенденциям советской культуры, хотела «говорить» так, чтобы ее слышали и прислушивались в обществе, не считая узкий круг соратников достаточным. Для этого художники, поэты, писатели использовали все возможные средства, которые они могли использовать в тех жизненных реалиях. Такими средствами выступали самиздат, тамиздат и издание произведений за рубежом. Чем различались эти понятия?

Тамиздат («изданное там», за рубежом) – это произведения, которые не были одобрены цензурой, после чего выпущены зарубежными издательствами, при этом их автор проживал на территории СССР, не покидая пределов страны. Самиздат – произведения, набранные машинописным способом или переписанные вручную, распространяемые тайно, вне государственного контроля. И тамиздат, и самиздат подразумевали выпуск литературы, запрещенной цензурным органом (Главлитом).

Третье средство, обеспечивающее возможность высказаться для советской интеллигенции, подразумевало отъезд за рубеж. В некоторых случаях это было сделано без воли автора и сопровождалось лишением советского гражданства. Люди покидали страну и вывозили собственные произведения, которые позднее выходили в печать.

По нашему мнению, необходимо строго разграничивать понятие тамиздата и изданий русского зарубежья. Литература, вывезенная и выпущенная советскими авторами за рубежом, может называться тамиздатом только в том случае, если автор находился внутри своей страны, и его произведение (часть произведения) издавалось посредством стараний зарубежных издательств, и распространение данного издания осуществлялось на подцензурной территории, то есть в стране, где хождение произведения запрещалось органами государственной власти. Здесь стоит отметить, что распространение части тиража было направленно покупателям и в зарубежье, но название «тамиздат», книга получала у читателей именно в СССР.

Далее перейдем непосредственно к рассмотрению крупных заграничных издательств тамиздата, взаимодействовавших с советскими авторами и создателями самиздата. Однажды, А.В. Карташев сказал следующие слова о таких организациях: «они оказали не просто гуманитарную услугу русской эмиграции, доставляя ей и ее детям в печальные годы разлуки с родиной национальное духовное питание. Они оказали историческую услугу всей русской культуре, а через это и культуре мировой, дав возможность русскому религиознофилософскому творчеству, незаурядному по оригинальности и талантам его творцов, увековечиться в печати и через то сохраниться для преемственного возрождения...» [6, с. 59].

Первым стоит упомянуть «Издательство им. Чехова» (Chekhov Publishing House of the East European Fund, Inc.). Его можно отнести к наиболее важным издательским компаниям в Соединенных Штатах из числа тех, кто занимался выпуском русскоязычной литературы. Свою работу Издательство имени Чехова начало в 1952 году. Изначально оно формировалось как подразделение «Восточно-европейского фонда», который относился к «Фонду Форда». Последний вел успешную исследовательскую деятельность, задействуя мощности Колумбийского университета. Специалисты фонда при поддержке американского правительства разработали культурный проект, имеющий своей целью всестороннюю помощь эмигрантам из СССР первой и второй волны. Данный проект входил в масштабную программу идеологической антикоммунистической борьбы в странах социалистической направленности [11, с. 43].

Основателем издательства был советолог Дж. Кеннан (1904–2005), более известный как «архитектор Холодной войны», вдохновитель политики Г. Трумена, бывший посол США в СССР в 1952 году, признанный персоной «нон-грата» после «клеветнического заявления» в газетах о свободомыслии в Союзе. Официальным директором издательства был назначен Н.Р. Вреден (1901–1955) – русский эмигрант, переводчик, член Общества Бывших Русских Морских Офицеров в Америке. Н.Р. Вреден начал свою карьеру в издательском деле еще в 1926 году, заняв в промежуток с 1944–1954

года пост вице-президента издательства «E.P. Dutton and company». С 1952 года вплоть до закрытия «Издательства имени Чехова» состоял в должности директора. Позицию главного редактора занимала В.А. Шварц (1895–1966), литературный критик, социолог, сотрудник журнала «Америка». Председателем Общественного совета пригласили А.Л. Толстую (1884–1979), дочь выдающегося русского писателя Л.Н. Толстого. Эмигрировав в Японию, а позднее в США, она создала фонд Толстого, который оказывал существенную помощь беженцам из Советского Союза, проявив себя как талантливый администратор. Составление программы деятельности издательства доверили М.А. Алданову (1898–1957), М.А. Ландау, 13-кратному номинанту на премию Нобеля по литературе, плодовитому писателю, основателю «Нового журнала» [5, с. 140]. Таким образом, благодаря профессиональным талантам издательского коллектива, обеспечивалось высокое качество выходящих произведений.

В качестве символики издательства была выбрана статуя Свободы, поднимающаяся из приоткрытой книги. Знаковое наполнение эмблемы символизировало то, что человек получает настоящую свободу, лишь приобщаясь к знаниям, высококлассной литературе, творческому анализу. Действительно, оценивая невероятную масштабность деятельности издательства за столь короткий срок (всего 5 лет), а также достигнутые ими результаты, можно сказать, что символика предприятия выбрана абсолютно верно. «Издательство имени Чехова» качественно насыщало информационное пространство Штатов, активно участвуя в судьбах русских эмигрантов, неся свежий информационный глоток и надежды на лучшее будущее советской интеллигенции.

За пять лет плодотворной работы «Издательство имени Чехова» достигло следующих показателей [9, с. 325]:

- 179 книг различных жанров — мемуары эмигрантов, художественная проза запрещенных в СССР авторов, труды по философии и истории, а также популярные произведения (1952 год – 46 шт., 1953 – 39 шт., 1954 – 39 шт., 1955 – 37 шт., 1956 – 17 шт.);

- 129 авторов, привлеченных к работе из числа самых известных: В.В. Набоков, Е. Замятин, И. А. Бунин, М.А. Цветаева, Г. Федотов, А. Ремизов, В. Маклаков, диссиденты А. Сахаров, Л. Чуковская, Н. Мандельштам, А. Якобсон;
- выпуск научной литературы в размере 5000 экземпляров, а художественной – 20000 экземпляров;
- невероятные гонорары авторам – 1500–2000 долларов.

Концепция издательства была достаточно простой: издавался тамиздат запрещенных в СССР авторов, который вызывал интерес как у русских эмигрантов, так и у населения Советского Союза. Кроме того, выходили в свет популярные у жителей США и Европы мемуары эмигрантов о жизни «за железным занавесом». Финансирование издательства производил «Восточно-европейский фонд». Коллектив издательства ежегодно подавал заявки на гранты от него, что позволяло привлекать авторов вышеупомянутыми высокими гонорарами и значительным тиражом изданий. В процессе продвижения издательской концепции значимую роль сыграл М.А. Алданов, который активно работал с авторами, уговаривая их согласиться на правила издательства (не всем нравились ограничения по объему – 416 страниц и переход права на распространение издательству, в их числе был И.А. Бунин) [9, с. 327].

Книги печатались в нью-йоркской типографии «Братья Раузен» («Rausen Brothers»), которая принадлежала российским эмигрантам Израилю и Лазарю Раузенам. Согласно многочисленным свидетельствам русскоговорящего населения Нью-Йорка, основатели типографии пользовались всеобщим уважением и любовью, что обуславливалось их лояльностью в финансовых взаимоотношениях с издательствами. Бывшие эсеры, братья охотно производили печать без предоставления им аванса или даже в долг. Эта типография пережила «Издательство имени Чехова» на пятнадцать лет: ее закрыли в 1970-х годах, а позднее один из братьев открыл собственное издательство [12].

Распространение продукции издательства шло достаточно активно. В каждое книжное издание был вложен рекламный проспект

о предстоящих новинках с подробными аннотациями. Книжные каталоги выпускались дважды, в заключительные года работы издательства (1955, 1956), а бюллетень издавался до 1954 года. Покупателям и заказчикам предлагались скидки: 25% тем, кто имел отношение к системе образования – преподаватели, студенты, университеты и библиотеки, в то время как для книжных магазинов цена снижалась на 40%. Книжная продукция издательства распространялась в тридцати девяти странах мира, причем объем распределения расходился в следующем процентном соотношении: 30% в Америке, 70% в прочих государствах [2, с. 276].

Завершение существования издательства было напрямую связано с решением правительства США о прекращении значимой политгагитации по линии СССР. Это решение обуславливалось проведением XX съезда КПСС, который воспринимался как точка отчета для быстрой либерализации Советского Союза. Фонд перестал перечислять денежные средства «Издательству имени Чехова», которое, ощутив резкую нехватку финансирования, пыталось некоторое время держаться на плаву самостоятельно. Издательский коллектив боролся за сохранение дела, в защиту его выступали многие эмигранты, в том числе и М. Вейнбаум (главред «Нового русского слова»). Но все было безуспешно – в 1956 году «Издательство имени Чехова» было вынуждено закрыться [11, с. 276].

В 1970-х годах новый владелец приобрел издательство и право на торговую марку, начав выпуск под эгидой «Издательства имени Чехова» художественных произведений, очерков и воспоминаний советских диссидентов. Позднее полная книжная коллекция, вышедшая в издательстве, была презентована И. Посновой, главе брюссельского издательского дома «Жизнь с Богом», тогда как архивы частично перешли в библиотеку при центре «Христианская Россия» в Сериате, Италия.

Некоторая часть документов хранится в Бахметевском архиве Колумбийского университета и включает в себя три коробки, наполненные письмами и документацией авторов, публиковавшихся в издательстве, их перепиской с редакционной коллегией. В архи-

ве имеются документы по И. Бунину, Н. Лосскому, В. Маклакову, В. Набокову, С. Пушкиреву, Е. Кусковой, В. Маклакова, Г. Струве, А. Толстой, а также многих других авторов. Помимо этого, к архиву присоединена служебная издательская переписка. Материалы по деятельности издательства отражены в архиве Дома-музея Марины Цветаевой, а книжный фонд передан издательству YMCA-Press [9, с. 84].

Следующее издательство, обязательное к рассмотрению в контексте выпуска тамиздата, – «YMCA-Press» (YMCA Press publishing house). Это европейское издательство было создано в 1921 году в столице Чехословацкой Республики – Праге по инициативе YMCA – юношеской христианской ассоциации. Данная международная организация стала известной как волонтерское движение, обеспечивающее детей путевками в детские лагеря отдыха. Основанная в 1884 году Д. Вильямсом в Лондоне, организация быстро распространилась по миру, открыв многочисленные филиалы в различных странах. Так, в Российской Империи, YMCA появилась в 1900 году. Ее членами и меценатами были известнейшие люди, в том числе Скрябин, Павлова, Бунин, Стравинский и Рахманинов [6, с. 1]. В мире сегодня насчитывается более сорока пяти миллионов участников YMCA. Деятельность YMCA в XX веке несла гуманистическую и образовательную направленность: организовывались спортивные секции, детские кружки по обучению различным наукам, а в период Первой мировой войны проводилось обучение навыкам оказания первой помощи и ухода за ранеными. В лоне ассоциации зародился Красный Крест и возникли некоторые виды спорта: баскетбол, волейбол и водное поло. Таким образом, можно понять основные цели, ставшей инициатором создания «YMCA-Press». Но помимо перечисленных задач, «YMCA» пыталась распространить собственную религиозную концепцию на новые территории.

Итак, издательство было открыто в 1921 году, в Праге (несмотря на то, что ряд специалистов относят период его возникновения к 1918 году, когда в Нью-Йорке вышли первые книги под брендом «YMCA-Press»). Ряд русских эмигрантов, покинувших страну во

время Первой мировой войны, обратился в Нью-Йорке к Д. Мотту, Генеральному секретарю американского отделения организации YMCA с предложением открыть издательство. Н. А. Струве и А.В. Карташов в своем произведении «70 лет издательства «YMCA-Press» писали, что организация «YMCA-Press» «...по своему началу и по корням своим есть дитя протестантского миссионерского пафоса», которое после Первой мировой войны стало «высококвалифицированным органом русской духовной культуры и еще точнее: русской православно-богословской и церковной культуры» [6, с. 4]. Террор большевизма вытеснил из СССР все религиозные инициативы, как иностранные, так и исконно-русские. Поэтому издательство стало своеобразным продуктом синтеза зарубежного опыта и православного духа. Основной задачей издательства, по мнению А.Л. Гуревича, было «оцерковление жизни», оздоровление общества путем укрепления его религиозного сознания [3, с. 19].

В 1923 году издательство переместилось в Берлин, а позднее, в промежуток с 1925 по 1940 годы его основным месторасположением был Париж. В 1922 году изгнанный на «философском пароходе» российский цвет интеллигенции: С.Л. Франк, И.А. Ильин, Н.О. Лосский, о. Сергей Булгаков, Н.А. Бердяев, В. П. Вышеславцев, Л.П. Карсавин, Н.С. Арсеньев, Г.П. Федотов, к которым позднее примкнуло молодое поколение: А. Зандер, Н.А. Лаговский, прот. Георгий Флоровский, арх. Киприан (Керн), прот. Н. Афанасьев, А.Г. Карпов, В.Н. Ильин, В.Н. Лосский, еп. Иоанн (Шаховской), свящ. А. Семенов-Тянь-Шанский, прибыв в Европу, присоединились к работе издательства (в качестве авторов и активных помощников) [6, с. 24].

Руководителями издательства в промежуток с 1900 по 1940 годы стали Д. Хекер и П. Андерсон (1862-1946), секретарь YMCA для работы в России, ученики основателя YMCA Д. Мотта. Н.А. Бердяев (1874–1948), политический и религиозный философ, семикратный номинант Нобелевской премии по литературе, принял назначение на пост главного редактора. Его помощником был Б.П. Вышеславцев (1877–1954), философ, профессор Московского университета, магистр права. В конце Второй мировой войны за ними последова-

ли Д. Лоури, И. Морозов и Н. Струве. До 2016 года издательством руководил Н. Струве, внук русского философа и политического деятеля П.Б. Струве. Сегодня издательство существует, располагаясь в Париже (11, rue de la Montagne-Ste-Geneviève, Paris V). В Российской Федерации наследником и продолжателем традиций «YMCA-Press» является издательство «Русский путь» [7, с. 301].

Переходя к программе издательства, необходимо упомянуть русского книговеда и библиографа Н.А. Рубакина (1862–1946), который оказывал сильнейшее влияние на процесс работы издательства в самом его начале. В 1922 году были изданы (задействуя мощности пражской типографии YMCA Tisk) многочисленные учебники по русскому языку, математике, физике, технические брошюры и серия медицинских брошюр Р.А. Лютикова о профилактике некоторых болезней. Кроме того, в этот период вышла в свет книга Д. Лаури, которая знакомила англоязычных читателей с историей и канонами Православной церкви.

Переместившись в Берлин в 1923 году, «YMCA-Press» выпустило «Вестник образования», над которым работал А.С. Яценко, Н.Н. Алексеев и А.А. Боголепов. Помимо журнала, издательство продолжало выпуск образовательных книг и текстов. Кроме того, в 1924 году вышли книги Н.А. Бердяева, Н.С. Арсеньева, В.В. Зеньковского, Л.П. Карсавина, С. Франк, Н. Лосского. В Париже издательство сохранило свою программу издания. В 1930 году в Париже открылся книжный магазин, который активно реализовал продукцию «YMCA-Press». Выпускались такие журналы и газеты, как: «Путь», «Новый Град», «Вестник Русского Студенческого Христианского Движения», труды Свято-Сергиевского православного богословского института «Православная мысль».

Вторая мировая война приостановила работу издательства, но не купировала его деятельность. Силами женеvского Отдела помощи военнопленным бесплатно раздавалась классическая художественная литература на русском языке: Пушкин, Тургенев, Гоголь, Лермонтов, Толстой, Чехов, Лесков. Работа возобновилась в 1944 году. Руководство издательства перешло к Д. Лаури и П. Андерсо-

ну, а техническое руководство – к Б. Крутикову. Это был период некоторого духовного кризиса [6, с. 45], когда в свет выходили, в основном, классические произведения. Религиозная и философская литература временно отошла на второй план.

В 50-е-60-е годы XX в. издательство не могло соперничать с «Издательством имени Чехова», которое массовыми тиражами выпускало новые произведения. Но после ухода с рынка конкурирующей компании, «УМСА-Press» продолжило свою работу. Наиболее интересный для нас (в разрезе вопросов тамиздата) период начинается в 1960-х годах, во время «оттепели». Наблюдалось два одновременных процесса: тайное переправление самиздата за рубеж с целью его издания и перевозка «потаенной» тамиздатовской литературы в СССР. 1970-е годы – это «время Солженицына», который передал издательству все права на выпуск собственных произведений. После того как в Париж были вывезены его рукописи, в тамиздате вышли: «Архипелаг ГУЛАГ», «Красное колесо». Произведения Солженицына произвели эффект «разорвавшейся бомбы». По словам Струве, это были книги-события, которые «поставили издательство в центр мирового внимания». Тиражи этого писателя достигали 50000 экземпляров [6, с. 49].

Вплоть до 1985 года издательство печатало самиздат, перевезенный из СССР, а также художественную литературу, не опираясь лишь на творчество эмигрантов. В 1985 году, после смерти П. Андерсона, издательство вышло из-под руки УМСА, продолжив издательскую деятельность: печаталась богослужебная литература, издавались серии книг по истории, журнал «Вестник русского христианского движения». Этап «Перестройки» стал началом возвращения издательства в Россию: 1991 год стал началом возвращения издательства в Россию: был учрежден «Русский путь», как плод российско-французского партнерства. Руководителями были избраны Н.А. Струве и В.А. Москвин. «Русский путь» стал преемником «УМСА-Press» в России, в чьи задачи входила дистрибуция книг издательства на рынки России, СНГ и Балтии, а также продолжение выпуска журнала «Вестник».

Третьим крупнейшим издательством, выпускавшим русский та-миздат, было **издательство «Посев» (Possev Ink.)**. Оно было осно-вано Народно-Трудовым Союзом российских солидаристов (НТС), общественно-политической организацией, возникшей в условиях «белой эмиграции» XX века. Эмигранты остановились в Белграде, сформировав союз, который должен был противостоять большевиз-му силой знаний и воспитанием характера. Солидаристы полагали, что сталинский террор должен быть непременно вытеснен из Рос-сии посредством проведения национальной революции [9, с. 180]. Идеи солидаризма базируются на русской религиозной философии начала XX века. Главным принципом организации признается акси-ома, что личность каждого человека не может существовать отдель-но от общества, при этом каждая личность самоценна и не должна становиться средством для осуществления планов правительства.

Участники НТС ставили себе задачи активного противостояния режиму. Они проникали тайно на территорию СССР и вели там тай-ную деятельность. В числе достижений организации было создание коротковолновой радиостанции, вещавшей на территории Союза в промежутки между 1950–1972 годами. С 1951 до 1957 года НТС массово рассылала агитационные листовки на воздушных шарах и через военнослужащих частей, расположенных в Германии. Про-тиводействуя чекистам, НТС налаживала контакты с дипломатами различных стран, которые помогали, по мере возможности, в пере-правлении людей и документов за «железный занавес».

Но история издательства «Посев» относится к более раннему пе-риоду: 1945 году, хотя и связана непосредственно с работой НТС. Его созданию предшествовал ряд преследований Гестапо руководителей и членов НТС на территории Германии. В 1944 году более двухсот человек, имевших отношение к организации, были заключены в тру-довые лагеря. А после поражения Германии в войне в западной ее части собралось множество русских, которые не были переданы на родину из-за начала «холодной войны». До момента разъяснения их положения и во время ожидания виз на выезд в прочие европейские страны, они находились в лагерях для перемещенных лиц, которые

имели название «ДиПи». Лагерь «Менхегоф» стал пристанищем для 620 человек, при этом существенно отличался от прочих лагерей Ди-Пи [3, с. 122]. Менхенгоф стал рабочим центром НТС. Властные структуры СССР делали многочисленные попытки заставить американских солдат, контролирующих лагерь, выдать членов групп НТС, но потерпели поражение. Лагерь продолжил свою деятельность. В 1945 году в нем было открыто издательство «Посев», которое стало значимым средством в продолжение борьбы за идеи солидаризма.

Руководство лагеря (во главе с К.В. Болдыревым, эмигрантом первой волны), поручило Е.Р. Романову, журналисту из последней волны эмиграции, реализовать издание необходимых книг, в основном, учебных и справочных материалов. По воспоминаниям участников событий, печать велась восковочно-ротарным способом, а все необходимые материалы закупались или обменивались у немцев на содержимое продуктовых посылок и лагерных пайков. 11 ноября под руководством редактора Б.В. Серафимова вышел в свет еженедельник «Посев». Его тираж составлял всего двести экземпляров. Уже в 1946 году с усовершенствованием технической базы издательства, книги издавались типографским способом, что привело к увеличению тиража журнала до четырехсот экземпляров. Помимо еженедельника «Посева» издавались буквари, учебники по английскому языку, книги сказок, пособия по французскому и латинскому языкам, хрестоматия на русском, а также учебники русской истории.

Но уже в 1946 году из-за давления советских представителей, журнал закрыли ввиду его политической направленности. Но в июле 1946 года редакторский коллектив инициировал выпуск нового литературного журнала «Грани». На позиции редакторов были приглашены С. Максимова, С. Серафимова и Е. Романова. В период с 1946 года по 1977 издательство выпускало иллюстрированные календари с цветными репродукциями [3, с. 129].

После роспуска лагеря Менхегоф, редакция приняла решение остаться в Германии, где они обосновались в солидной типографии Лимбурга (в ней сохранились и печатный станок, и линотипы). Здесь издательство возобновило выпуск политического «Посева».

Несмотря на крайне тяжелое финансовое состояние страны после войны и отсутствие значимых финансовых средств у издателей, издательство не закрылось. Ему оказывали помощь члены НТС по всему миру, что позволяло обеспечивать печать и транспортировку литературы в СССР через советские оккупационные войска. Среди значимых авторов произведений, которые печатались в этот период, были: М Розанов, А. Казанцев, Г. Климов, Н. Синевирский, Г. Рич, В. Мерцалов, а также сам журнал «Грани».

В 1952 году издательство переехало во Франкфурт, где на пожертвования оборудовало новую типографию. Во Франкфурте вышли книги А. Светланина, Ю. Трегубова, журнал «Мысль». В 1956 году журнал «Грани» опубликовал воззвание к деятелям литературы и искусства СССР, в котором он предлагал опубликовать труды желающих авторов в обход цензуры с сохранением авторской тайны. Вплоть до 1962 года были напечатаны книги Б. Вышеславцева, С. Левицкого, Р. Редлиха, Н. Хохлова.

1968 год принес преобразование «Посева» в ежемесячное издание, это объяснялось коммерческими и политическими причинами. Событие вызвало необходимость в расширении редакции и смене помещения. Издательство выпускало свежую информацию о важных судебных процессах в СССР, особенно отмечая суды над людьми творческими: например, Солженицыным, и ситуации, связанные с политикой. Общий поток самиздатовских материалов был так велик, что приходилось выпускать спецвыпуски журнала. «Посев» в тот период активно производил сборники самиздата карманного образца, для транспортировки уже тамиздата обратно в Союз.

Вплоть до 1970-х годов журнал «Грани» ориентировался на произведения советских авторов, которые приходили в издательство различными способами. После чего журнал публиковал работы литераторов и возвращал их в СССР. Журнал можно рассматривать как часть тамиздатовской структуры. Среди авторов известных произведений, которые были изданы в 1970-е годы, необходимо привести В. Войновича, А. Солженицына, В. Шаламова, А. Ахматову, Б. Ахмадуллину, А. Галича, А. Краснова, Е. Варга, Б. Окуджаву.

Кроме того, «Грани» издавали, перепечатав, такие журналы самиздата, как «Синтаксис», «Русское слово», «Сфинксы».

В 1988 году книгоиздательская деятельность издательства была сокращена, так как в СССР начался период «гласности». Уже в 1991 году руководство приняло решение перебраться в Москву, получив лицензию от Министерства печати РФ. На данный момент, в Москве продолжает работать издательство, которое выпускает журналы «Грани» и «Посев», распространяемые посредством подписки. Издательство выпускает множество книг, касающихся исторических событий прошлого, в частности, касательно истории НТС.

Заключение

Проследив историю трех крупнейших издательств, выпустивших русский тамиздат, мы можем отметить, что, несмотря на различные изначальные цели (антисоветская пропаганда, миссионерская идея и продвижение солидаризма), каждое издательство и организация, сформировавшая его, послужили цели великой и значимой – сохранению русского культурного наследия.

Автором проанализировал деятельность зарубежных издательств, их репертуар и некоторые особенности издания запрещенных произведений в СССР. Выявлены особенности работы издательств и их характеристики.

Издательства ориентировались на выпуск произведений советских авторов, запрещенных в СССР.

Российские эмигранты принимали непосредственное участие в редакционных коллегиях и в руководстве издательств. Так в издательстве им. Чехова официальным директором был Н.Р. Вреден (1901–1955) – русский эмигрант, переводчик, член Общества Бывших Русских Морских Офицеров в Америке, а «УМСА-Press» (УМСА Press publishing house) начинало и образовывалось целой плеядой представителей русской интеллигенции: С.Л. Франк, И.А. Ильин, Н.О. Лосский, Н.А. Бердяев, В. П. Вышеславцев, Л.П. Карсавин, Н.С. Арсеньев, Г.П. Федотов, Н.А. Лаговский, прот. Георгий Флоровский, А.Г. Карпов, В.Н. Ильин, В.Н. Лосский и другие.

Редакционная политика издательств была направлена на русскоязычное население с обязательным наличием противопоставления точек зрения официальным изданиям в СССР.

Результаты исследования могут быть применены при изучении: истории литературоведения; отечественного и зарубежного издательского дела; в исследованиях русского зарубежья и российской эмиграции XX века.

Список литературы

1. Афанасьев В.Г. Системность и общество. М.: Наука, 1980. 173 с.
2. Базанов П.Н., Шомракова И.А. Книга Русского Зарубежья: из истории книжной культуры XX века. Учебн. пособие, 2-е изд, испр. / Сев.-Зап. ин-т печати. СПб. гос. ун-т технологии и дизайна. СПб.: 2003. 110 с.
3. Болдырев К.В. Менхегоф – лагерь перемещенных лиц (Западная Германия) // Вопросы истории, 1998. N.7. С. 122.
4. Гуревич А.Л. История издательства «УМСА-Press». М.: Спутник+, 2004. 60 с.
5. Колупаев В.Е. Издательство имени Чехова в Нью-Йорке // Библиография. Научный журнал по библиографоведению, книговедению и библиотековедению. М.: Бук Чембэр Интернэшнл, 2011. № 4. С.140-143.
6. Карташев А.В., Струве Н.А. 70 лет издательства “УМСА-press”, 1920-1990. Paris: УМСА-press, 1990. 40 с.
7. Русское Зарубежье: Хроника научной, культурной и общественной жизни: 1940-1975: Франция / Под общей ред. Л.А. Мнухина. Т. 1 (5) – 4 (8). 2002: Т. 1 (5). 1940-1954. 670 с.; Т. 2 (6). 1955-1963. 583 с.; Т. 3 (7). 1964-1975. – 429 с.; Т. 4 (8). Указатели. 662 с. (Совместно с издательством «Русский путь»).
8. Толстой И. Курсив эпохи // Лит. Заметки, 1993. С.180-186;
9. Шомракова И.А. И. Бунин, Г. Иванов и Издательство им. Чехова: По материалам Coll. Chekhov Publishing House в Columbia University Libraries, Bakhmeteff Archive. Vox.1 // Зарубежная Россия 1917–1939 гг. СПб.: Европейский дом, 2000. С. 324–328. Переписка Георгия Иванова / Публ. В. Крейд и В. Крейда // Новый журнал, 1996. № 203/204. С. 134–197.

10. Шомракова И. А. Материалы по истории книжного дела Русского Зарубежья в Бахметьевском архиве // Россия в США. М.: Институт политического и военного анализа, 2001. С. 80-85.
11. Базанов П.Н. Издательство имени Чехова // Новый журнал. 2014. № 276 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://magazines.gorky.media/nj/2014/276/izdatelstvo-imeni-chehova.html> (дата обращения 20.03.19).
12. Раузен [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://fantlab.ru/publisher6732> (дата обращения 25.03.19).

References

1. Afanasev V.G. *Sistemnost' i obshchestvo* [Sistemnost and society]. Moscow: Science, 1980. 173 p.
2. Bazanov P.N., Shomrakova I.A. *Kniga Russkogo Zarubezh'ya: iz istorii knizhnoy kul'tury KhKh veka* [Book of the Russian Diaspora: from the history of book culture of the twentieth century]. SPb. state University of technology and design. SPb., 2003. 110 p.
3. Boldyrev K.V. Menkhegof – lager' peremeshchennykh lits (Zapadnaya Germaniya) [Manchego – camp displaced persons (West Germany)]. *Voprosy istorii* [Questions of history], 1998. N. 7. P. 122.
4. Gurevich A.L. *Istoriya izdatel'stva «YMCA-Press»* [History of the publishing house “YMCA-Press”]. Moscow: Sputnik+, 2004. – 60 p.
5. Kolupaev V.E. *Izdatel'stvo imeni Chekhova v N'yu-Yorke* [Chekhov publishing House in new York]. *Bibliografiya. Nauchnyy zhurnal po bibliografovedeniyu, knigovedeniyu i bibliotekovedeniyu* [Bibliography. Scientific journal on bibliography, bibliology and library science]. M.: Buk chamber International, 2011. № 4. P. 140-143.
6. Kartashev A.V., Struve N.A. *70 let izdatel'stva “YMCA-press”, 1920-1990* [70 years of the publishing house “YMCA-press”, 1920-1990]. Paris: YMCA-press, 1990. 40 p.
7. *Russkoe Zarubezh'e: Khronika nauchnoy, kul'turnoy i obshchestvennoy zhizni: 1940-1975: Frantsiya* [Russian Abroad: Chronicle of scientific, cultural and social life: 1940-1975: France] / Under the General ed. L. A. Mnukhin. Vol. 1 (5) – 4 (8). 2002: Vol. 1 (5). 1940-1954. 670 p.;

- Vol. 2 (6). 1955-1963. 583 p.; Vol. 3 (7). 1964-1975. 429 p.; Vol. 4 (8). Pointers. 662 p. (Together with the publishing house “Russian way”).
8. Tolstoy I. Kursiv epokhi [Italic era]. *Lit. Zametki* [Lit. Notes], 1993. P. 180-186.
 9. Shomrakova I.A. I. Bunin, G. Ivanov i Izdatel'stvo im. Chekhova: Po materialam Coll. Chekhov Publishing House v Columbia University Libraries, Bakhmeteff Archive. Box. 1 [I. Bunin, G. Ivanov and Publishing them. Chekhov: Based on Coll. Chekhov Publishing House in Columbia University Libraries, Bakhmeteff Archive. Box.1]. *Zarubezhnaya Rossiya 1917–1939* [Foreign Russia 1917-1939]. St. Petersburg.: European house, 2000. P. 324-328. Correspondence Of Georgy Ivanov / Publ. V. Kreyd V. Kreid // New journal, 1996. No. 203/204. P. 134-197.
 10. Shomrakova I. A. Materialy po istorii knizhnogo dela Russkogo Zarubezh'ya v Bakhmet'evskom arkhive [Materials on the history of book publishing of the Russian Diaspora in Bahmetevskom files]. *Rossika v SShA* [Rossica in the US]. M.: Institute of political and military analysis, 2001. P. 80-85.
 11. Bazanov P.N Izdatel'stvo imeni Chekhova [Chekhov Publishing house]. *Novy Zhurnal*. 2014. № 276. Access mode: <https://magazines ahhh!gorky.media/nj/2014/276/izdatelstvo-imeni-chehova.html> (accessed 20.03.19).
 12. *Rauzen* [Rausen]. <https://fantlab.ru/publisher6732> (accessed 25.03.19).

ДААННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Федин Александр Анатольевич, соискатель степени кандидата филологических наук
Московский политехнический университет
ул. Б. Семёновская, 38, г. Москва, 107023, Российская Федерация
alexandr713fedin@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Fedin Alexandr Anatolyevich, Postgraduate
Moscow Polytechnic University
38, B.Semyonovskaya Str., Moscow, 107023, Russian Federation
alexandr713fedin@mail.ru

DOI: 10.12731/2077-1770-2019-3-148-161

УДК 930.85:159.9

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ РОССИИ И СЕРБИИ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ И МЕНТАЛИТЕТЕ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ ДВУХ СТРАН

Салимов А.М., Пайгунова Ю.В.

Целью работы является сравнительный анализ восприятия сербскими и российскими студентами особенностей истории и культуры двух стран.

Методология проведения работы. В исследовании использовался кросс-культурный подход к ментальности для понимания культурно-исторической близости народов. Эмпирический материал собран в 2014–2017 гг. в г. Казань (Россия) и в г. Нови-Сад (Сербия). 330 респондентов, студентов Университета г. Нови Сад и Поволжской государственной академии физической культуры, спорта и туризма (г. Казань) приняли участие в опросе, посвященном истории и культуре России и Сербии. Для оценки качественных характеристик наследия названных стран использовался метод рангового шкалирования.

Результаты. Результаты свидетельствуют о высоком уровне знания и понимания исторической и культурной общности и своеобразия двух стран и народов студентами. Они знают и понимают, что создание государственности славянских народов происходило со времени формирования племенных союзов до образования ранних государств (VI–XIV вв.), хотя образование таких государств у разных групп славян отличается по времени. И русские, и сербские студенты понимают, что православная религия, язык, принадлежность к славянской группе объединяет эти народы.

Область применения результатов. Результаты работы могут быть учтены при определении основных направлений культурного взаимодействия молодых представителей славянских народов. Результа-

ты исследования могут также выступить основой для разработки курсов преподавания истории в вузах, с акцентом на сопоставлении ключевых событий и процессов государственной и мировой истории.

Ключевые слова: историко-культурное наследие; менталитет; кросс-культурный анализ; единство славянских народов.

HISTORICAL AND CULTURAL HERITAGE OF RUSSIA AND SERBIA IN HISTORICAL MEMORY AND MENTALITY OF STUDENT YOUTH OF TWO COUNTRIES

Salimov A.M., Paigunova Yu.V.

The aim of the work is a comparative analysis of the peculiarities of the mental perception by Serbian and Russian students of the particularities of the history and culture of two countries.

Methodology of work. The study used a cross-cultural approach to mentality to understand the cultural and historical proximity of peoples. 330 respondents, students of the University of Novi Sad and the Volga – region State Academy of Physical Culture, Sports and Tourism of Kazan took part in a survey on the history and culture of Russia and Serbia. To assess the qualitative characteristics of these countries, the ranking scaling method was used.

Discussion. The results indicate a high level of knowledge and understanding of the historical and cultural community and the identity of the two countries and peoples by students. They know and understand that the creation of the statehood of the Slavic peoples took place from the time of the formation of tribal unions to the formation of the early states (VI–XIV centuries), although the formation of such states in different groups of Slavs differs in time. Both Russian and Serbian students understand that the Orthodox religion, language, membership in a Slavic group unites these peoples.

Scope of the results. The results of the work can be taken into account when determining the main directions of cultural interaction between young representatives of the Slavic peoples. The results of the study can

serve as the basis for the development of history teaching courses in universities, with an emphasis on comparing key events and processes of state and world history.

Keywords: *historical and cultural heritage; mentality; cross-cultural analysis; unity of the Slavic peoples.*

Введение

В современном мультикультурном, многоконфессиональном и полиэтничном мире проблема сохранения историко-культурного наследия в среде молодого поколения носителей национальной культуры стоит чрезвычайно остро. Она связана не только с вопросами сохранения и развития культуры этносов и государств, но и с идеями реализации мультикультурализма, взаимовлияния культур народов и государств, все чаще сближающихся по принципу схожести ценностно-смысловых установок, социальных представлений, способов восприятия и интерпретации мира.

Идеи единства славянских народов волнуют умы ученых, политиков, писателей и поэтов разных стран уже не одно столетие [16]. И вновь этот вопрос стал актуальным на рубеже нового тысячелетия. Славяне – братья, или “мы никогда не будем братьями”? [3].

Близость современных политических позиций стран и народов или общность исторического происхождения, языка, религии, психолого-психических ощущений и восприятий анализируются с точки зрения критерия реальности единства славянских народов или его отсутствия.

Объектом исследования является историко-культурное наследие славян, а именно русских и сербов в исторической памяти и менталитете их представителей – студенческой молодежи. В российской научной литературе подробно рассмотрены различные трактовки и варианты понятия историко-культурное наследие [1; 7]. В исследовании мы опирались на следующее определение: «Наследие как феномен – это информационный и интеллектуальный потенциал нации» [7].

Историческая память связана со знаниями студентов об изучаемом объекте (историко-культурном наследии).

Менталитет обычно рассматривается как «мироощущение, миро-восприятие, формирующееся на глубоком психическом уровне индивидуального или коллективного сознания, которое возникает в недрах культуры, традиций, социальных институтов, среды обитания человека и представляет собой совокупность психологических, поведенческих установок индивида или социальной группы» [5]. Современные подходы к феномену менталитета представлены также кросс-культурным подходом (К.А. Абульханова-Славская, Р.А. Додонов, Н.М. Лебедева, Л.Г. Почебут, Е.Н. Резникова, А.Н. Татарко) и социокультурным подходом (А.С. Панарин, А.В. Любский, Г.В. Митина, З.В. Сикевич). З.В. Сикевич относит ментальность к социокультурным явлениям, представляет ее как социально-психологическое ядро самосознания любой общности, способствующее культурно-исторической преемственности [11, с. 149]. С точки зрения социокультурного подхода ментальность – это «замороженная культура» [3, с. 56]. Очевидно, что историко-культурное наследие является стержнем менталитета, хотя и не исчерпывает в полной мере это понятие. Ментальность соотносится с приобретаемым, специфичным социальным опытом поколений в конкретном пространстве и времени – культурно-исторической эпохе. Особый интерес представляет трансформация менталитета разных поколений, принадлежащих к одной и той же социокультурной системе. Поколение выступает как коллективная сущность, связанная отношением к определенному культурно-историческому событию, атрибутом которого является ментальность [8, с. 8].

Цель исследования – провести сравнительный анализ особенностей ментального восприятия сербскими и российскими студентами общего и особенного в истории и культуре двух стран.

Выбор данных национальных групп не случаен. Сербия – страна Европейского региона, наиболее тесно связанная с Россией историческими, экономическими и политическими связями. Большинство сербов считает, что Россия разделяет важные вехи славянской и православной истории с Сербией, утверждают историки.

Отношения между Сербией и Россией восходят к средневековью. Контакты между сербами и русскими были впервые форма-

лизованы в XV веке [17;18]. С этого времени и вплоть до наших дней Сербия является надежным союзником, а Россия – не только союзник, но защитник и покровитель сербского народа. Так, договор 1774 г. официально установил Россию как покровителя балканского православия. Во время первого сербского восстания 1804-1813 гг. Сербия ходатайствовала перед Россией о помощи против турок. Наконец, чаяния сербского народа о государственности и его «требования поддержала Россия и включила условие о Сербии в текст Бухарестского мирного договора 1812 г.» между Россией и Турцией. Сербии была предоставлена автономия [6; 19]. Такие же союзнические отношения соединяли Россию и Сербию в тяжелые годы Первой и Второй мировых войн, продолжают они и в наши дни [9; 19].

Нынешняя ситуация политической напряженности в мире серьезно повлияла на имиджевые характеристики России в странах Европейского Союза, поэтому представляется достаточно интересным изучить особенности менталитета европейской славянской молодежи по поводу общего культурно-исторического наследия [21].

Материалы и методы

Эмпирический материал исследования был собран авторами статьи в течение 2014–2017 гг. в командировке, в Университете г. Нови-Сад на факультете географии, в ходе анкетирования студентов, обучающихся по направлениям гостеприимства и туризма (Сербия). Всего в опросе приняли участие 165 граждан Сербии, большинство из них – студенты в возрасте 17–28 лет. В это же время было опрошено 165 российских студентов того же возраста – в Поволжской Академии физической культуры, спорта и туризма (г. Казань), обучающихся по тем же направлениям – гостиничное дело и туризм.

В предложенной респондентам анкете, необходимо было ответить на 20 вопросов. Ключевые из них были связаны с событиями, и датами историко-культурного наследия названных славянских народов: время становления российской и сербской государственности, групповая языковая принадлежность народов, их религиозное исповедание, исторические места и факты, имеющие символиче-

ское значение для славянской общности. При составлении анкеты использовалась соответствующая литература [4; 7; 10; 12; 13]. Анкета подразумевала также выявление качественных критериев, сложившихся стереотипов о России среди сербских студентов, их знание и отношение к истории, географии, символам нашей страны, а также выявление их готовности посетить Россию в качестве туристов или в рамках проектов академических взаимнообменов. Для оценки качественных характеристик объектов использовался метод рангового шкалирования.

Результаты

По данным опроса, абсолютное большинство сербских респондентов (99%) никогда не были в России, а 100% российских студентов не посещали Сербию.

Проанализировав результаты опроса, можно сделать вывод, что значительная часть русских и сербских студентов (от 30 до 100% при ответе на разные вопросы) имеют сформировавшиеся знания об истории, религии, правителях стран-партнеров. При этом отметим, что российские студенты хуже знают историю Сербии (см. Таблица 1.)

Таблица 1.

**Знание студентами элементов историко-культурного наследия
России и Сербии**

Вопросы	Российские студенты			Сербские студенты		
	Верные ответы	Неверные ответы	Загруд- нились с ответом	Верные ответы	Неверные ответы	Загруд- нились с ответом
Время образования сербского государства	—	—	10%	46%	32%	22%
В какое государство входила Сербия до первой мировой войны	—	—	100%	54%	46%	—
Когда возникло русское государство	55%	10%	35%	33%	46%	21%
К каким языковым группам относятся языки русский и сербский	30%	70%	—	95%	—	5%
Какую религию исповедуют сербы и русские	90%	—	10%	100%	—	—

Мнения респондентов из Сербии относительно формирования сербской государственности разделились.

46% студентов рассматривали образование протогосударственных сербских племенных объединений в VI веке как начало государственности; 32% считают, что в XII веке произошло образование первого сербского государства; 12% написали, что затрудняются ответить, сюда же можно добавить еще 10% респондентов, оставивших вопрос вовсе без ответа.

Что касается становления российской государственности, то сербские студенты разделились на четыре группы. 33% считают, что Древнерусское государство возникло в VI веке, (это период образования союзов восточнославянских племен), 33% называют IX век, (это время объединения Древнего Новгорода и Киевского княжества), 21% – отметили «затрудняюсь ответить», или оставили вопрос вовсе без ответа. Остальные 13% от общего числа опрошенных, назвали датой основания российской государственности 1991 год. Среди российских студентов, 55% относят основание российского государства к IX веку, 10% – к VI и XV векам, а 35% затруднились ответить.

Сербские студенты несколько лучше осознают этнолингвистическую близость с русскими, 95% опрошенных указали, что и русский, и сербский языки относятся к группе славянских языков (остальные 5% затруднились ответить). А большинство (70%) русских студентов относят сербский язык к романской языковой группе, (остальные 30% отнесли оба языка к славянской группе).

Важнейшим объединяющим фактором для русских и сербов является православная религиозная культура. 100% сербских, и 90% российских студентов (остальные 10% затруднились ответить) справедливо определили принадлежность сербов и русских к православию.

Отвечая на вопрос о том, к какой империи принадлежала Сербия как страна до Первой мировой войны, больше половины (54%) опрошенных сербов отметила, что она была частью Австро-Венгерской империи, другая половина (46%) полагает, что Сербия была независимым государством.

Следует отметить, что сербы демонстрировали определенное знание русской истории, так, 72% опрошенных указали Романовых как одну из русских монархических династий (остальные 38% не ответили на вопрос), при этом никто не указал династию Рюриковичей, которая правила Россией более 700 лет.

Для выявления качественных характеристик России студентам было предложено выбрать шкальную оценку в девяти парах дихотомических критериев: безопасность – опасность, богатство – бедность, дружелюбие – враждебность и т.д. (см. Таблица 2.)

При оценке применялась двухполюсная шкала (-5 до +5 баллов), где отрицательные оценки соответствовали негативному полюсу восприятия, а положительные – позитивному.

Таблица 2.

**Оценка качественных характеристик России в ментальности
российских и сербских студентов**

Характеристики	Российские студенты	Сербские студенты
Безопасность – опасность	-1,8	3,9
Богатство-бедность	3,5	4,2
Дружелюбность- Враждебность	4,0	4,4
Красота – Уродливость	4,8	4,7
Интересность – Скудность	-1,2	3,9
Чистота – Грязь	-2,5	-0,5
Разнообразиие – Однообразиие	0, 3	3,9

В целом иностранные студенты воспринимают Россию положительно, даже в сравнительном отношении с оценкой российских студентов. Так, страна характеризуется ими скорее, как «красивая», «богатая», «интересная», «дружелюбная». Самый низкий рейтинг в сравнительной паре качественных критериев Россия у сербской молодежи заняла по «чистоте». Характерно, что российские студенты, в своих ответах оказались критичнее сербов, оценив собственную страну скорее, как однообразную, скучную, опасную. Полученный результат заставляет с тревогой задуматься о нравственном состоянии российского общества. Закономерно, что согласно результатам социологических опросов, падение нравов воспринимается

нашими согражданами как одна из главных проблем современной России [12].

Что касается исторических событий, с которыми Россию символизируют сербские студенты, то большинство из них (более 80%) затруднились ответить. Среди упомянутых событий, чаще других встречались: Олимпиада в Сочи – (10%), события Второй мировой войны (Сталинградская битва, победа над гитлеровской Германией), запуск человека в космос, распад СССР (от 3 до 5% ответов). Более 60% студентов из России считают Великую Отечественную войну и победу советского народа важнейшими событиями в истории страны, на втором месте по частоте упоминаний – полет Юрия Гагарина в космос (15%) и Олимпийские игры в Сочи (12%).

Чаще всего Россия у сербских студентов ассоциируется с такими географическими регионами, как Сибирь и Урал, с такими городами, как Москва, Санкт-Петербург и Сочи, с реками – Волгой и Амуром, озером Байкал и Каспийским морем. Респонденты отметили также географические места и политические объединения – СССР, Кремль, Красную площадь.

Среди личностей россиян бесспорным лидером по популярности у сербов является президент страны - Владимир Путин (68% опрошенных указали его как самого известного россиянина). Однако следует отметить, что представители русской культуры и спорта – русские писатели, ученые, спортсмены достаточно хорошо известны сербским студентам. В список выдающихся русских сербские студенты самостоятельно включали, как правило (от 10 до 20%) имена А.С. Пушкина, Л.Н. Толстого, Ф.И. Достоевского, иногда (до 10%) – Петра Великого, В.И. Ленина, И.В. Сталина, Ивана Грозного.

Заключение

Русские и сербские студенты имеют много общего в своих ответах на вопросы анкеты. Большинство из них осознают, что создание государственности у славянских народов происходило со времени формирования племенных союзов до образования ранних

государств (VI–XIV вв.), хотя образование таких государств у славян Южного и восточного направления в какой-то мере отличается по времени. И русские, и сербские студенты понимают, что православная религия, языки, принадлежащие к славянской группе, объединяют эти народы. Формирование соответствующих знаний осуществляется, в частности, на занятиях по дисциплине «История», которая ведется в обоих названных вузах. Преподавание истории в непрофильных вузах, имеет свою специфику, заключающуюся в синхронизации курса отечественной и всеобщей истории, сопоставлении ключевых событий и процессов государственной и мировой истории [15]. Особую актуальность при этом приобретает сопоставлении истории стран имеющих много общего в своем культурно-историческом наследии, как Россия и Сербия.

Список литературы

1. Баллер Э.А. Социальный прогресс и культурное наследие. СПб.: Наука, 1987. 160 с.
2. Баткин Л.М. Итальянские гуманисты: стиль жизни и стиль мышления. Москва: Наука, 1978. 200 с.
3. Дмитрук Анастасия *Никогда мы не будем братьями* // Белорусский партизан. 2015. 21 окт.
4. Матвеева Г.Ф., Ненашева З.С. История южных и западных славян: В 2 т. Т. 1. Средние века и Новое время. 2-е издание. М.: МГУ, 2001. 688 с.
5. Кононенко Б. И. Большой толковый словарь по культурологии. М.: Вече: АСТ, 2003. 509 с.
6. Кудрявцева Е.П. Россия и становление сербской государственности. 1812-1856 гг.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Москва, 2004. 34 с.
7. Петрова И.А., Кибасова Г.Б., Назаров А.А. Культурно-историческое наследие: современные трактовки понятия // Электронный научно-образовательный журнал ВГПУ «Грани познания». 2010. №4(9). http://grani.vspu.ru/files/publics/202_st.pdf
8. Писарев Ю.А. Образование Югославского государства. Освободительная борьба югославских народов против Австро-Венгрии. Крушение монархии Габсбургов. Москва: Наука, 1975. 416 с.

9. Пищик В.И. Психология трансформации ментальности поколений: автореф. дис. ... д-ра псих. наук. Ростов-на-Дону, 2010. 44 с.
10. Радојевич, Мира. Сербско-русские отношения (1914-1990) // Русский некрополь в Белграде: Символ исторической дружбы. Белград: Институт политического и экономического диалога, 2014. Р. 48-67.
11. Раннефеодальные государства и народности (южные и западные славяне. VI-XII вв.). М.: Наука, 1991. 263 с.
12. Сикевич З.И. Социология и психология межэтнических отношений. Санкт-Петербург: Издательский дом Михайлова В.А., 1999. 203 с.
13. Станојевић С. Историја Српскога народа. Београд, 1989.
14. Ђоровић В. Историја српскога народа. Београд, 1981.
15. Шабалина Ю.В. Преподавание дисциплины «История» в условиях спортивного вуза (на примере ФГБОУ ВО «Поволжская академия физической культуры, спорта и туризма» // Наука и спорт: современные тенденции. 2015. №1.
16. Юревич А.В., Ушаков Д.В. Нравственность в современной России // Психологические исследования: электрон. науч. журн. 2009. N 1(3). URL: <http://psystudy.ru/num/2009n1-3/41-yurevich3> (дата обращения: 20.10.2019).
17. Belgrade Center for Security Policy (2012) *Citizens of Serbia between EU, NATO and Russia*. Belgrade: Belgrade Centre for Security Policy.
18. Cox, J.K (2002) *The History of Serbia*. Westport: Greenwood Press.
19. ISAC Fund. (2010) *Russia Serbia Relations at the beginning of XXI Century*. (Z. Petrovic, Ed.) Beograd: ISAC Fund.
20. Judah, T. (2000) *The Serbs: History, Myth, and the Destruction of Yugoslavia*. Yale: University Press: New Haven.
21. Kay, Chloe. Contemporary Russian – Serbian Relations: Interviews with Youth from Political Parties in Belgrad And Vojvodina. URL: <https://geohistory.today/russian-serbian-relations-youth/> (дата обращения 26.11.2017).
22. McKenzie, D. (1967) / *The Serbs and Russian Pan-Slavism 1875-1878*. Ithica: Cornell University Press.

References

1. Baller E.A. *Social'nyj progress i kul'turnoe nasledie* [Social progress and cultural heritage]. Moscow: Nauka, 1987.
2. Batkin L.M. *Ital'janskije gumanisty: stil'zhizni i stil'myshlenija* [Italian humanists: lifestyle and thinking]. Moscow: Nauka: 1978. 200 p.
3. Dmitruk Anastasija. Nikogda my ne budembrat'jami [Never We Will Be Brothers]. *Belorusskij partizan*. 2015, 21 Oct.
4. Istorija yuzhnyh i zapadnyh slavyan [History of Southern and Western Slavs]: Vol. 1. *Srednie veka i Novoe vremya* [Middle Ages and New Time] / ed. G.F. Matveev, Z.S. Nenasheva. Moscow: MGU, 2001. 688 p.
5. Kononenko B.I. *Bol'shoj tolkovyj slovar' po kul'turologii* [Large explanatory dictionary on cultural studies]. Moscow: Veche: AST, 2003. 509 p.
6. Kudrjavceva E. P. *Rossija I stanovlenie serbskoj gosudarstvennosti. 1812-1856* [Russia and the formation of Serbian statehood. 1812-1856]. Moscow: 2004. 34 p.
7. Petrova I.A., Kibasova G.B., Nazarov A.A. *Grani poznaniya*, 2010, №4 (9). http://grani.vspu.ru/files/publics/202_st.pdf
8. Pisarev Ju.A. *Obrazovanie Jugoslavskogo gosudarstva. Osvoboditel'naja bor'ba jugoslavskih narodov protiv Avstro-Vengrii. Krushenie monarhii Gabsburgov* [The formation of the Yugoslav state. The liberation struggle of the Yugoslav peoples against Austria-Hungary. The collapse of the Habsburg monarchy]. Moscow, 1975.
9. Pishhik V.I. *Psihologija transformacii mental'nosti pokolenij* [Psychology of the transformation of the mentality of generations]. Rostov-na-Donu, 2010. 44 p.
10. Radojevich, Mira. Serbian – Russian Relations (1914-1990). *Russkij nekropol' v Belgrade: Simvol istoricheskoy družby* [Russian nekropol in Belgrade: symbol of historical friendship]. Belgrade: Institute of political and economic dialogue, 2014. P. 48-67.
11. *Rannefeodal'nye gosudarstva i narodnosti (yuzhnye i zapadnye slavyane. VI-XII vv)* [Early feudal states and nationalities (southern and western Slavs. VI-XII centuries)] / ed. G.G. Litavrin. Moscow: Nauka, 1991. 263 p.

12. Sikevich Z.I. *Sociologija i psihologija mezhjetnicheskikh otnoshenij* [Sociology and psychology of interethnic relations]. SPb: Izdatel'skij dom Mihajlova V.A., 1999. 203 p.
13. Stanojević C. *Istorija Srpskoga Naroda*. Beograd, 1989.
14. Thorovič V. *Istorija srpskog naroda*. Beograd, 1981.
15. Shabalina Yu.V. *Nauka i sport: sovremennye tendencii*. 2015. №1.
16. Jurevich A.V., Ushakov D.V. *Psihologicheskie issledovanija*. 2009. № 1(3). URL: <http://psystudy.ru/num/2009n1-3/41-yurevich3>
17. Belgrade Center for Security Policy (2012) *Citizens of Serbia between EU, NATO and Russia*. Belgrade: Belgrade Centre for Security Policy.
18. Cox, J.K (2002) *The History of Serbia*. Westport: Greenwood Press.
19. ISAC Fund. (2010) *Russia Serbia Relations at the beginning of XXI Century*. (Z. Petrovic, Ed.) Beograd: ISAC Fund.
20. Judah, T. (2000) *The Serbs: History, Myth, and the Destruction of Yugoslavia*. Yale: University Press: New Haven.
21. Kay, Chloe. Contemporary Russian – Serbian Relations: Interviews with Youth from Political Parties in Belgrad and Vojvodina. <https://geohistory.today/russian-serbian-relations-youth/>
22. McKenzie, D. (1967) / *The Serbs and Russian Pan-Slavism 1875-1878*. Ithica: Cornell University Press.

ДАнные ОБ АВТОРАХ

Салимов Алик Мухтарович, заведующий кафедрой социально-экономических и гуманитарных дисциплин, к.и.н, доцент
*ФГБОУ ВО «Поволжская академия физической культуры, спорта и туризма»
Деревня Универсиады, 35, г. Казань, 420010, Республика Татарстан, Российская Федерация
salimov-kazan@list.ru*

Пайгунова Юлия Владимировна, доцент кафедры педагогики и психологии, к. псих. н.
ФГБОУ ВО «Поволжская академия физической культуры, спорта и туризма»

Деревня Универсиады, 35, г. Казань, 420010, Республика Татарстан, Российская Федерация
paigunova@yandex.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Salimov Alik Mukhtarovich, Head of the Department of Social, Economic and Humanitarian Studies
Volga Region State Academy of Physical Culture, Sports and Tourism
35, Universiade Village, Kazan, 420010, Republic of Tatarstan, Russian Federation
salimov-kazan@list.ru

Paigunova Julia Viktorovna, PhD in Psychological sciences, Associate Professor of Social, Economic and Humanitarian Studies
Volga Region State Academy of Physical Culture, Sports and Tourism
35, Universiade Village, Kazan, 420010, Republic of Tatarstan, Russian Federation
paigunova@yandex.ru
SPIN-code: 4700-9280
ORCID: 0000-0003-4104-8919

DOI: 10.12731/2077-1770-2019-3-162-169

УДК 94 (47)

ТАЙНОЕ ОБЩЕСТВО ДЕКАБРИСТОВ В ОТДЕЛЬНОМ КАВКАЗСКОМ КОРПУСЕ

Цымрина Т.В.

Цель. Тема данной статьи – тайное общество в Отдельном Кавказском корпусе. Цель – выяснить, существовало ли оно в действительности.

Метод или методология проведения работы. Метод исследования – изучение письменных источников: следственного дела декабристов и мемуаров одного из лидеров Южного тайного общества С.Г. Волконского.

Результаты. Вопрос о тайном обществе на Кавказе является спорным. П.Е. Щёголев отрицал существование тайного общества в Кавказском корпусе, а все сведения о нём считал вымыслом А.И. Якубовича. М.В. Нечкина не утверждала, что тайное общество на Кавказе действительно существовало, но доказала, что вокруг командующего корпусом генерала А.П. Ермолова сложился круг образованных и свободомыслящих офицеров, и декабристы надеялись на участие Кавказского корпуса в восстании. Она отмечала незавершённость следствия по этому делу и объясняла это страхом Николая I и его окружения перед А.П. Ермоловым. О.И. Киянская разделяет мнение П.Е. Щёголева. Источники позволяют сделать вывод, что в Отдельном Кавказском корпусе не было тайного общества, как сложившейся организации, которая вела практическую деятельность и могла принять участие в восстании декабристов. Однако в ближайшем окружении командующего корпусом генерала А.П. Ермолова существовал неоформленный круг образованных и свободомыслящих офицеров. Следствие по делу о тайном обществе на Кавказе не было завершено.

Область применения результатов. Результаты исследования могут быть применены в учебном процессе при преподавании курса отечественной истории XIX в.

Ключевые слова: декабристы; тайное общество; Отдельный Кавказский корпус.

THE SECRET SOCIETY OF DECEMBRISTS IN THE CAUCAS CORPS

Tsymrina T.V.

Purpose. *The theme of this article is the secret society in the Detached Caucas corps. The purpose of it is to research, did it exist in reality.*

Methodology. *The method of researching is studying of written sources: the materials of the case of Decembrists and the memories by the one of leaders of the South secret society S. G. Volkonsky*

Results. *The existing of it is a disputable question in the history science. P.E. Shegolev denied existing of the secret society in the Detached Caucas corps and regarded all information about it as a fantasy by A.I. Yakubovich. M.V. Nechkina did not assert that the secret society in the Caucas corps really existed, but she proved, that there was a circle of well-educated and free-thinking officers in the environment of the general A.P. Ermolov, and Decembrists had hope, that the corps will take part in the insurrection. She maintained that the Investigation of this case was not finished, and explained this fact by fear the Nicolas I and his environment of the general A.P. Ermolov. O.I. Kiyanskaya is agreeing with P.E. Shegolev. The sources allow to make a conclusion, that there was no the secret society in the Caucas corps as the formatted organization, which conducted a practical activity and could to take part in the insurrection of Decembrists, but there was nonformatted circle of well-educated and free-thinking officers in the nearest environment of the commander of the corps general A. P. Ermolov. Investigation of this case was not finished.*

Practical implications. *The results of the study can be applied in the educational process when teaching the course of Russian history of the XIX century.*

Keywords: *Decembrists; secret society; Detached Caucas corps.*

Введение

Одним из спорных и наименее изученных вопросов истории движения декабристов является вопрос о тайном обществе в Отдельном Кавказском корпусе. Впервые в отечественной историографии эту проблему поставил П.Е. Щёголев. Он опирался на воспоминания и показания С.Г. Волконского. П.Е. Щёголев отрицал существование тайного общества на Кавказе [11, с. 37–39]. М.В. Нечкина не утверждала, что тайное общество в Кавказском корпусе действительно было, но доказала, что вокруг командующего корпусом генерала А.П. Ермолова сложился круг единомышленников – образованных и свободомыслящих офицеров. М.В. Нечкина предполагала, что декабристы стремились установить связь с Отдельным Кавказским корпусом, чтобы во время восстания он не нанёс революционным войскам удар во фланг при движении их к Москве. Наиболее желательным для декабристов было присоединение корпуса к восстанию, что в значительной степени способствовало бы его победе. По мнению М.В. Нечкиной, роль посредника между Южным тайным обществом и А.П. Ермоловым декабристы отводили А.С. Грибоедову. М. В. Нечкина отмечала незавершённость следствия по делу о тайном обществе на Кавказе и объясняла это страхом царя перед А.П. Ермоловым [9, с. 191–223, 462 – 463. 10, с. 70–74, 90]. О.И. Киянская отрицает существование тайного общества в Отдельном Кавказском корпусе и все сведения о нём считает вымыслом А.И. Якубовича [8, с. 84].

Материалы и методы

Решить этот вопрос можно только на основании исторических источников. Основным источником по истории тайного общества в Кавказском корпусе является следственное дело, опубликованное в 19-м томе сборника «Восстание декабристов». Сведения о нём содержатся также в следственных делах П.И. Пестеля, С.Г. Волконского, В.Л. Давыдова, А.В. Поджио, А.И. Якубовича и в воспоминаниях С. Г. Волконского. Воспоминания С.Г. Волконского – единственный мемуарный источник, в котором упоминается

Кавказское тайное общество. На следствии все декабристы отрицали его существование.

Метод исследования – изучение письменных источников: следственного дела декабристов и мемуаров одного из лидеров Южного тайного общества С.Г. Волконского.

Результаты и обсуждение.

В апреле 1824 г. М.И. Муравьев-Апостол сообщил П.И. Пестелю и А.В. Поджио о тайном обществе в Отдельном Кавказском корпусе. В мае того же года А.В. Поджио побывал на Кавказе, но ему не удалось ни установить связь с тайным обществом, ни узнать о нём подробнее [6, с. 34, 50, 79]. Летом 1824 г. С.Г. Волконский отправился на Кавказ, чтобы проверить сведения о существовании в Кавказском корпусе тайного общества. Он познакомился с капитаном А.И. Якубовичем, переведённым на Кавказ из гвардии за участие в дуэли В.В. Шереметева и А.П. Завадовского в качестве секунданта. А.И. Якубович рассказал С.Г. Волконскому, что на Кавказе существует тайное общество, целью которого является политическая революция в России. По словам А.И. Якубовича, оно планировало поддержать восстание, начавшееся в столице, а в случае неудачи отделить Кавказ от России и создать самостоятельное государство во главе с генералом А.П. Ермоловым, главнокомандующим русскими войсками на Кавказе. В случае крайней опасности было решено уйти в Среднюю Азию, завоевать её и создать там новое государство [1, с. 415].

По словам А.И. Якубовича, члены тайного общества делились на три разряда: 1) правление, 2) исполнительную власть, 3) рядовых членов. В первый разряд входили 4–8 человек, во второй – 8–16, количество членов третьего разряда не было ограничено. Общество состояло из офицеров штаба Кавказского корпуса, близких к А.П. Ермолову, но сам генерал не знал о его существовании. Из членов тайного общества А.И. Якубович назвал только Н.П. Воейкова и В.Ф. Тимковского. Кавказское тайное общество планировало вести пропаганду среди солдат и предполагало использовать для этого разжалованных офицеров [5, с. 123–125].

С.Г. Волконский предложил А.И. Якубовичу присоединить Кавказское общество к Южному. А.И. Якубович отверг это предложение, но согласился на совместные действия во время восстания. С.Г. Волконский и А.И. Якубович договорились поддерживать связь через В.Л. Давыдова. Однако после этого ни С.Г. Волконский, ни В.Л. Давыдов не получили от А.И. Якубовича ни одного письма. По возвращении с Кавказа С.Г. Волконский представил Директории Южного общества подробный отчёт, в котором передал сведения, полученные от А.И. Якубовича. А. В. Поджио побывал на Кавказе, встречался с Н.П. Воейковым и пришёл к выводу, что никакого тайного общества в Кавказском корпусе нет [1, с. 414–416. 3, с. 295. 4, с. 117–119. 5, с. 105, 123–125, 154, 204].

Впоследствии С.Г. Волконский сомневался в достоверности рассказа А.И. Якубовича и назвал его «эпопеей, сродни его умственному направлению» [1, с. 416]. В мае 1825 г. А.И. Якубович приехал в Петербург и сообщил К. Ф. Рылееву, А.А. Бестужеву и А.И. Одоевскому о своём намерении убить царя, но о Кавказском тайном обществе не упомянул ни словом и на следствии отрицал его существование [2, с. 181–182, 434. 7, с. 369–370]. А.С. Грибоедов в разговоре с К.Ф. Рылеевым также отрицал существование тайного общества на Кавказе [10, с. 8]. Никто из членов Северного общества ничего не знал о нём [7, с. 370–373]. В декабре 1825 г. никаких волнений в Кавказском корпусе не было [3, с. 281, 289]. Следствие также пришло к выводу, что Кавказское тайное общество – плод фантазии А.И. Якубовича: «По делу известно, что капитан Якубович сам выдумал существование Кавказского общества и сообщил Волконскому ложные известия, что подполковник Поджио, бывший на Кавказе после Волконского и старавшийся узнать о сем достовернее, не нашёл никаких признаков, чтобы находилось там какое-либо общество. Показания Воейкова, который был допрошен, подтверждает признание Якубовича и слова Поджио» [5, с. 176]. Следствие по делу о тайном обществе в Кавказском корпусе велось весьма небрежно и продолжалось всего четыре дня. Всем членам Верховной думы Северного общества: К.Ф. Рылееву, Е.П. Оболенскому, Н.М. Муравьёву и С.П. Трубецко-

му и председателю московской управы, одному из руководителей восстания 14-го декабря 1825 г. И.И. Пущину были заданы одни и те же вопросы. Следственный комитет допрашивал лидеров Северного общества, вероятно, исходя из их положения в нём и не имея никаких сведений об их связи с Кавказским тайным обществом. Из лидеров Южного общества по этому делу допрашивали только П.И. Пестеля, хотя он знал о тайном обществе на Кавказе со слов С.Г. Волконского. Таким образом, Следственный комитет допрашивал тех, кто не мог дать никаких сведений о тайном обществе в Кавказском корпусе. Из тех, кто мог дать такие сведения, к следствию были привлечён только А.И. Якубович. Его показания не были проверены. Показаний Н.П. Воейкова в данном следственном деле нет. Как отметила М.В. Нечкина, дело о тайном обществе в Отдельном Кавказском корпусе заметно отличается от других следственных дел декабристов и по объёму, и по структуре [10, с. 90]. Всё это подтверждает её вывод о незаконченности следствия по данному делу и об отсутствии у следователей желания выяснять истину.

Заключение

Следует согласиться с выводом М.В. Нечкиной о существовании в Отдельном Кавказском корпусе неоформленного круга свободомыслящих офицеров, близких к генералу А.П. Ермолову. Но тайного общества, то есть революционной организации с определённой программой, уставом, организационной структурой и фиксированным членством, которая вела бы практическую революционную деятельность, на Кавказе не было.

Информация о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Информация о спонсорстве. Исследование не имело спонсорской поддержки.

Список литературы

1. Волконский С.Г. Записки. СПб.: Издание князя М.С. Волконского. Синодальная типография, 1901 г. 560 с.

2. Восстание декабристов. Т. 1. М.: Государственное издательство, 1925. 540 с.
3. Восстание декабристов. Т. 2. М.: Государственное издательство, 1926. 424 с.
4. Восстание декабристов. Т. 4. М.: Государственное издательство, 1927. 486 с.
5. Восстание декабристов. Т. 10. М.: Государственное издательство политической литературы, 1953. 335 с.
6. Восстание декабристов. Т. 11. М.: Государственное издательство политической литературы, 1954. 436 с.
7. Восстание декабристов. Т. 19. М.: РОССПЭН, 2001. С. 367–376.
8. Киянская О.И. Пестель. М.: «Молодая гвардия», серия ЖЗЛ, 2005. 355 с.
9. Нечкина М.В. А.С. Грибоедов и декабристы. М.: Издательство АН СССР, 1951. 626 с.
10. Нечкина М.В. Следственное дело А.С. Грибоедова. М.: «Мысль», 1982. 104 с.
11. Щёголев П.Е. А.С. Грибоедов и декабристы (по архивным материалам). СПб.: Издание А. С. Суворина, 1905. 94 с.

References

1. Volkonsky S.G. *Zapiski* [The memories]. S-Petersburg: Published by the prince M.S. Volkonsky. Synodalnaya tipografiya Publ., 1901. 560 p.
2. *Vosstanye dekabristov* [The insurrection of Decembrists]. Vol. 1. Moscow: Gosudarstvennoye izdatelstvo Publ., 1925. 540 p.
3. *Vosstanye dekabristov* [The insurrection of Decembrists]. Vol. 2. Moscow: Gosudarstvennoye izdatelstvo Publ., 1926. 424 p.
4. *Vosstanye dekabristov* [The insurrection of Decembrists]. Vol. 4. Moscow: Gosudarstvennoye izdatelstvo Publ., 1927. 486 p.
5. *Vosstanye dekabristov* [The insurrection of Decembrists]. Vol. 10. Moscow: Gosudarstvennoye izdatelstvo politicheskoy literatury Publ., 1953. 335 p.
6. *Vosstanye dekabristov* [The insurrection of Decembrists]. Vol. 11. Moscow: Gosudarstvennoye izdatelstvo politicheskoy literatury Publ., 1954. 436 p.

7. *Vosstanye dekabristov* [The insurrection of Decembrists]. Vol. 19. Moscow: ROSSPEN Publ., 2001. p. 367–376.
8. Kiyanskaya O.I. *Pestel*. Moscow: Molodaya gvardiya Publ., 2005. 355 p.
9. Nechkina M.V. *A.S. Griboedov i Dekabristy* [A.S. Griboedov and Decembrists]. Moscow: The Academy of Sciences of USSR Publ., 1951. 626 p.
10. Nechkina M.V. *Sledstvennoe delo Griboedova* [The case of A.S. Griboedov]. Moscow: Mysl Publ., 1982. 104 p.
11. Shegolev P.E. *A.S. Griboedov i Dekabristy (po arkhivnym materialam)* [Griboedov and Decembrists (by archive materials)]. S-Petersburg: Published by A.C. Suvorin, 1905. 94 p.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Цымырина Татьяна Валерьевна, преподаватель истории, кандидат исторических наук
Таганрогский филиал учебного центра «Годограф»
ул. Дзержинского, 154/2а, г. Таганрог, Ростовская область,
347924, Российская Федерация
tvc71@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Tsymrina Tatyana Valerevna, teacher of history, Ph. D. in History
Taganrog department of the study center “Godograf”
154/2a, Dzerzhinsky Str., Taganrog, Rostov Region, 347924, Russian Federation
tvc71@mail.ru

DOI: 10.12731/2077-1770-2019-3-170-190

УДК 94(47)

ОБЩЕСТВЕННЫЙ КАПИТАЛ НАЛЬЧИКСКОГО ОКРУГА В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Пазов И.С.

Цель. В статье исследуются особенности развития общественного капитала в Нальчикском округе Терской области в 1905–1917 гг. Автор ставит целью раскрыть особенности развития системы общественного капитала Нальчикского округа на примере деятельности общественных ссудных касс и кредитных товариществ, анализ данных типов учреждений проводится при учете экономических, территориальных и этнополитических особенностей округа.

Методы. Методологической основой исследования выступает системный подход, предполагающий рассмотрение общественного капитала как структуры, состоящей из двух основных систем (учреждений), выявление их особенностей и различий, а также анализ механизма их взаимодействия с финансовой системой округа. Каждое учреждение рассматривается в качестве отдельного общественно-финансового объединения, совокупность средств которых использовались по осуществлению экономических функций округа.

Для более подробного изучения системы общественного капитала, используется метод экономического анализа, основанного в разборе составных элементов финансовых и статистических данных о Кабардинской общественной сумме и кредитных товариществах.

С помощью анализа финансовых данных происходит сопоставление с общими показателями сальдо, что представляет информацию всего состояния общественного капитала и движения внутри него средств за рассмотренный период.

Использование указанного выше метода лежит в основе системного подхода, который впервые применяется при изучении тематики исследования, что позволяет акцентировать внимание на конкретном историческом аспекте рассматриваемой проблемы.

Статья подготовлена на основе материалов Центрального государственного архива Кабардино-Балкарской Республики (ф. И-6 «Управление Нальчикского округа» и ф.И-26 «Казначей Кабардинской общественной суммы»).

Результаты. Установлено, что общественные ссудные учреждения, создавались для удовлетворения потребностей в кредите сельского (крестьянского) населения. Суммы, составлявшие их капиталы, дифференцированы на: 1) принадлежавшие крестьянам, 2) выдаваемые правительством, 3) вносимые на вклады. Особое внимание уделено Кабардинской общественной сумме, так как это было первое учреждение общественного капитала в округе. Рассмотрена сфера деятельности и статус кредитных товариществ в Нальчикском округе. Сделано предположение, что на базе Кабардинской общественной суммы мог быть создан первый крупный народный банк на территории округа. Показано, что преобразованию общественной суммы в банк препятствовали не завершенность процесса подготовки устава и разработки регламента его деятельности. Сделан вывод, что наиболее результативной была деятельность кредитных товариществ округа, причина роста доходов и вкладов в которых заключалась в нужде сельских производителей в кредите, а также – поддержке населения, активно вкладывавшего туда свои сбережения.

Область применения результатов. Результаты данного исследования могут быть использованы в образовательном процессе и научно-исследовательской деятельности, касающейся вопросов изучения истории экономики и кооперативного движения в северокавказском регионе.

Ключевые слова: Российская империя; история экономики; Кабардинская общественная сумма; Нальчикский округ; кооперация; кредит; касса.

SOCIAL CAPITAL NALCHIK DISTRICT IN THE EARLY XX CENTURY

Pazov I.S.

The purpose. *The article explores the features of the development of social capital in the Nalchik district of the Terek region in 1905–1917. The author aims to disclose the features of the development of the public capital system of the Nalchik district by the example of the activities of public loan offices and credit partnerships, the analysis of these types of institutions is carried out taking into account the economic, territorial and ethnopolitical features of the district.*

Methods. *The methodological basis of the study is a systematic approach, which involves the consideration of social capital as a structure consisting of two main systems (institutions), the identification of their characteristics and differences, as well as an analysis of the mechanism of their interaction with the financial system of the district. Each institution is considered as a separate socio-financial association, the totality of the funds of which were used to implement the economic functions of the district.*

For a more detailed study of the system of social capital, the method of economic analysis is used, based on the analysis of the constituent elements of financial and statistical data on the Kabardian public sum and credit partnerships. With the help of financial data analysis, a comparison is made with the overall balance indicators, which provides information on the entire state of social capital and the movement of funds within it for the period under review.

The use of the above method underlies the systematic approach, which is first used in the study of research topics, which allows focusing on the concrete historical aspect of the problem under consideration.

Article is prepared on the basis of materials from the Central State Archive of the Kabardino-Balkarian Republic (f. I-6 “Management of the Nalchik District” and f. I-26 “Treasurer of the Kabardino Public Amount”).

Results. *During the research it was established that public lending institutions were created to satisfy the loan needs of the rural (peasant) population. The amounts that made up their capital are differentiated into: 1) owned by peasants, 2) issued by the government, 3) deposited. Particular attention is paid to the Kabardian public sum, as this was the first public capital institution in the district. The scope and status of credit partnerships in the Nalchik district are considered. The assumption is made that on the basis of the Kabardian public sum the first large national bank in the district could be created. It is shown that the transformation of the public sum into a bank was hindered by the incompleteness of the process of preparing the charter and the development of regulations for its activities. It is concluded that the most productive activity was the credit partnerships of the district, the reason for the growth of income and deposits in which was the need of rural producers for loans, as well as the support of the population, who actively invested their savings there.*

Scope of results – *Results of this research can be used in educational process and research activities related to the study of the history of the economy and the cooperative movement in the North Caucasus region.*

Keywords: *Russian empire; history of economics; Kabardian public sum; Nalchik district; cooperation; credit; cash desk.*

Введение

Начало XX века – переходный этап в российской истории. На этом этапе происходили трансформации общественной системы связанных с усовершенствованием и кардинальными изменениями в экономической сфере. В последние десятилетия актуализировалось исследование модернизационных процессов и социально-экономического развития страны в целом и регионов в 1905–1917 годах. Однако основное внимание дореволюционных и советских исследователей было обращено на изучение вопросов истории крупного капитала в Российской империи, деятельность которого в основном была направлена на сельскохозяйственный и промышленный сектор, но не было исследовано локально, на уровне раз-

вивающихся российских регионов в начале XX века, большинство учреждений общественного капитала и мелкого кредита. Актуальность исследования развития общественного капитала в России определяется повышением научного интереса к локальной истории, развитием региональных исследований, посвященных изучению прошлого отдельных областей и регионов страны. Исследование общественного капитала в Нальчикском округе в начале XX века вызывает большой научный интерес, так как накопленный опыт и знания по данной проблематике имеют определенный потенциал для понимания истоков возникновения и развития современной финансовой системы Кабардино-Балкарской республики.

Материалы и методы

Основной группой источников для исследования поставленной проблемы выступают делопроизводственные документы управления Нальчикского округа (материалы Центрального государственного архива Кабардино-Балкарской Республики (ф. И-6 «Управление Нальчикского округа» и ф. И-26 «Казначей Кабардинской общественной суммы»). В их числе: материалы годовых статистических отчетов, общие обзоры к годовым статистическим отчетам, годовые отчеты о состоянии Кабардинской общественной суммы и т.п. Эти материалы позволили выявить основные особенности состояния общественного капитала в Нальчикском округе в начале XX в.

Методологической основой исследования выступает системный подход, предполагающий рассмотрение общественного капитала как структуры, состоящей из двух основных систем (учреждений), выявление их особенностей и различий, а также анализ механизма их взаимодействия с финансовой системой округа. Каждое учреждение рассматривается в качестве отдельного общественно-финансового объединения, совокупность средств которых использовались по осуществлению экономических функций округа.

Для более подробного изучения системы общественного капитала, используется метод экономического анализа, основанного в разборе составных элементов финансовых и статистических данных о

Кабардинской общественной сумме и кредитных товариществах. С помощью анализа финансовых данных происходит сопоставление с общими показателями сальдо, что представляет информацию всего состояния общественного капитала и движения внутри него средств за рассмотренный период.

Использование указанного выше метода лежит в основе системного подхода, который впервые применяется при изучении тематики исследования, что позволяет акцентировать внимание на конкретно-историческом аспекте рассматриваемой проблемы.

Обсуждение проблемы

В современном кавказоведении специальные работы, посвященные исследованию общественного капитала Нальчикского округа, в целом, отсутствуют. Вместе с тем, в исторической литературе отдельные аспекты данной проблемы рассматривались в контексте изучения административных и экономических вопросов. При этом в историографии проблемы можно выделить дореволюционный, советский и современный период.

В дореволюционной историографии наиболее обстоятельный обзор формирования народного кредита был дан в работе Г. Баева [3]. Примечательно, что в ней приведена и характеристика Кабардинской общественной суммы.

В советский период данная тема изучалась фрагментарно. Большинство исследований было посвящено проблеме экономического развития Нальчикского округа в целом (например, работы Т.Х. Кумыкова [9], В.Н. Ратушняка [13] и др.). Однако, следует особо выделить труд Г.Х. Мамбетова [10], в котором были рассмотрены развитие и деятельность кредитных товариществ в Кабарде и Балкарии к началу XX века.

В современной историографии некоторые аспекты поставленной проблемы затрагивались в трудах А.К. Кириллова [8], И.Н. Рыкова [14], О.В. Моисеевой [11], Е.С. Бочкарева [4], Ж. А.Калмыкова [7], З.Ж. Глашевой [6], А.Х. Абазова [1], а также в таких обобщающих научных трудах, как «Века совместной истории» [5]. Особенно сле-

дует отметить исследования С.А. Айларовой [2] и Д.Н. Прасолова [12], посвященные изучению проблемы развития кредитной кооперации в Терской области в начале XX в. В них были отражены некоторые особенности функционирования общественного (народного) капитала Нальчикского округа в коллаборации с такими органами общественного управления, как Съезд доверенных Большой и Малой Кабарды и пяти горских обществ.

Результаты

В настоящей работе «общественный капитал» как объект исследования понимается в широком смысле как совокупность связанных между собой индивидуальных капиталов, складывавшихся на разных этапах исторического процесса. Общественный капитал функционировал в трёх формах: денежной, производственной и товарной, а взаимообусловленный оборот индивидуальных финансовых средств осуществлялся на рынке товаров, рабочей силы и ссудного капитала.

К началу XX века общественный капитал в Нальчикском округе Терской области формировался и поддерживался в основном общественными ссудными кассами и кредитными товариществами. Рынок ссудного капитала в то время представлял собой оборот временных свободных денежных средств от производства к производству, из отрасли в отрасль, обеспечивая поток инвестиций. Ссудные кассы использовались для формирования народного капитала за счет денежных сбережений всех слоев общества. Например, в начале XX в. благодаря займам и доходам от эксплуатации Зольских пастбищ Нальчикского округа, внутри Кабардинской общественной суммы формировались сбережения, которые шли, в том числе, и на финансирование разных отраслей экономики округа. Что касается кредитных товариществ, то ими на рынке товаров происходила реализация и обмен между индивидуальными капиталами. На основе этого население осуществляло сбор финансовых средств, поступавших в кассы товариществ в виде отдельных сбережений, предоставляя каждому товариществу возможности не пользоваться краткосроч-

ными кредитами из Государственного банка, а размещать избыток средств в общественном капитале, используя их для удовлетворения хозяйственных потребностей округа.

Период 1905–1917 гг. наиболее значим для развития общественного капитала, так как именно в это время был разработан проект реорганизации Кабардинской общественной суммы в банк, благодаря накоплению крупных финансовых средств, а также произошел рост кредитных товариществ внутри самого Нальчикского округа. Такая локализация объекта исследования обосновывается тем, что именно на данной территории в 1856 году стали складываться первые формы общественного капитала. Это отличало его от соседних территорий, где вплоть до начала XX века не существовало его прямых аналогов. Например, в истории формирования общественного капитала во второй половине XIX – начале XX в. предпринимались попытки создания Осетинской общественной суммы на подобие Кабардинской в соседнем Владикавказском округе. Однако отсутствие локальных нормативных документов и четких механизмов функционирования суммы делало невозможным организацию этого финансового института [3, с. 35]. Также следует отметить, что в рассматриваемый период на территории Нальчикского округа существовало значительное количество кредитных товариществ (20) в Терской области, конкурируя лишь с Пятигорскими (20) и Владикавказскими (29) [2, с. 5]. Это демонстрирует достаточно интенсивную динамику развития кредитных товариществ округа в Северокавказском регионе, что объясняет необходимость их детального рассмотрения в качестве самостоятельного явления. Кроме того, в истории формирования и развития народного капитала известны факты создания локальных общественных сумм на территории Терской области в начале XX в. Например, созданный в 1902 году Ольгинский сельский банк объединял средства общественного капитала селений Владикавказского округа. Однако банк имел оборот в 13 тыс. руб., когда как у Кабардинской общественной суммы к рассматриваемому периоду в оборотных средствах находилось 146 тыс. руб. [3, с. 33;37].

В условиях перехода к рыночным отношениям успех ведения сельского хозяйства крестьянами зависел от двух важных факторов: наличие оборотного капитала и усовершенствованной техники. Как следствие, главной задачей в улучшении аграрного сектора заключались проблемы создания дешевой и доступной системы кредитования – услуги, которой предоставлялась бы на территории округа общественными ссудными кассами и кредитными товариществами.

Изучение истории общественного капитала в Нальчикском округе можно начинать со времени учреждения общественных ссудных касс в 1856 г. Общественные ссудные учреждения создавались для удовлетворения потребностей в кредите сельского (крестьянского) населения. Их капиталы составлялись из сумм: 1) принадлежавших крестьянам, 2) выдаваемых правительством, 3) вносимых на вклады.

В 1856 г. Кавказским наместником князем А.И. Барятинским было утверждено специальное «Положение об управлении кабардинской общественной суммы» основной функцией, которой было упорядочить распорядок и работу общественной суммы. Положение состояло из 27 статей, где статьи 14-ая и 28-ая лежали в основе организации общественного капитала. Анализ содержания Положения показывает, что часть доходов кабардинской суммы назначалась на кредитное обращение среди жителей округа. До проведения административной реформы 60-х гг. XIX века на Северном Кавказе учрежденная в Кабарде общественная сумма находилась в ведении штаба войск Левого крыла Кавказской линии.

Займы из общественной суммы осуществлялись следующим образом. Желая занять деньги подавал прошение в суд с представлением залога и поручителей. Затем полученное свидетельство представлялось «при другом прошении начальнику округа с залогом или без него, смотря по роду залогов» [3, с. 32]. После этого выдавалась занимаемая сумма, которая оценивались в половину стоимости залога (ст. 22) [3, с. 32]. В качестве залога при займе денег могли быть приняты драгоценные камни, золотые и серебряные вещи, оружие, табуны и стада (ст. 16) [3, с. 31–32]. Залог дра-

гоценными камнями, золотыми и серебряными изделиями и оружием подлежал оценке в суде (Кабардинском окружном народном (1858–1870), Нальчикским горским словесным (1871–1917)), принятию в отделении. После чего из кассы выдавалась сумма, равная половине оценочной суммы залога (ст. 18) [3, с. 32]. В некоторых случаях практиковалось поручительство. При этом устанавливался ряд ограничений в отношении поручителей. Например, поручителями не могли быть те, кто являлся залогодателем собственности или имел большие долги (ст. 20) [3, с. 32]. Эти сведения собирались членами Кабардинского окружного народного, а впоследствии Нальчикского горского словесного судов, а также «на их ответственности лежала секретная растрата поручителями своего имущества после представления поручительства» (ст. 21) [3, с. 32].

Максимальный срок для возврата кредита – не более 3-х лет, а проценты вносились ежегодно вперед (ст. 24). Штраф за просрочку выплаты полагался в размере седьмой части займа [3, с. 32]. Подробные сведения о приходе и расходе общественной суммы ежемесячно предоставлялись в Терское Областное Правление. Данное положение действовало без изменений в период 1856–1917 гг.

Источниками пополнения общественной суммы являлись денежные штрафы, взимаемые с правонарушителей, проценты с кредитных сумм и штрафы за несвоевременное возвращение кредитов. Однако основной статьей пополнения общественных сумм являлись доходы, поступавшие с использования Зольских и Нагорных пастбищ и Кабардинского лесничества .

Общественная сумма расходовала свои финансы для обеспечения аппарата окружных судей, лесничества, хозяйственной комиссии, учителей Нальчикской окружной школы, Нальчикской гауптвахты, строительство и ремонт дорог, мостов, общественных зданий и др. Кабардинской Общественной суммой заведовал казначей, который избирался Съездом доверенных Большой и Малой Кабарды и Пяти горских обществ сроком на три года [7, с. 126]. Свою деятельность он осуществлял посредством решений, принимаемых на ежегодных съездах доверенных, где утверждался порядок хра-

нения и расходования общественных сумм, предписанные распоряжениями начальника округа. Казначей находился под контролем Съезда доверенных и начальника округа [15, Оп.1. Д. 695. Л.125].

Однако, для более подробного изучения Кабардинской общественной суммы следует рассмотреть ее место в финансовой системе Нальчикского округа, так как общественная сумма, как указано выше, была составной частью аппарата управления округом.

До 1905 года существовала достаточно громоздкая и многоступенчатая система функционирования финансовых институтов в окружном правлении. На первом уровне находились окружные органы власти и податной инспектор Ставропольской казенной палаты, основной задачей которых был сбор отчетной документации всех налоговых поступлений и отправки их в Терское областное правление и в отделение Ставропольской Казенной палаты. На втором уровне находился казначей Кабардинской общественной суммы, в подведомственности которого состояло управление финансами общественной и штрафной окружной сумм. 22 января 1910 года, после основания Нальчикского казначейства, данные институты были разделены. Казначейство вместе с податным инспектором Ставропольской казенной палаты были интегрированы в аппарат управления округом. Однако, как и прежде, казначейство предоставляло отчеты из управления о всех налоговых сборах в Казенную палату Ставрополя. А Кабардинская Общественная сумма стала отдельным общественным объединением, ведавшим финансово-хозяйственными вопросами Нальчикского округа и оказывавшим помощь нуждающейся части населения округа в виде ссуд под проценты [15, Оп.1. Д. 695. Л.125].

В начале XX в. на рассмотрение областного начальства был предоставлен проект реорганизации Кабардинской общественной суммы в Кабардино-горский общественный банк. Еще 29 октября 1905 г. Съезд доверенных Большой и Малой Кабарды и Пяти горских обществ направил в Терское областное правление докладную записку, в которой был указан ряд мероприятий по улучшению общественного и экономического положения населения Нальчикского округа.

В числе предлагаемых мер отмечалась необходимость изъятия «из ведения местной администрации кабардинской общественной суммы» и образования на ее основе «кабардинско-горского общественного банка, при котором существовали бы сельскохозяйственные склады для снабжения населения сельскохозяйственными орудиями за умеренную цену и на льготных условиях» [15, Оп. 1. Д. 691, Л. 5].

Для положительного решения этого вопроса Окружная администрация должна была представить в областное правление справку о наличии уставного капитала и движении финансовых средств Кабардинской общественной суммы. 6 сентября 1905 года в справке под № 8686 указывалось, что доходными статьями суммы были:

- 1) 10 $\frac{1}{2}$ коп. поземельного сбора за Зольские и Горские пастбища – 25 752 руб. 60 коп.;
- 2) от эксплуатации леса и отдачи под покос и выпас скота лесных полей – 9569 руб. 16 коп.;
- 3) процент с капитала, выданного в ссуду жителям и штрафов за просрочку уплаты ссуд – 695 руб.
- 4) процент с капитала, находящегося во Владикавказском отделении Государственного банка в 46 600 руб. – 1770 руб. Итого – 37 786 руб. 76 коп. [15, Оп. 1. Д. 691. Л. 6].

На статьи расхода было направлено 41 249 руб. 58 коп., в том числе: на содержание Нальчикской окружной горской школы – 4650 руб.; на стипендии в средних учебных заведениях – 2 400 руб.; на преобразование Нальчикской окружной горской школы в учебное заведение имени императора Александра III – 6 100 руб. [15, Оп. 1. Д. 691. Л. 6].

К справке прилагалась сопроводительная ведомость о состоянии кабардинской общественной суммы. На основании анализа ее содержания видно, что по состоянию на 1 сентября 1905 г. имелся остаток средств примерно в размере – 145 988 руб. 99 коп. В том числе:

1. долг за жителями округа по ранее выданным ссудам – 17 362 руб. 25 коп.;
2. долг по особой ведомости за разными лицами и учреждениями – 3 071 руб. 28 коп.;

3. средства, хранящиеся во Владикавказском отделении Государственного банка на школу имени императора Александра III по книжке за № 2988 – 51 178 руб. 50 коп.;

4. средства, хранящиеся там же на основании расписки от 30 мая 1905 года за № 9340 – 46 600 руб.;

5. средства, хранящиеся там же по книжке за № 4163 – 27 777 руб. 18 коп. Остаток в кассе по состоянию на указанную дату составил 5 416 руб. 99 коп. [15, Оп. 1. Д. 691. Л. 6].

Однако Терское областное управление оставило ходатайство о преобразовании общественной суммы в банк без удовлетворения. Кроме того, такая реорганизация была бы не возможна без подготовки устава предполагаемого банка и проекта правил о приходе, расходе и хранении денежных сумм на случай передачи их в распоряжение самого народа. Терское областное правление определило: «вопрос об учреждении кабардинского народного банка и сельскохозяйственных складов при нем за неимением необходимых для решения этого вопроса данных оставить открытым» [15, Оп. 1. Д. 691. Л. 6].

Несмотря на то, что проект создания банка оставался открытым и в последующее время, о движении финансовых средств внутри общественной суммы в 1906–1917 гг. можно судить на основе данных материалов годовых статистических отчетов, хранившихся в управлении Нальчикского округа и у казначея кабардинской общественной суммы. Анализ этих материалов показывает достаточно высокий уровень роста доходов капитала [15, Оп. 1. Д. 691; 15, Оп. 1. Д. 695; 15, Оп. 1. Д. 810; 16, Оп. 1. Д. 45]. Документы подтверждают, что в 1905–1916 гг. номинальный доход составил 727 085 руб., расход – 170 058 руб. Средний показатель за год (в течение 11 лет) сальдо составил – 50 638 руб.

Полагаем, что данный капитал (положительный показатель сальдо в размере 50 тыс. руб. за рассмотренный период, и оборот средств в 146 тыс. руб.) закладывал предпосылки для создания и развития действенной финансово-кредитной системы округа. Например, оказание услуг по кредитованию местного населения, скажем, в 10% годовых, приносило бы дополнительную прибыль

в год не менее 10 тыс. рублей. Кроме того, и в данных условиях имелась возможность принятия образцового устава земских касс, утвержденного Министерством финансов 14 июня 1906 г. Этот устав предоставлял право земским собраниям самостоятельно учреждать кредитные товарищества, которые, в свою очередь, выдавали ссуды производственным кооперативам, потребительским и сельскохозяйственным обществам, а также отдельным крестьянам. Считаем, что в Нальчикском округе можно было создать такой народный банк на базе Кабардинской общественной суммы. Однако, на основании изучения широкого круга источников видно, что вопрос реорганизации общественной суммы в 1905–1906 гг. был одной из важнейших задач местной администрации, но, столкнувшись с проблемой формирования ходатайства комиссией, областным управлением были отмечены проблемы в формировании отчетной документации о расходовании сумм, что повлияло на проект устава предполагаемого банка. И пока вопрос реорганизации оставался открытым, общественная сумма осуществляла свою деятельность по «Положению» 1856 года.

Кредитные товарищества, как формы объединения общественного капитала, были введены в области на основании Положения «об учреждениях мелкого кредита» от 13 июня 1895 года. Главное отличие товариществ от общественных ссудных касс заключалось в отсутствии паевых взносов, что создавало условия для более упрощенного доступа к мелкому кредиту малообеспеченных слоев населения (в первую очередь крестьян).

Кредитные товарищества в рассматриваемый период были самой доступной для крестьянского населения формой кредита. Данные учреждения мелкого кредита приобретали и отчуждали имущество, заключали договора, вступали в обязательства, применяли иски и отвечали на суде, а также принимали пожертвования, на недвижимое имущество имелось разрешение приобретения только для управления или обустройства склада. Капиталы товариществ формировались за счет ссужаемых и жертвуемых средств, из паевых взносов, из казны земств [6, с. 7].

Правительство, стремясь распространить кредитные товарищества среди всего сельского населения Терской области, ставило задачи помощи экономически слабым хозяйствам, поднятия среднего уровня крестьянских хозяйств с целью повышения общей платежеспособности деревни. По отделам и округам учреждения мелкого кредита Терской области распределялись следующим образом: во Владикавказском – 29, Пятигорском – 20, Моздокском – 17, Кизлярском – 17, Сунженском – 16, Нальчикском – 20, Назрановском – 10, Хасавюртовском – 10, Грозненском – 11 и Веденском – 5 [2, с. 8].

В составе Нальчикского округа самыми крупными кредитными товариществами были: Нальчикское, Прохладненское, Солдатское, Клишбиевское, Муртазовское и др. Считаю, что, так как вопрос преобразования Кабардинской общественной суммы в более крупное кредитное товарищество не был решен, то вместо него эти функции стали выполнять новые учреждения мелкого кредита в Нальчикском округе.

Первым и наиболее крупным кредитным товариществом в округе было Нальчикское. С момента создания в 1911 году и до 1917 года в составе общества состояло 1755 человек, открывших кредиты на общую сумму 245 000 руб. Сумма выданных ссуд к началу 1916 года составила 150 000 руб. Товарищество закупило товары на 12 000 руб., чистая прибыль к началу 1916 года составила 5 539 руб. К 1917 году вокруг Нальчикского кредитного товарищества были объединены пять кредитных товариществ: Куденетовское, Баксанское, Атажукинское, Клишбиевское, Касаевское. В целом, все эти товарищества объединяли около 4000 заемщиков. Ими были выданы кредиты на общую сумму более 780 000 руб. Вклады около 60 000 руб., займов около 350 000 руб. и ссуд до 370 000 руб. [10, с. 136].

Излишне доказывать, что учреждаемые в Нальчикском округе в 10-е гг. XX в. кредитные товарищества способствовали росту производительных сил, улучшению сельскохозяйственной техники, развитию торговли. Однако, считаю целесообразным привести ряд фактов по их деятельности в рамках настоящего исследования.

Так, к примеру, благодаря Куденетовскому товариществу крестьяне получили возможность засеивать лишнюю десятину земли. Оно выступало посредником в купле упряжи, поставляло лес и железо кустарям для выделки ходов и арб. Баксанское кредитное товарищество совместно с другими соседними товариществами открыло кооперативный маслобойный завод [10, с. 137].

Усиленный приток вкладов в товарищества объяснялся и следующими причинами:

- ценовым ростом на экспорт зерновых культур, производившихся в области (главным образом, кукурузу);
- увеличением спроса и цен на сельскохозяйственные продукты; [2, с. 8].

Все это давало населению небольшой капитал, который и поступал в кассы товариществ в виде отдельных сбережений. Совокупная сумма их вкладов к началу 1917 года составила 60 тыс. руб. Увеличился и объем ссудных операций: с 1911 по 1917 гг. их рост составил со 100 тыс. руб. до 720 тыс., что более чем в семь раз превосходило прежние показатели [10, с. 136]. Увеличение вкладных операций давало возможность многим товариществам осуществлять самостоятельную хозяйственную деятельность, способствуя развитию экономики Нальчикского округа.

Заключение

К началу XX века на территории Нальчикского округа органично функционировали такие формы общественного капитала, как общественные ссудные кассы и кредитные товарищества, уровень развития которых способствовал укреплению экономических связей и росту финансового благосостояния населения региона.

Благодаря Кабардинской общественной сумме решались финансово-хозяйственные вопросы функционирования Нальчикского округа. Это было возможно с помощью высокого оборота финансовых средств. Полагаем, что на этой платформе мог быть сформирован первый в округе крупный народный банк, но отсутствие соответствующей нормативной базы препятствовало этому.

Наиболее впечатляющие результаты роста активов и оборотных средств демонстрировали кредитные товарищества округа, которые быстро росли. Это было связано с ростом вкладной и ссудной операций. Гарантированный процент по вкладам обладал инвестиционной привлекательностью для сельского населения, объединяя вокруг себя крупные крестьянские хозяйства; появлялись денежные излишки, которые активно вкладывались в товарищества. Причина этого роста обуславливалась нуждой сельского производителя в кредите, так как одной из отрицательных сторон общественной суммы было то, что ссуды выдавались обеспеченной прослойке крестьянского населения, а среднему и бедному слою крестьянства ссуда не выдавалась, так для ее получения требовались большой залог и поручительство. В свою очередь кредитные товарищества имели упрощённый доступ к мелкому кредиту для малообеспеченных слоев крестьянства. Преобладая во всех отраслях сельского хозяйства мелкое крестьянство, использовало дешевый кредит для удовлетворения своих потребностей и развития производства. Данные ссуды использовались для аренды земли, покупки скота и орудий сельскохозяйственного назначения и т.д. Так же кредитные товарищества способствовали росту производственных сил, благодаря строительству складов сельскохозяйственных машин, мельниц, хлебопекарен и т.д., развитию торговли, передавая землю других сельских обществ в аренду своим членам.

В целом, первое десятилетие XX века стало временем, когда общественный капитал стал существенным элементом в экономической жизни Нальчикского округа, обеспечив рыночный сектор внутри региона эффективной системой финансового кредитования населения.

Список литературы

1. Абазов А.Х. Народы Центрального Кавказа в судебной системе Российской империи в конце XVIII – начале XX в. Нальчик: ООО «Печатный двор», 2016. 264 с.

2. Айларова С.А. Кредитная кооперация Терской области в начале XX века // Электронный научный журнал «Финансы и учет». 2015. Вып. 4 (30). Октябрь–Декабрь. С. 3–7.
3. Баев Г.В. Народный кредит в Терской области. Владикавказ: Тип. Сергея Назарова, 1908. 56 с.
4. Бочкарева Е.С. Первый опыт организации ссудно-сберегательных товариществ в России в XIX в // Омский научный вестник. Серия: Общество. История. Современность. 2009. № 1 (75). С. 9-12.
5. Века совместной истории: народы Кабардино-Балкарии в российском цивилизационном процессе (1557–1917 гг.). Нальчик: Издательский отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2017. 544 с.
6. Глашева З.Ж. Предпосылки создания банков и рост финансового капитала у народов Терской области в пореформенный период // Известия Кабардино-Балкарского Научного центра РАН. 2015. № 1 (63). С. 204–210.
7. Калмыков Ж. А. Интеграция Кабарды и Балкарии в общероссийскую систему управления (вторая половина XVIII – начало XX в.). Нальчик: Эль-Фа, 2007. 232 с.
8. Кириллов А.К. Новое и старое в регулировании городских банков в эпоху «Великих реформ» // Вопросы истории. 2003. № 9. С. 143-146.
9. Кумыков Т.Х. Экономическое и культурное развитие Кабарды и Балкарии в XIX веке. Нальчик: Эльбрус, 1965. 420 с.
10. Мамбетов Г.Х. К вопросу о проникновении капиталистических отношений в экономику Кабарды и Балкарии во второй половине XIX – начале XX веков // Сборник статей по истории Кабардино-Балкарии. Вып. IX. Нальчик, 1961. С. 110–148.
11. Моисеева О.В. Развитие кооперативных отношений на селе во второй половине XIX – нач. XX вв. (на материалах Дона, Кубани и Ставрополя): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новочеркасск, 2007. 27 с.
12. Прасолов Д.Н. Развитие местного самоуправления у кабардинцев и балкарцев во второй половине XIX – начале XX в. Нальчик: Редакционно-издательский отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2017. 136 с.

13. Ратушняк В.Н. Сельская кооперация Северного Кавказа в период капитализма: историография и очерк развития // Источники и историография аграрной истории Северного Кавказа. Ставрополь, 1983. С. 40–63.
14. Рыкова И.Н. Моделирование взаимоотношений банковской системы и финансовых рынков. Дисс. докт. эконом. наук. Ставрополь, 2004. 38 с.
15. Управление центрального государственного архива Архивной службы Кабардино-Балкарской Республики (далее – УЦГА АС КБР). Ф. И-6 «Управление Нальчикского округа».
16. УЦГА АС КБР. Ф. И-26 «Казначей Кабардинской общественной суммы».

References

1. Abazov A.N. *Narody Central'nogo Kavkaza v sudebnoj sisteme Rossijskoj imperii v konce XVIII – nachale XX v.* [Peoples of the Central Caucasus in the judicial system of the Russian empire at the end of the XVIII – beginning of the XX century]. Nal'chik: ООО «Pечатnyj dvor», 2016. 264 p.
2. Ajlarova S.A. Kreditnaya kooperaciya Terskoj oblasti v nachale XX veka *Elektronnyj nauchnyj zhurnal «Finansy i uchet»* [Credit cooperation in Tver Region at the beginning of the twentieth century]. *Finansy i uchet*. 2015. Issue 4 (30). October-December. P. 3–7.
3. Baev G.V. *Narodnyj kredit v Terskoj oblasti* [People's credit in the Terek region]. Vladikavkaz: Tip. Sergeya Nazarova, 1908. 56 p.
4. Bochkareva E.S. *Omskij nauchnyj vestnik. Seriya: Obshchestvo. Istorija. Sovremennost'*. 2009. № 1 (75). P.9–12.
5. *Veka sovместnoj istorii: narody Kabardino-Balkarii v rossijskom civilizacionnom processe (1557–1917 gg.)* [A century of shared history: the peoples of Kabardino-Balkaria in the Russian civilization process (1557–1917)]. Nal'chik: Izdatel'skij otdel IGI KBNC RAN, 2017. 544 p.
6. Glasheva Z.ZH. *Izvestiya Kabardino-Balkarskogo Nauchnogo centra RAN*. 2015. № 1 (63). P. 204–210.
7. Kalmykov ZH. A. *Integraciya Kabardy i Balkarii v obshcherossijskuyu sistemu upravleniya (vtoraya polovina XVIII – nachalo XX v.)* [Integra-

- tion of Kabarda and Balkaria into the all-Russian system of government (second half of the 18th – early 20th centuries)]. Nal'chik: El'-Fa, 2007. 232 p.
8. Kirillov A.K. *Voprosy istorii*. 2003. № 9. P. 143-146.
 9. Kумыков Т.Н. *Экономическое и культурное развитие Кабарды и Балкарии в XIX веке* [Economic and cultural development of Kabarda and Balkaria in the 19th century]. Nal'chik: El'brus, 1965. 420 p.
 10. Мамбетов Г.Х. *Сборник статей по истории Кабардино-Балкарии* [Collection of articles on the history of Kabardino-Balkaria]. Issue IX. Nal'chik, 1961. P. 110–148.
 11. Моисеева О.В. *Развитие кооперативных отношений на селе во второй половине XIX – нач. XX вв. (на материалах Дона, Кубани и Ставрополья)* [The development of cooperative relations in rural areas in the second half of the 19th century – early XX centuries (based on materials from the Don, Kuban and Stavropol Territory)]. Novocherkassk, 2007. 27 p.
 12. Прасолов Д.Н. *Развитие местного самоуправления у кабардинцев и балкарцев во второй половине XIX – начале XX в* [The development of local self-government among the Kabardinians and Balkars in the second half of the XIX – early XX centuries]. Nal'chik: Редакционно-издател'sкий отдел ИГИ KBNC РАН, 2017. 136 p.
 13. Ратужный В.Н. *Источники и историография аграрной истории Северного Кавказа* [Sources and historiography of the agrarian history of the North Caucasus]. Stavropol', 1983. P. 40–63.
 14. Рыкова И.Н. *Моделирование взаимоотношений банковской системы и финансовых рынков* [Modeling the relationship of the banking system and financial markets]. Stavropol', 2004. P. 38.
 15. Управление центрального государственного архива Архивной службы Кабардино-Балкарской Республики (УЦГААС КБР), ф. I-6 «Управление Нal'чикского округа» [Office of the Central State Archive of the Archival Service of the Kabardino-Balkarian Republic (hereinafter – UTSGA AS CBD). F. I-6 “Management of the Nalchik district”].
 16. УЦГААС КБР. F.I-26. «Казначей Кабардинской общечественной суммы» [UTSGA AS CBD. F. I-26 “Treasurer of the Kabardian public sum”].

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Пазов Ибрагим Станиславович, аспирант 3-го года обучения

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук»

*ул. Пушкина, 18, г. Нальчик, 360000, Российская Федерация
ibragim.pazov@mail.ru*

DATA ABOUT THE AUTHOR

Pazov Ibrahim Stanislavovich, graduate student of the 3rd year of study

Institute for the Humanities Research – Branch of the Federal Scientific Center “Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences”

18, Pushkin str., Nalchik, 360000, Russian Federation

ibragim.pazov@mail.ru

ORCID: 0000-0002-2841-0402

SPIN-code 4541-4762

DOI: 10.12731/2077-1770-2019-3-191-198

УДК 343.9

СПЕЦИФИКА ЖЕНСКОЙ ПРЕСТУПНОСТИ В ТРАДИЦИОННОМ ОСЕТИНСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Дауева Т.Т.

***Цель.** Актуальность тематики предопределена востребованностью исследований правовой культуры каждого народа, ее трансформациями и воздействием на современный этнический облик. Целью исследования является гендерный аспект системы уголовных наказаний осетин в дореформенный период на основании анализа правового положения женщины как субъекта преступления.*

***Методы и методология проведения работы.** Основным предлагаемым методологическим подходом является междисциплинарный, который включает методы, сложившиеся в этнологии и истории, с широким привлечением источникового и литературного материала, что позволяет реконструировать внутрисемейную правовую культуру, положение и статус женщины в осетинской семье. Применение принципа историзма призвано обеспечить анализ событий и явлений в контексте социально-экономического, административно-правового и культурного развития осетинского общества.*

***Результаты.** В исследуемый период осетинам была характерна патриархальная структура социума. В ней четко выделялась иерархия, разделялись полоролевые функции, из которых представление интересов семьи на уровне общества – мужская, а сфера активной деятельности женщин ограничивалась семейными заботами. Данный аспект сыграл важнейшую роль в специфике женских преступлений. Исследование адатов, которые имели целью разрешить конфликтную ситуацию, участником которого являлась женщина, привело к выводу, что обычное право не выделяло женщин в качестве субъекта преступления, совершенного за пределами семейно-родственного коллектива. Сделан вывод о неправоиспособности женщины и правовом неравенстве в традиционном обществе осетин.*

Область применения результатов. Материалы исследования дают возможность углубленного изучения гендера в традиционном обществе, в частности, в правовой культуре. Результаты данного исследования могут быть использованы в образовательном процессе и научно-исследовательской деятельности.

Ключевые слова: обычное право; традиционное общество; гендер; брачно-семейные отношения; преступление; система наказаний.

THE FEMALE CRIME SPECIFIC IN TRADITIONAL OSSETIANS SOCIETY

Daueva T.T.

Purpose. *The relevance of the article is predetermined by the demand for research of the legal culture of each nation, its transformations and impact on the modern ethnic appearance. The aim of the study is the gender aspect of the Ossetians criminal punishment system in the pre-reform period on the basis of the analysis of the legal status of women as a subject of crime.*

Methodology. *The review of some approaches to understanding, analysis of the grounds for committing a crime. The main proposed methodological approach is interdisciplinary, which includes materials and methods developed in ethnology and history, with a wide involvement of source and literary material, which allows to reconstruct the intra-family legal culture, women position and status in the Ossetian family. The application of historicism principle is designed to provide an analysis of events and phenomena in the context of socio-economic, administrative, legal and cultural development of Ossetian society.*

Results. *In the period under study, Ossetians were characterized by a patriarchal structure of society. It clearly distinguished the hierarchy, divided gender-role functions, of which the representation of the family interests at the level of society-men, and the sphere of active activity of women was limited to family concerns. This aspect has played a crucial role in the specificity of women's crimes.*

Practical implications. *The study of laws, which aimed to resolve a conflict situation in which a woman was a participant, led to the conclusion that customary law did not distinguish women as the subject of a crime committed outside the family-related collective. The conclusion is made about the incapacity of women and legal inequality in the traditional Ossetians society.*

Keywords: *customary law; traditional society; gender; marriage and family relations; crime; punishment system.*

Введение

Гендерная проблематика весьма интересна в области правовой культуры, в рамках которой исследуются проблемы женской преступности, а также установленный законом перечень видов наказаний. Исследования в криминологии, пенитенциаристике, правовой культуре направлены в том числе и на изучение влияния биологического фактора, особенностей личности преступника и факторов его поведения.

Материалы и методы

Источниковая база статьи основана на материалах Центрального государственного архива Республики Северная Осетия-Алания. В работе большей частью использовались дела из фондов: № 12 – Канцелярия начальника Терской области. 1 и 2 судные столы, а также № 113 – Владикавказский окружной суд. Материалы следствий, протоколы судебных решений, жалобы на решения сельских и медиаторских судов наглядно презентуют гендерный аспект преступности.

В исследовании используются методы, основанные на принципах научной объективности, системности и историзма. Анализ событий и явлений проводится в контексте исторического времени, социально-экономического и культурного развития осетинского общества.

Обсуждение

Одним из первых, кто построил свою теоретическую базу на биологическом исследовании личности преступника, был Цезаре

Ломброзо – основатель антропологического направления в уголовном праве. По его мнению, преступление совершает женщина с психическими нарушениями. Каждая здоровая женщина легко может превратиться в преступницу в случае, когда раздражается психический центр, что приводит к пробуждению дурных инстинктов и отрицательным поступкам. Ситуация усугубляется, по мнению автора, в случаях, когда у женщины отсутствует сочувствие к чужому страданию и материнская любовь [3, с. 24].

Представители уголовно-антропологической школы объясняли причины преступного поведения женщин их физиологической неполноценностью, неразвитостью в сравнении с мужчинами. Некоторые исследователи обосновывают меньшее количество женщин-преступниц в отличие от мужчин-преступников физиологическими факторами, заключающимися в их физической слабости, а также пассивной общественной жизнью [6, с. 15]. Н.Л. Пушкарева, известный исследователь женской истории, считает, что зачастую на преступную тропу женщина, в отличие от мужчины, становилась вследствие осложнений личной и семейной жизни [4, с. 122].

Большинство источников, касаясь вопроса о неправопособности женщины, указывает на правовое неравенство. Традиционная интерпретация имела социальный характер – общественная жизнь была не дозволена для женщины. Исследователи гендерных проблем объясняют данное обстоятельство вероятностью передачи женщиной гражданских прав своему потомству по наследству. По наблюдениям исследователя, на сельском собрании участие женщин было недопустимо. Исключение делалось для женщин старшего возраста, которые могли явиться на сбор с какой-либо просьбой [5, с. 212].

Касательно статистических данных, то соотношение уровня женской и мужской преступности в пореформенный период на Северном Кавказе равнялось примерно 1:7 [8, ф. 12, оп. 1, д. 5].

Результаты

В традиционном осетинском обществе взаимоотношения между осетинами основывались на обычном праве. Наряду с нормами адата

основным регулятором жизни в общине был и целый комплекс этикетных норм, которому каждый член общины должен был строго следовать.

В обычном праве сведения о разграничении уголовной ответственности для мужчин и женщин за совершенное преступление не указываются. Однако, в связи с тем, что в осетинском обществе бытовал патриархальный уклад, наказание за совершенные преступления нес мужчина, в том числе и за те преступления, которые были совершены женщиной. Примером может служить адат об изнасиловании: «если кто-либо, делая с женщиною или девицею насильственное прелюбодеяние, и она, предохраняя себя от этого, ранит или убьет насильвателя, то родственники убитого или раненого имеют кровную месть к родителям, родственникам или мужу этой девицы и сии последние по обычаю платят родным полную кровную плату». В 1817 г. сельский суд с. Эльхотово разбирал дело о краже имущества из дома Ц. Свидетельские показания пришел давать сын вместо матери [8, ф. 113, оп. 1, д. 19].

Преступлением, в котором выявляется правовое неравенство, является прелюбодеяние. Понятия «неверность» и «честь» обрели гендерную окраску вместе с возникновением гендерной асимметрии – исторически первой формы социальной депривации [4, с. 121]. По обычному праву к ответственности привлекалась замужняя женщина и ее любовник. Трансформировавшись, указанный аспект права ограничивался убийством любовника и разводом с женой. Родственники жены обязывались вернуть мужу полный калым, который был отдан им за свою жену [2, с. 42].

Неверность жены повсеместно оценивалась отрицательно общественным мнением. В народе складывали песню сатирического содержания, и тем самым разрушали репутацию подозреваемых. Известен случай, когда замужняя женщина, услышав от детей селения песню о себе и своем возлюбленном соседе, покончила жизнь самоубийством [8, ф. 113, оп. 1, д. 24].

Что касается других видов проступков морально-нравственного порядка, то нужно выделить детоубийство. Необходимо отметить, что его распространенность в рассматриваемый период частично объясняется тяжелыми социальными и экономическими условиями. В семейном

праве осетин указано, что родитель имеет право лишать жизни своих детей. «С согласия отца, мать, морила детей своих или душила их во время родов. Не встречалось убийство детей посредством острого оружия и это почиталось даже делом, подлежащим наказанию» [7, с. 177].

Вместе с тем, убийство незаконнорожденных детей считалось преступлением. Всеобщему осуждению подвергались женщины, родившие ребенка вне брака. Это могло стать поводом для совершения детоубийства. Встречались случаи, когда женщина, родив вне брака, кончала жизнь самоубийством [1, с. 127]. Мотив страха и стыда, общественное осуждение и порицание, отрицательное отношение общества к внебрачным отношениям и детям, рожденным вне брака – все эти факторы становились причинами совершения женщиной преступления. Как указывал В.Б. Пфаф: «Тут не убийство дитяти, а скорее незаконные роды почитались достойными наказания, и отец или старшина рода мог наказать виновную смертной казнью – застрелить или заколоть, или передавал ее наказанию по приговору совестного суда как за прелюбодеяние» [5, с. 296].

Касательно самоубийств, то согласно статистическим данным из числа семи самоубийств, совершенных в 1871 г. в Терской области, два случая приходилось на осетинок [8, ф. 12, оп. 1, д. 65]. Основной причиной этих самоубийств среди женщин источники указывают заключение брака по договору без согласия молодоженов. Девушка была лишена права выбора кандидатуры жениха, и, решившись на самоубийство, показывала свой протест в выборе супруга.

Заключение

В традиционном осетинском обществе деятельность женщины ограничивалась рамками семейной жизни, в первую очередь, она идентифицировалась как жена и мать. Исследование предписанных обществом социальных и культурных требований к поведению мужчин и женщин, объясняет выделение «женских» преступлений. Роль женщины в системе общественных отношений, ее деятельность в общественных институтах, а также специфика среды повлияла на причины женской преступности. Ограничение женской деятельности

в рамках семейной жизни имело следствием преобладания женских преступлений в семье над преступлениями, совершенными в общественной сфере. В то же время ответственность мужчины за совершенные женщиной преступления, говорит об оберегательных функциях мужчины, четко отражающих патриархальное общество осетин.

Список литературы

1. Дауева Т.Т. Конфликты и миротворческие практики в осетинском обществе (конец XVIII – начало XX в). Владикавказ: СОИГСИ ВНЦ РАН, 2017. 226 с.
2. Ковалевский М.М. Современный обычай и древний закон (обычное право осетин в историко-сравнительном освещении). М., 1886. Репринтное воспроизведение. Владикавказ: Алания.1995. Т. 1. 342 с.
3. Ломброзо Ч. Преступление. СПб., 1900. 140 с.
4. Пушкарева Н.Л. Позорящие наказания для женщин в России XIX начала XX века // Этнографическое обозрение. 2009. № 5. С. 120-134.
5. Пфаф В. Б. Народное право осетин // Сборник сведений о Кавказе. Тифлис, 1872. Т. 2. С. 258-325.
6. Тарновская П.Н. Женщины-убийцы. СПб.: Т-во художественной печати, 1902. 512 с.
7. Хадикова А.Х. Миротворческие традиции в этническом наследии осетин // Известия СОИГСИ. 2018. № 27 (66). С. 174-182.
8. Центральный государственный архив Республики Северная Осетия-Алания.

References

1. Daueva T.T. *Konflikty i mirotvorcheskie praktiki v osetinskom obshchestve (konets XVIII – nachalo XX v)* [Conflicts and peacekeeping practices in the Ossetian society, (the end of XVIII – beginning of XX century)]. Vladikavkaz: SOIGSI VNTs RAN, 2017. 226 p.
2. Kovalevskiy M.M. *Sovremennyy obyчай i drevniy zakon (obychnoe pravo osetin v istoriko-sravnitel'nom osveshchenii)* [Modern custom and ancient law (customary law Ossetians in historical and comparative perspective)]. M., 1886. Reprintnoe vosproizvedenie. Vladikavkaz: Alaniya.1995. V. 1. 342 p.

3. Lombrozo Ch. Prestuplenie [The Crime]. SPb., 1900. 140 p.
4. Pushkareva N.L. Pozoryashchie nakazaniya dlya zhenshchin v Rossii XIX – nachala XX veka [Shameful punishment for women in Russia XIX-early XX century]. *Etnograficheskoe obozrenie*. 2009. № 5. P. 120-134.
5. Pfaf V.B. Narodnoe pravo osetin [Ossetian traditional law]. Sbornik svedeniy o Kavkaze. Tiflis, 1872. T.2. S. 258-325.
6. Tarnovskaya P.N. *Zhenshchiny-ubiytsy* [The female killers]. SPb.: T-vo khudozhestvennoy pechati, 1902. 512 p.
7. Khadikova A.Kh. Mirotvorcheskie traditsii v etnicheskom nasledii osetin [Peacekeeping traditions in the ethnic heritage of Ossetians]. *Izvestiya SOIGSI*. 2018. № 27 (66). P. 174-182.
8. *Tsentral'nyy gosudarstvennyy arkhiv Respubliki Severnaya Osetiya-Alaniya* [The central state archives of the North Ossetia-Alania Republic].

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Даева Тамара Тамерлановна, к.и.н., старший научный сотрудник
Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева – филиал Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального научного центра Владикавказский научный центр РАН пр. Мира, 10, г. Владикавказ, Р. Северная Осетия – Алания, 362005, Российская Федерация
tdaueva@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Daeva Tamara Tamerlanovna, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher
North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Research – branch of the Federal State Budgetary Institution of Science of the Federal Scientific Center Vladikavkaz Scientific Center of the Russian Academy of Sciences
10, Mira Ave., Vladikavkaz, North Ossetia-Alania, 362005, Russian Federation
tdaueva@mail.ru

DOI: 10.12731/2077-1770-2019-3-199-215

УДК 94(470.64)

ЧРЕЗВЫЧАЙНЫЕ ОРГАНЫ УПРАВЛЕНИЯ КАБАРДИНО-БАЛКАРСКОЙ АССР НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Гериева Ф.С.

Цель. В статье исследуется создание и деятельность чрезвычайных внеконституционных органов управления в Кабардино-Балкарской Автономной Советской Социалистической Республике на начальном этапе Великой Отечественной войны. Основной целью работы является рассмотрение двух основных направлений их деятельности: создание специальных комиссий на базе функционировавших органов власти и образование Нальчикского комитета обороны – местной структуры Гражданского комитета обороны СССР.

Методы. Методологическая основа статьи базируется на принципах и методах исторических исследований. В исследовании применялись принципы научности, историзма, системности, объективности и т.п. Кроме того, использовались проблемно-хронологический, историко-сравнительный, ретроспективный, институциональный методы. Статья подготовлена на основе материалов Центра документации новейшей истории Кабардино-Балкарской республики (ф. 1 «Кабардино-Балкарский областной комитет ВКП(б), гор. Нальчик»).

Результаты. В работе приводится периодизация истории деятельности органов государственной власти в Кабардино-Балкарии в годы Великой Отечественной войны, дается общая характеристика конституционных органов, характеризуется трансформация властных структур на начальном этапе войны, рассматриваются механизмы учреждения и функционирования чрезвычайных внеконституционных органов (специальных комиссий и Нальчикского комитета обороны). В ходе исследования сделан вывод, что на данном этапе войны в регионах сложилась целая система

милитаризованных, централизованных органов власти, а также система чрезвычайных внеконституционных органов с особыми полномочиями, функционировавших на чрезвычайной (временной) нормативно-правовой основе.

Область применения результатов. Результаты настоящего исследования могут быть использованы в образовательном процессе и научно-исследовательской деятельности, касающейся вопросов изучения истории административных учреждений и их трансформации в переходные исторические периоды (в том числе и войны).

Ключевые слова: Великая Отечественная война; органы власти; Кабардино-Балкарская АССР; Гражданский комитет обороны; Нальчикский комитет обороны.

THE EXTRAORDINARY GOVERNING BODIES OF THE KABARDINO-BALKAR ASSR AT THE INITIAL STAGE OF THE GREAT PATRIOTIC WAR

Gerieva F.S.

The purpose. In the article activity of extraordinary extra constitutional governing bodies in the Kabardino-Balkar Autonomous Soviet Socialist Republic at the initial stage of the Great Patriotic War is investigated. A main objective of work is consideration of two their main activities: creation of the special commissions on the basis of the functioning authorities and formation of the Nalchik committee of defense – local structure of Civil committee of defense of the USSR.

Methods. The methodological principles of article are based on the principles and methods of historical researches. In a research the principles of scientific character were applied, historicism, systemacities, objectivity, etc. Besides, were used problem and chronological, historical and comparative, retrospective, institutional methods. Article is prepared on the basis of materials of the Center of documentation of the contemporary history of Kabardino-Balkar Republic (ф. 1 “Kабардино-Балкарский региональный комитет партии Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков), Нальчик”).

Results. *In work the periodization of history of activity of public authorities is given in Kabardino-Balkaria in days of the Great Patriotic War, the general characteristic of the constitutional bodies is given, transformation of power structures at the initial stage of war is characterized, mechanisms of establishment and functioning of extraordinary extra constitutional bodies (the special commissions and the Nalchik committee of defense) are considered. During the research the conclusion is drawn that at this stage of war in regions there was the whole system of the militarized, centralized authorities and also the system of the extraordinary extra constitutional bodies with special powers functioning on an extraordinary (temporary) standard and legal basis.*

Scope of results. *Results of the real research can be used in educational process and the research activity concerning questions of studying of history of administrative agencies and their transformation during the transition historical periods (including wars).*

Keywords: *Great Patriotic War; authorities; Kabardino-Balkarian ASSR; Civil committee of defense; Nalchik committee of defense.*

Введение

Изучение истории функционирования органов власти в КБАС-СР в годы Великой Отечественной войны вызывает большой научно-теоретический и прикладной интерес. В теоретическом плане разработка этой темы дает возможность глубже понять особенности деятельности государственных структур в кризисных переходных ситуациях, проблемы милитаризации основных отраслей управления и хозяйства, принципы формирования новых каналов социальной мобильности в условиях войны и т.п. В прикладном – подробно изучить деятельность органов государственной власти в КБАССР в годы Великой Отечественной войны, подходы государства к формированию номенклатуры партийных должностей, особенности формирования новых политических элит на разных ее этапах.

Вопросы истории участия народов Кабардино-Балкарии в Великой Отечественной войне неоднократно затрагивались в трудах советских и современных исследователей [1; 2; 3; 4; 6; 10; 11; 12;

13; 14; 15; 17]. Однако проблемы функционирования органов государственной власти, в том числе и чрезвычайных, до сих пор не стали предметом специального исследования.

Целью настоящего исследования является исследование роли и места чрезвычайных органов власти в КБАССР (специальных комиссий и Нальчикского комитета обороны) с начала войны до оккупации ее территории фашистскими войсками в августе 1942 г. Для достижения указанной цели были поставлены следующие задачи: определить особенности перестраивания органов государственной власти КБАССР на военный лад, охарактеризовать деятельность чрезвычайных внеконституционных органов, рассмотреть полномочия и характер деятельности Нальчикского комитета обороны.

Материалы и методы

Основные материалы, использованные при подготовке настоящего исследования, извлечены из фондов Центра документации новейшего времени Архивной службы Кабардино-Балкарской республики (Ф. 1 «Кабардино-Балкарский областной комитет ВКП(б), гор. Нальчик») и опубликованных сборников материалов [7; 8; 18]. По видовой принадлежности источниковую базу статьи можно дифференцировать на нормативные источники и делопроизводственные документы. С помощью нормативной подгруппы источников (Конституция КБАССР, постановления ГКО СССР, Кабардино-Балкарского обкома ВКП(б), Нальчикского комитета обороны и т.д.) были установлены механизмы учреждения и полномочия чрезвычайных органов власти Кабардино-Балкарии в исследуемое время. Среди делопроизводственных источников использовались в основном протокола Нальчикского комитета обороны, которые позволяют охарактеризовать его деятельность в динамике.

Статья подготовлена с опорой на принципах научности, историзма, системности, объективности и т.п. и на основе проблемно-хронологического, историко-сравнительного, ретроспективного и институционального методов.

Результаты

В истории деятельности органов государственной власти в КБАССР в годы ВОВ мы выделяем четыре этапа: 1) с июня 1941 по август 1942 г. – деятельность государственного аппарата в условиях мобилизации ресурсов КБАССР на военные нужды; 2) с августа 1942 по январь 1943 г. – органы власти в период оккупации республики фашистскими захватчиками; 3) с января 1943 по март 1944 г. – деятельность органов власти в условиях восстановления республики после оккупации; 4) с марта 1944 по май 1945 г. – деятельность органов власти после депортации балкарцев.

В начале Великой Отечественной войны в КБАССР функционировали органы государственной власти, которые были учреждены на основании принятой 24 июня 1937 г. постановлением чрезвычайного X Кабардино-Балкарского съезда советов Конституции КБАССР (далее – Конституция 1937 г.) [18, с. 196]. В республике функционировал преобразованный 5 декабря 1936 г. областной комитет Всесоюзной коммунистической партии (большевиков) (далее – ВПК(б)). Областному комитету подчинялись районные. За время Великой Отечественной войны в Кабардино-Балкарии сменилось 2 секретаря обкома ВКП(б) – Зубер Докшукович Кумехов (с декабря 1939 по 10 апреля 1944 г.) и Николай Петрович Мазин (с 10 апреля 1944 г. по май 1949 г.).

С начала войны органы государственной власти всех уровней начали перестраиваться на военный лад. По распоряжению высших властей в условиях военного времени стали учреждаться чрезвычайные внеконституционные органы управления. В частности, 23 июня 1941 г. для общего руководства Вооруженными силами СССР была учреждена ставка Главного Командования, которая была преобразована в Ставку Верховного Главнокомандования 10 июля 1941 г. [16, с. 17]. 30 июня 1941 г. ЦК ВКП(б), Президиум Верховного совета СССР и СНК СССР из членов политбюро ЦК партии образовали Государственный комитет обороны (ГКО) СССР под председательством Генерального секретаря ЦК партии И.В. Сталина [16, с. 17].

В Кабардино-Балкарский АССР, как и по стране в целом, создание внеконституционных чрезвычайных органов во следующим направлениям: учреждение специальных комиссий на базе функционировавших органов власти и Нальчикского комитета обороны – местной структуры ГКО СССР.

Одной из особенностей деятельности органов государственной власти КБАССР на начальном этапе Великой Отечественной войны было создание различных комиссий, в состав которых входили в основном государственные служащие и партийные работники. Например, 11 октября 1941 г. решением бюро обкома ВКП(б) КБАССР была создана комиссия по приему и размещению эвакуированного населения СССР из прифронтовой полосы. В состав комиссии вошли: Т.Т. Ахохов (председатель), Вохмянин (заместитель председателя), Руденко, Афанасьев, С.И. Филатов, А.Л. Сасиков и И.Л. Ульбашев. Райкомы ВКП(б) были обязаны обеспечить своевременное размещение и трудоустройство эвакуированных [19, ф. 1, оп. 1, д. 373, л. 3]. Также, в конце 1941 г. для «практической работы по сбору вещей для Красной Армии при обкоме ВКП(б) была создана комиссия из ответственных работников республики – Зубера Докшукевича Кумехова (председатель, первый секретарь обкома ВКП(б)), Исмаила Лукмановича Ульбашева (Председателя Президиума Верховного Совета КБАССР), Марьяна Боглановича Кеневича (секретарь обкома ВЛКСМ), Бориса Хамбиевича Цавкилова (заведующий военным отделом обкома ВКП(б)), И.Д. Быстрова, З.Ш. Браевой» [8, с. 24]. Примечательно, что комиссии с аналогичными функциями создавались и на уровне райкомов партии и сельских исполкомов.

К осени 1941 г. была создана сеть комитетов обороны в большинстве регионов страны. Например, 22 октября 1941 г. ГКО СССР принял проставление об организации Нальчикского комитета обороны (НКО). На основании этого 25 октября 1941 г. Кабардино-Балкарский обком ВКП(б) принял постановление об образовании Нальчикского комитета обороны [7, с. 78]. Комитет «сосредоточил в своих руках всю полноту государственной власти в республике на период войны» [16, с. 54]. Он разрабатывал и проводил в жизнь «важ-

нейшие мероприятия по организации работы тыла и обеспечению нужд фронта» [8, с. 23]. В его состав вошли: З.Д. Кумехов (председатель), Х.К. Ахохов, С.И. Филатов, Вохмянин, Ивановский [16, с. 21]. В тот же день, 25 октября 1941 г. «согласно постановлению Государственного комитета обороны, как это было по всей стране, бюро обкома ВКП(б) с участием Нальчикского комитета обороны принимает решение о налаживании и обеспечении выпуска для Красной Армии на предприятиях Кабардино-Балкарии военной продукции» [8, с. 23].

Разработанный тогда же комитетом обороны комплекс мероприятий по усилению внутренней охраны в Нальчике включал в себя: увеличение милицейских постов общественного порядка с 12 до 17 с привлечением членов истребительного батальона и бригады содействия милиции; дополнительного введения трех конных разъездов на окраинах города за счет дивизиона войск НКВД; усиление паспортного режима путем ежедневной проверки предприятий, учреждений и домовладений, установления заслонов по проверке въезжающих и выезжающих на выездах из Нальчика (Баксанском шоссе, трассе Нальчик–Прохладный–Урвань), в Баксане и в с. Белая Речка; организации дежурного взвода истребительного отряда; усиления охраны аэродрома и нефтебазы за счет воинских постов подразделений [8, с. 84]. Кроме того, для прикрытия города были установлены огневые точки из станковых и ручных пулеметов и снайперов. Программа истребительного батальона была пересмотрена в целях усиления подготовки по тактике, штыковому бою, гранатометанию и т.п. Помимо прочего, предполагалось провести гарнизонное учение, в котором использовать войсковые части, истребительный батальон и народное ополчение. Предписывалось в кратчайший срок завершить работы по «оборудованию укрытий, добиться полной светомаскировки города, провести учебные тревоги на основных предприятиях и в целом в городе на предмет подготовленности к противовоздушной химической обороне» [7, с. 84].

Определенный ряд мер Нальчикский комитет обороны предпринял для перестройки промышленных предприятий КБАССР. В частности,

комитет предписал предложить начальнику Тырнаузского комбината наладить серийное производство гранат к 10 ноября 1941 г. с последующим утверждением плана ежемесячного выпуска на его заседании, обязать директора гидротурбинного завода обеспечить начало массового производства мин к 25 ноября 1941 г., обязать директора Котляревского спиртзавода передать для специальных целей Тырнаузскому комбинату 1 тонну спирта и гидротурбинному заводу 0,5 тонны, поручить народному комиссару внутренних дел КБАССР изъять из оборота имеющуюся в республике ртуть и бертелову соль для специальных нужд [7, с. 85–86] и т.п. Часть этих мер была оформлена в виде предписания комитета, принятого 1 ноября 1941 г. [7, с. 86].

19 ноября 1941 г. на основании постановления ГКО СССР от 13 ноября 1941 г. и протокола заседания Нальчикского комитета обороны от 14 ноября 1941 г. было принято постановление о мероприятиях по формированию отдельной Кабардино-Балкарской кавалерийской дивизии [7, с. 93]. В нем отмечалось, что «для отбора людского и конского поголовья создать при райкомах ВКП(б) комиссии в составе: секретаря райкома ВКП(б), председателя райисполкома, начальника райотделения НКВД и райвоенкома, на которых возложить всю полноту ответственности за своевременное и качественное выполнение нарядов» [7, с. 93]. Отобранные в национальную дивизию бойцы должны были быть обеспечены лошадьми, оружием и обмундированием за счет колхозов, совхозов, предприятий и учреждений КБАССР. Кроме того, была создана комиссия в составе Ильинича, Филатова, Бронзова, Харарева и Уянаева, в обязанности которой входил подбор «командно-политического состава дивизии к 1 декабря 1941 г.» [7, с. 94]. Совнаркому КБАССР было поручено выделить из местного бюджета «необходимую сумму для снабжения хлебом и проведения необходимого оборудования помещений для расквартирования бойцов» [7, с. 94].

24 ноября 1941 г. Нальчикский комитет обороны принял постановление об организации партизанских отрядов на территории КБАССР для борьбы с немецкими захватчиками [7, с. 257]. Для руководства и координации деятельности партизанских отрядов был утвержден руководящий центр [7, с. 257]. В этот же день на

территории КБАССР «из партийного, комсомольского и советского актива для борьбы с немецкими захватчиками были организованы истребительные батальоны и отряды» [7, с. 298]. Позже, после 5 августа 1942 г., из этих отрядов были сформированы партизанские отряды республики [7, с. 298].

12 декабря 1941 г. на заседании Нальчикского комитета обороны были проведены слушания о ходе подготовки командного состава 115-й Кабардино-Балкарской кавалерийской дивизии [7, с. 104]. Для этого комитет постановил провести в г. Нальчике сбор командно-политического состава запаса (командиров эскадронов, командиров взводов и политруков эскадронов) с отрывом от производства. Руководители предприятий и учреждений республики были обязаны «освободить от работы на время прохождения сбора лиц, намеченных в командно-политический состав с сохранением за ними заработной платы и выплатой суточных и проездных денег за счет предприятий и учреждений, в которых они работают» [7, с. 105]. Кроме того, 12 декабря 1941 г. комитет принял и ряд других постановлений. В их числе – постановление об усилении охраны объектов Прохладненского железнодорожного узла [7, с. 106].

По мере приближения гитлеровских войск к Кабардино-Балкарии нагрузка на Нальчикский комитет обороны стала усиливаться. В частности, в начале 1942 г. в обязанности комитета входили также: организация постоянного наблюдения за воздухом, круглосуточных постов воздушного наблюдения, оповещения и связи, а между населенными пунктами республики – специальных конных разъездов, охрана столицы республики – г. Нальчика, увеличение милицейских постов общественного порядка, усиление паспортного режима, создание специальных оперативных групп для ночных обходов, учреждение комендантского военного патруля, охрана железнодорожного пути, мостов, телеграфных и телефонных линий, меры по налаживанию противовоздушной и противохимической обороны, приведение постов воздушного наблюдения, оповещения и связи в полную боевую готовность, строительство противотанковых оборонительных сооружений [16, с. 68] и т.п.

31 марта 1942 г. Комитет принял постановление о мерах по усилению противовоздушной обороны г. Нальчика [7, с. 122]. Примечательно, что это постановление также содержало ряд обязательств, налагаемых комитетом на различные органы государственной власти республики. В частности, начальнику управления милиции Егорову было предписано «принять меры по прекращению езды автомашин с открытыми светящимися фарами в пунктах: гг. Нальчик, Прохладный, около мостов и промышленных объектов и разрешить движение только машин, имеющих светомаскировочные приспособления» [7, с. 122]. Нальчикскому горсовету было поручено «принять срочные меры по оснащению групп самозащиты противопожарным, противовоздушным и противохимическим оружием» [7, с. 122–123]. Председатели исполкомов и Центральный совет Осоавиахима КБАССР были обязаны «закончить обучение населения противовоздушному и противохимическому делу по 28-часовой программе в кратчайшие сроки» [7, с. 122–123].

Дальнейшее действия НКО были направлены на формирование военных отрядов быстрого реагирования и самообороны, а также — на охрану важнейших коммуникаций республики. Например, 23 мая 1942 г. Комитет принял постановление о формировании истребительных батальонов в КБАССР [7, с. 134]. Состав истребительных батальонов был утверждён в количестве 1650 человек. В постановлении содержалась квота представления районами республики людей в батальоны. Кроме того, в составе батальонов были созданы конные взводы. Примечательно, что контроль за выполнением этого постановления был возложен на Народный комиссариат внутренних дел КБАССР [7, с. 135].

27 июля 1942 г. Нальчикский комитет обороны принял постановление об охране железнодорожных путей [7, с. 137]. Согласно данному постановлению, секретари райкомов ВКП(б), председатели исполкомов райсоветов депутатов трудящихся и начальников РО НКВД Прохладненского, Майского, Терского, Урванского и Нальчикского районов должны были не позднее 1 августа 1942 г. «обеспечить в ночное время необходимое количество конных и пеших патрулей для охраны путей железной дороги» [7, с. 137].

3 августа 1942 г. Нальчикский комитет обороны принял постановление о создании отрядов самообороны в г. Нальчике, Прохладном и п. Докшукино [7, с. 138]. Главной задачей этих отрядов была помощь «войсковым частям и истребительным отрядам в уничтожении вражеских парашютистов и диверсантов, а также активная оборона населенных пунктов» [7, с. 138]. Формирование отрядов предполагалось завершить к 10 августа 1942 г.

В этот же день, 3 августа 1942 г., комитет обороны принял постановление о введении в г. Нальчике комендантского часа [7, с. 139]. Режим комендантского часа предполагал, что, во-первых, предприятия общественного питания (столовые, рестораны, кафе, буфеты и т.п.), а также учреждения культуры (театры, кино и т.п.) были обязаны прекращать свою работу до 22 часов по московскому времени. Во-вторых, передвижение граждан по городу без специального разрешения запрещалось после 23 часов. Кроме того, коменданту города Ерохину и помощнику народного комиссара внутренних дел Егорову поручалось «выдать пропуска на право беспрепятственного движения по городу по 23 часов лицам, которым необходимо по роду своей работы» и «усилить патрулирование по городу, выделив для этого дополнительные посты и патрули» [7, с. 139]. Лица, нарушившие режим, подвергались суду по законам военного времени.

На следующий день, 4 августа 1942 г., некоторые положения комендантского часа в г. Нальчике были детализированы в новом положении Нальчикского комитета обороны. По этому постановлению директора предприятий и руководители учреждений к 10 августа 1942 г. своими силами должны были привести свои объекты в оборонное состояние и наметить план действий и по их обороне. Меры ответственности на нарушителей правил светомаскировки были усилены вплоть до наложения уголовной ответственности. Все трудоспособное население республики было мобилизовано на выполнение работ по противовоздушной и противохимической обороне [7, с. 139–140].

8 августа 1942 г. комитет обороны принял постановление о создании оборонительных сооружений вокруг Нальчика [7, с. 141]. Строительные работы проводились силами Нальчикского военного гарнизона с привлечением городского населения. В этот же день, 8

августа 1942 г., на основании очередного постановления комитета были созданы несколько эвакуационных комиссий: по эвакуации промышленных предприятий и сырья, по эвакуации сельскохозяйственной продукции (зерно) и скотопоголовья, по эвакуации госпиталей, учреждений, ценностей, банков [7, с. 142–143]. Важно отметить, что эвакуация проводилась местными органами власти по разработанным планам после согласования с военным командованием.

12 августа 1942 г. немецко-фашистские войска вошли на территорию КБАССР. Это время считается началом оккупации республики, продолжавшейся по 11 января 1943 г. По мере продвижения вражеских войск по территории республики НКО продолжал исполнять свои полномочия и принимать решения в пределах своей компетенции. Однако исследование деятельности чрезвычайных органов власти в период и после оккупации территории КБАССР немецко-фашистскими войсками может быть предметом специального исследования.

Заключение

Таким образом на первом этапе Великой Отечественной войны КБАССР представляла административно-территориальный элемент государственной перестройки управления на военной лад. Основу это политики составлял принцип централизации политического и военного руководства. Произошла милитаризация конституционных органов государственного управления. Кроме этого сложилась целая система милитаризованных, централизованных органов власти, а также система чрезвычайных внеконституционных органов с особыми полномочиями, функционировавших на чрезвычайной (временной) нормативно-правовой основе. В целом, создаваемые в республике чрезвычайные органы для нужд военного времени (специальные комиссии при органах власти и Нальчикский комитет обороны) располагали всеми людскими и материальными ресурсами республики.

Список литературы

1. Безугольный А.Ю. Народы Кавказа в Вооруженных Силах СССР в годы Великой Отечественной войны: дисс. ... канд. ист. наук. Ставрополь, 2004. 236 с.

2. Безугольный А.Ю., Бугай Н.Ф., Кринко Е.Ф. Горцы Северного Кавказа в Великой Отечественной войне, 1941–1945: проблемы истории, историографии и источниковедения. М.: Институт востоковедения, Институт социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра РАН, 2012. 479 с.
3. Гречко А.А. Битва за Кавказ. М.: Военное издательство, 1967. 424 с.
4. Гугова М.Х. Женщины Кабардино-Балкарии в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2015. 94 с.
5. Давыдов И.В. Партийная организация Кабардино-Балкарии в годы Великой Отечественной войны. Нальчик, 1961. 172 с.
6. Ибрагимбеили Х.М. Крах «Эдельвейса» и Ближний Восток. М.: Наука, 1977. 319 с.
7. Кабардино-Балкария в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) / Сост.: Д.В. Шабаев, Л.Б. Татарокова, Р.А. Ташилова. Отв. ред. М.Х. Шекихачев. Нальчик: Книжное издательство «Эльбрус», 1975 г. 798 с.
8. Кабардино-Балкария: Тыл и фронт 1941–1945 (к 60-летию Великой Победы) / сост.: Х.М. Думанов, В.Х. Кажаров, А.И. Тетуев, О.Л. Опрышко. Нальчик: Эль-Фа, 2005. 340 с.
9. Кармов А.Х. Кабардино-Балкария в начале Великой Отечественной войны (июнь 1941–август 1942 гг.) // Единство народов Советского Союза – важнейший фактор победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. (к 70-летию Великой Победы). Сборник статей. Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2015. С. 50–64.
10. Кринко Е.Ф. Северо-Западный Кавказ в годы Великой Отечественной войны: проблемы историографии и источниковедения. М.: Союз, 2004. 311 с.
11. Линец С.И. Северный Кавказ накануне и в период немецко-фашистской оккупации: состояние и особенности развития (июль 1942 – октябрь 1943 гг.) Издание 2-е, переработанное. Пятигорск: Пятигорский лингвистический университет, 2009. 491 с.
12. Опрышко О.Л. Кабардино-Балкария в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. // История многовекового содружества: К 450-ле-

- тию единения народов Кабардино-Балкарии с Россией. Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2007. С. 378–400.
13. Сабанчиев Х.-М.А. Политика фашистской Германии на юге России и ее провал // Исторический вестник. Нальчик, 2010. Вып. IX. С. 224–230.
 14. Татаров А.А. Горские народы и «северокавказский эксперимент» Германии в 1942–1944 гг.: на материалах Кабардино-Балкарии: дисс. ... канд. ист. наук. Нальчик, 2017. 251 с.
 15. Тетуев А.И. Народы Кабардино-Балкарии в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: историография, источники // Единство народов Советского Союза – важнейший фактор победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. (к 70-летию Великой Победы). Сборник статей. Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2015. С. 5–24.
 16. Хакушев Е.Т. Кабардино-Балкарская АССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). Нальчик: книжное издательство «Эльбрус», 1978. 320 с.
 17. Хлынина Т.П., Кринко Е.Ф., Урушадзе А.Т. Российский Северный Кавказ: исторический опыт управления и формирования границ региона. Ростов-на-Дону: Южный научный центр; Институт социально-экономических и гуманитарных исследований, 2012. 272 с.
 18. Хрестоматия по истории государства и права Кабардино-Балкарской Республики (конец XVIII – начало XXI в.). Нальчик: Кабардино-Балкарский государственный университет, 2015. 268 с.
 19. Центр документации новейшей истории Кабардино-Балкарской республики (далее – ЦДНИ КБР).

References

1. Bezugol'nyj A.Yu. *Narody Kavkaza v Vooruzhennyh Silah SSSR v gody Velikoj Otechestvennoj vojny*. [The people of the Caucasus in Armed Forces of the USSR in days of the Great Patriotic War]. Dis. k.i.n. Stavropol', 2004. 236 p.
2. Bezugol'nyj A.Yu., Bugaj N.F., Krinko E.F. *Gorcy Severnogo Kavkaza v Velikoj Otechestvennoj vojne, 1941–1945: problemy istorii, istoriografii i istochnikovedeniya* [Mountaineers of the North Caucasus in

- the Great Patriotic War, 1941–1945: problems of history, historiography and source study]. M.: Institut vostokovedeniya, Institut social'no-ekonomicheskikh i gumanitarnyh issledovanij YUzhnogo nauchnogo centra RAN, 2012. 479 p.
3. Grechko A.A. *Bitva za Kavkaz*. [Battle of the Caucasus]. M.: Voennoe izdatel'stvo, 1967. 424 p.
 4. Gugova M.H. *ZHenshchiny Kabardino-Balkarii v gody Velikoj Otechestvennoj vojny 1941–1945 gg.* [Women of Kabardino-Balkaria in days of the Great Patriotic War of 1941–1945]. Nal'chik: Izdatel'skij otdel KBIGI, 2015. 94 p.
 5. Davydov I.V. *Partijnaya organizaciya Kabardino-Balkarii v gody Velikoj Otechestvennoj vojny* [The party organization of Kabardino-Balkaria in days of the Great Patriotic War]. Nal'chik, 1961. 172 p.
 6. Ibragimbejli H.M. *Krah «Edel'vejsa» i Blizhnij Vostok*. [Crash of “Edelweiss” and Middle East]. M.: Nauka, 1977. 319 p.
 7. *Kabardino-Balkariya v gody Velikoj Otechestvennoj vojny (1941–1945 gg.)*. [Kabardino-Balkaria in days of the Great Patriotic War (1941–1945)]. Sost: D.V. SHabaev, L.B. Tatarokova, R.A. Tashilova. Otv. red. M.H. SHEkihachev. Nal'chik: Knizhnoe izdatel'stvo «El'brus», 1975. 798 p.
 8. *Kabardino-Balkariya: Tyl i front 1941–1945 (k 60-letiyu Velikoj Pobedy)* [Kabardino-Balkaria: The back and front 1941–1945 (to the 60 anniversary of the Great Victory)] (sost.: H.M. Dumanov, V.H. Kazharov, A.I. Tetuev, O.L. Opryshko). Nal'chik: El'-Fa, 2005. 340 p.
 9. Karmov A.H. *Kabardino-Balkariya v nachale Velikoj Otechestvennoj vojny (iyun' 1941–avgust 1942 gg.)* [Kabardino-Balkaria at the beginning of the Great Patriotic War (June 1941 August, 1942)]. *Edinstvo narodov Sovetskogo Soyuzu – vazhnejshij faktor pobedy v Velikoj Otechestvennoj vojne 1941–1945 gg. (k 70-letiyu Velikoj Pobedy)*. *Sbornik statej* [The unity of the peoples of the Soviet Union is the most important factor in victory in the Great Patriotic War of 1941–1945. (to the 70th anniversary of the Great Victory). Digest of articles]. Nal'chik: Izdatel'skij otdel KBIGI, 2015. P. 50–64.
 10. Krinko E.F. *Severo-Zapadnyj Kavkaz v gody Velikoj Otechestvennoj vojny: problemy istoriografii i istochnikovedeniya*. [The northwest Cauca-

- sus in days of the Great Patriotic War: problems of a historiography and source study]. M.: Soyuz, 2004. 311 p.
11. Linec S.I. *Severnyj Kavkaz nakanune i v period nemecko-fashistskoj okkupacii: sostoyanie i osobennosti razvitiya (iyul' 1942 – oktyabr' 1943 gg.)* [The North Caucasus on the eve of and during fascist occupation: a state and features of development (July, 1942 – October, 1943)]. Pyatigorsk: Pyatigorskij lingvisticheskij universitet, 2009. 491 p.
 12. *Opryshko O.L. Kabardino-Balkariya v Velikoj Otechestvennoj vojne 1941–1945 gg.* [Kabardino-Balkaria in the Great Patriotic War of 1941–1945]. *Istoriya mnogovekovogo sodruzhestva: K 450-letiyu edineniya narodov Kabardino-Balkarii s Rossiej* [History of a centuries-old community: On the 450th anniversary of the unity of the peoples of Kabardino-Balkaria with Russia]. Nal'chik: Izd-vo M. i V. Kotlyarovyh, 2007. P. 378–400.
 13. Sabanchiev H.-M.A. *Politika fashistskoj Germanii na yuge Rossii i ee proval* [Policy of fascist Germany in the south of Russia and its failure]. *Istoričeskij vestnik*. Nal'chik, 2010. Issue IX. P. 224–230.
 14. Tatarov A.A. *Gorskie narody i «severokavkazskij eksperiment» Germanii v 1942–1944 gg.: na materialah Kabardino-Balkarii* [The mountain people and “the North Caucasian experiment” of Germany in 1942-1944: on materials of Kabardino-Balkaria]. Diss. k.i.n. Nal'chik, 2017. 251 p.
 15. Tetuev A.I. *Narody Kabardino-Balkarii v Velikoj Otechestvennoj vojne 1941–1945 gg.: istoriografiya, istochniki* [The people of Kabardino-Balkaria in the Great Patriotic War of 1941-1945: historiography, sources]. *Edinstvo narodov Sovetskogo Soyuza – vazhnejšij faktor pobedy v Velikoj Otechestvennoj vojne 1941–1945 gg. (k 70-letiyu Velikoj Pobedy)*. *Sbornik statej* [The unity of the peoples of the Soviet Union is the most important factor in victory in the Great Patriotic War of 1941–1945. (to the 70th anniversary of the Great Victory). Digest of articles]. Nal'chik: Izdatel'skij otdel KBIGI, 2015. P. 5–24.
 16. Hakuashev E.T. *Kabardino-Balkarskaya ASSR v gody Velikoj Otechestvennoj vojny (1941–1945)* [Kabardino-Balkarian the ASSR in days of the Great Patriotic War (1941–1945)]. Nal'chik: knizhnoe izdatel'stvo «El'brus», 1978. 320 p.

17. Hlynina T.P., Krinko E.F., Urushadze A.T. *Rossijskij Severnyj Kavkaz: istoricheskij opyt upravleniya i formirovaniya granic regiona*. [Russian North Caucasus: historical experience of management and formation of borders of the region]. Rostov-na-Donu: YUzhnyj nauchnyj centr; Institut social'no-ekonomicheskikh i gumanitarnyh issledovanij, 2012. 272 p.
18. *Hrestomatiya po istorii gosudarstva i prava Kabardino-Balkarskoj Respubliki (konec XVIII – nachalo XXI v.)*. [The anthology of history of state and law of Kabardino-Balkar Republic (the end of XVIII – the beginning of the 21st century)]. Nal'chik: Kabardino-Balkarskij gosudarstvennyj universitet, 2015. 268 p.
19. *Centr dokumentacii novejshej istorii Kabardino-Balkarskoj respubliki (dalee – CDNI KBR)*.

ДААННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Гериева Фатима Сагитовна, аспирант 3 года обучения кафедры «Отечественная история и этнология» Научно-образовательного центра
*Федеральное государственное бюджетное научное учреждение «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук»,
ул. Пушкина, 18, г. Нальчик, 360000, Российская Федерация
ba_pu@bk.ru*

DATA ABOUT THE AUTHOR

Gerieva Fatimat Sagitovna, graduate student 3 years of training of “National History and Ethnology” department of the scientific education center
*Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences
18, Pushkin str., Nalchik, 360000, Russian Federation
ba_pu@bk.ru
SPIN-code: 2086-7925
ORCID: 0000-0002-7655-8751*

DOI: 10.12731/2077-1770-2019-3-216-230

УДК 93/99(470.6)

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ НА КАВКАЗЕ В КОНЦЕ XVIII В.

Глашева З.Ж.

В статье исследованы два основных направления политики Российской империи на Кавказе в конце XVIII в. Обращение к данной проблеме позволяет рассмотреть механизмы управления, с помощью которых проводилась пророссийская политика, направленная на интеграцию региона в состав Российского государства. Автор ставит перед собой цель раскрыть взаимодействие двух основных направлений связанных с внешней и внутренней политикой Российской империи на Кавказе. Актуальность исследования обусловлена интересом к данной проблеме со стороны исследовательской аудитории.

***Цель.** Основная цель исследования заключается в проведении сравнительного анализа внешней и внутренней политики Российского государства в конце XVIII в. на Кавказе. Исходя из цели исследования, обозначены задачи связанные с изучением основных направлений в кавказской политике.*

***Метод или методология проведения работы.** Методологическая база статьи основана на принципах и методах исторических исследований. В ходе работы применялись два принципа: научность и историзм. Статья подготовлена на основе сборников документов и литературы по данной проблеме с привлечением законодательных актов из Полного собрания законов Российской империи. Исследуя политику России на Кавказе вряд ли возможно обойти вниманием работы советских исследователей М.М. Блиева, Т.Х. Кумыкова, Н.А. Смирнова, А.В. Фадеева и т.д., а также современных авторов З.М. Блиеву, В.В. Дегоева, Е.И. Кабахидзе, А.С. Кандрашову, Г.Н. Малахову и т.д., которые в своих работах подробно исследовали многие вопросы касающиеся особенностей проведения российской политики в регионе.*

***Результаты.** В ходе исследования рассмотрены исторические события, связанные с особенностями военно-политического соперниче-*

ства Турции, Ирана и России, за установление своего контроля над основными водными и сухопутными путями, что раскрывает геополитическое и экономическое значение данной территории. Обращение к данной проблеме позволяет рассмотреть механизмы управления, с помощью которых на Кавказе проводилась пророссийская политика, направленная на интеграцию региона в состав Российского государства. Особое внимание уделяется внешнеполитической ситуации на Кавказе, обозначены изменения в подходах по управлению им после укрепления позиций России. В результате исследования автор приходит к выводу, что Российская империя для закрепления территориальных приобретений в Предкавказье должна была и дальше укреплять свои позиции в регионе. Для этого к уже существующей Кизляр-Моздокской линии было построено еще десять укреплений, которые составили основу Азово-Моздокской линии. К концу XVIII – первой четверти XIX в. крепости кавказской оборонительной линии замкнули кавказскую границу от моря до моря, став прочными форпостами по закреплению и освоению южных земель за Российским государством. Завершившиеся учреждением к 1785 г. Первого Кавказского наместничества.

Область применения результатов. Результаты данной статьи могут быть использованы в исследовательской деятельности специалистов-историков, аспирантов, преподавателей вузов, студентов, а также исследователям и читателям, интересующимся историей Кавказа и России в целом.

Ключевые слова: Российская империя; Османская империя; Сефевидский Иран; Грузия; Крым; Первое Кавказское наместничество; внешняя политика; внутренняя политика.

THE MAIN DIRECTIONS OF THE POLICY OF THE RUSSIAN EMPIRE IN THE CAUCASUS AT THE END OF THE XVIII CENTURY

Glasheva Z.Zh.

The article explores two main areas of the policy of the Russian Empire in the Caucasus at the end of the 18th century. Addressing this

problem allows us to consider the management mechanisms by which a pro-Russian policy was carried out aimed at integrating the region into the Russian state. The author sets a goal to reveal the interaction of two main areas related to the foreign and domestic policies of the Russian Empire in the Caucasus. The relevance of the study is due to interest in this problem from the research audience.

The purpose. *The main goal of the study is to conduct a comparative analysis of the foreign and domestic policies of the Russian state in the Caucasus by the end of the 18th century. Based on the purpose of the study, the tasks associated with the study of the main directions in Caucasian politics are outlined.*

Method or methodology of the work. *The methodological base of the article is based on the principles and methods of historical research. In the course of the work, two principles were applied: scientific and historicism. The article was prepared on the basis of collections of documents and literature on this issue with the involvement of legislative acts from the Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Exploring the policy of Russia in the Caucasus, it is hardly possible to ignore the work of Soviet researchers M.M. Bliiev, T.Kh. Kumykov, N.A. Smirnov, A.V. Fadeev, etc., as well as contemporary authors Z.M. Bliieva, V.V. Degoev, E.I. Kabakhidze, A.S. Kandrashov, G.N. Malakhova, etc., who in their works examined in detail many questions regarding the specifics of Russian policy in the region.*

Results. *The study examined historical events related to the peculiarities of the military-political rivalry of Turkey, Iran and Russia, for establishing their control over the main water and land routes, which reveals the geopolitical and economic importance of this territory. Addressing this problem allows us to consider the management mechanisms by which a pro-Russian policy was pursued in the Caucasus aimed at integrating the region into the Russian state. Particular attention is paid to the foreign policy situation in the Caucasus; changes in approaches to managing it after strengthening the positions of Russia are indicated. As a result of the study, the author concludes that the Russian Empire, in order to consolidate territorial acquisitions in the Ciscaucasia, should*

continue to strengthen its position in the region. For this, ten more fortifications were built to the already existing Kizlyar-Mozdok line, which formed the basis of the Azov-Mozdok line. By the end of the XVIII – first quarter of the XIX century. Fortresses of the Caucasian defensive line closed the Caucasian border from sea to sea, becoming strong outposts for securing and developing the southern lands of the Russian state. Culminated in the establishment by 1785 of the First Caucasian Viceroyalty.

Scope of the results. *The results of this article can be used in the research activities of historians, graduate students, university professors, students, as well as researchers and readers interested in the history of the Caucasus and Russia as a whole.*

Keywords: *The Russian Empire; Ottoman Empire; Safavid Iran; Georgia; Crimea; First Caucasian governorate; foreign policy; domestic policy.*

Кавказ благодаря своему географическому положению находился в сфере политических интересов Османской и Российской империй и Сефевидского Ирана, которые на протяжении XVI–XVIII вв. соперничали за установление своего контроля над основными водными и сухопутными путями в кавказском регионе. Кавказский вопрос становится одним из важных направлений во внешней политике Московского государства с середины XVI в. когда начинаются первые контакты с горскими народами. В основу кавказской политики была заложена концепция расширения территории Российского государства в южном направлении от Черного до Каспийского моря. Обращение к данной проблеме позволят рассмотреть различные механизмы внутренней политики, с помощью которых на Кавказе проводилась пророссийская политика, направленная на интеграцию региона в состав Российского государства.

История русско-кавказских отношений начинается со второй половины XVI в. с первых контактов горских народов с Московским государством, окрепшие на протяжении XVII–XVIII вв. Постепенно они приобретают все большее значение в международных делах. Начиная с конца XVII в., в войнах с Ираном, Турцией и Крымским

ханством обнаруживается перевес Московского государства. Одновременно усиливаются и военные позиции России на Кавказе, в 60-х гг. XVIII в. на Центральном Кавказе возводится первая линия военных укреплений, идущих из Кизляра до Моздока. Крайне выгодные для Российской империи результаты русско-турецкой войны 1768–1774 гг. позволили признать за ней по артикулам 18, 19, 20, 21 «замок Кинбурн, лежащий на устье реки Днепра... округом по левому берегу Днепра и с углом, который составляет степи, лежащие между рек Буга и Днепра, остается в полное, вечное и непрекословное владение Российской империи. Крепости: Еникале и Керче, лежащая в полуострове Крымском, с их пристанями и со всем в них находящимся... уездами, начиная от Черного моря и следуя древней Керчинской границе до урочища Бугака, и от Бугака по прямой линии кверху даже до Азовского моря, остаются в полное, вечное и непрекословное владение Российской империи. Город Азов с уездом его... вечно Российской империи принадлежать имеет. Обе Кабарды, то есть Большая и Малая, по соседству с татарами, большую связь имеют с Ханами Крымскими; для чего принадлежность их Императорскому Российскому Двору должна предоставлена быть на волю Хана Крымского, с советом его и с старшинами татарскими» [1, 282]. Это значило, что территории Большой и Малой Кабарды находились в сфере влияния Российской империи, также позволило присоединить Осетию и Ингушетию. Это позволило приступить к укреплению границ, которые, согласно Кючук-Кайнарджийскому мирному договору, начинались от устья р. Терек до Моздока и на северо-западе доходили до Азова.

К концу 70-х гг. XVIII в. в предкавказских степях построили семь новых крепостей – Екатериноградская, Павловская и Марьинская, которые были продолжением Моздокской линии; Георгиевская в верховьях Кумы, Андреевская, Александровская и Ставропольская защищали район Ставропольской возвышенности. Московская и Донская прикрывали «Черкасский тракт», дорогу связывавшую Ставрополь с центром войска Донского городом Черкасском. Укрепление Кизляро-Моздокской линии от р. Терек до р.

Дон производилось для сохранения и дальнейшего приумножения, сделанных в Предкавказье земельных приобретений, построенных городов и станиц, было продолжено [9, 374–375]. В 1777–1779 гг. с этой целью от впадения р. Малки в р. Терек до устья р. Дон было построено десять военных укреплений, составившие основу Азово-Моздокскую линии [10, 518–521].

Между укреплениями и крепостями возводились редуты, представлялись наблюдательные посты и заставы. При них создавались казачьи станицы и «солдатские слободки», населенные отставными солдатами. Линию составили следующие оборонительные пункты: крепости Моздок, Павловская, Марьинская, Георгиевская, Андреевская, Александровская, Азов, редуты Александровский, Бешпагирский, крепости Московская, Ставропольская, Донская, шанцы Державный, Всесвятский, крепость Царицынская, шанцы Терновский, Большой Ейский, Эль-Бугузинский. От Царицынской крепости вниз по р. Кубани линия шла от: шанца Восточный, крепости Павловская, шанцов Западный, Михайловский, крепости Александровская, шанцов Гавриловский, Архангельский, крепости Озань, шанцов Правый, Славянский, крепостей Благовещенская, Новотроицкая, шанцов Спасский, Духовой, крепостей Екатерининская и Тамань [7, 18–19].

В течение XVIII в. после четырех русско-турецких войн с Османской империей и войны с Ираном Российская империя превратила Центральный Кавказ сначала в протекторат, а затем включила до р. Кубань в состав своей империи. Это было обусловлено как внешне, так и внутривнутриполитическими факторами. 8 апреля 1783 г. был подписан манифест «О принятии полуострова Крымского, острова Тамана и всей Кубанской стороны, под Российскую державу» [11, 897–898]. Присоединение к Российской империи Крыма и Правобережья Кубани в результате ликвидации Крымского ханства следует отнести к внутривнутриполитическим успехам. Независимый статус Крыма, провозглашенный по Кючук-Кайнарджийскому договору 1774 г., оказался не в состоянии обеспечить российские интересы в регионе, а также безопасность южных рубежей империи. Имен-

но с 1783 г. российская граница на Северо-Западном Кавказе стала проходить по р. Кубань [11, 897–898].

Российская империя, укрепляя свои позиции в последней четверти XVIII в. на Центральном Кавказе, вело переговоры о присоединении Восточной Грузии. В крепости Георгиевск 24 июля 1783 г. уполномоченные царя Ираклия II подписали договор о переходе Карталино-Кახетинского объединенного восточно-грузинского царства под покровительство Российской империи, акт был обнародован 29 сентября [12, 1013–1017]. Ираклий II грузинский царь по договору признавал верховную власть Российской империи, которая выступала гарантом целостности Грузии. Российское правительство предоставляла, полную автономию во внутренних делах, обязалось содержать два батальона пехоты в Грузии. По предложению Ираклия II началось строительство Военно-Грузинской дороги, которая впоследствии стала основным путем, связывавшим Закавказье с Центральным Кавказом. В 1784 г. была построена крепость Владикавказ, для обеспечения безопасности пути от Моздока до Дарьяльского ущелья.

Командующему Кавказской линией П.С. Потемкину, ставшему первым кавказским наместником, предписывалось ввести такие же административные институты на территории степного Предкавказья, которые были в центральных губерниях Российской империи согласно «Учреждения для управления губерний от 7 ноября 1775 г.» [8, 229–304]. Именным указом императрицы Екатерины II от 9 мая 1785 г. определялось устройство Кавказской губернии и Астраханской области [14, 388–392]. Особо при этом была подчеркнута «полезность» строительство новых городов «в близости подгорных народов». Границы Кавказского наместничества не были четко определены, принадлежность местного населения к определенному административному центру также не уточнялась. Наместничество представляло специфическую территориально-административную единицу на окраине империи, мало чем отличающуюся от общегосударственных. Объединение Кавказа и Саратовской губернии в одно наместничество являлось временной мерой, не способной решить задачи по управлению, на столь обширной территории.

Необходимость в особом административном управлении на кавказских территориях проявилось сразу же на начальном этапе становления здесь административно-государственного аппарата. В общих чертах она соответствовала общероссийской, основанной на губернском управлении, которое было введено Екатериной II 7 ноября 1775 г. [8, 229–304]. Именно ему отводилась главная роль в административном устройстве окраин империи. Губернский принцип организации административной системы был заложен в основу управленческого аппарата созданного 5 мая 1785 г. Кавказского наместничества [13, 388]. В состав вновь образованного наместничества были включены области Кавказская и Астраханская: в Кавказскую входило шесть уездов: Екатериноградский, Кизлярский, Моздокский, Георгиевский, Александровский и Ставропольский, в Астраханскую четыре уезда: Астраханский, Красноярский, Енотаевский и Чернойарский. Город Екатериноград стал губернским [4, 3]. В то же время Кавказское Наместничество не имело четких территориальных границ. Кавказская область делилась на шесть уездов, центрами которых стали российские крепости, получившие статус уездных городов: Екатериноград, Кизляр, Моздок, Георгиевск, Ставрополь, Александров, в пределах которых действовало общероссийское городское положение 1785 г. [5, 21–22]. Центр наместничества первоначально располагался в городе Екатеринограде, а роль областного центра передавалась Астрахани. Предпочтение только что созданному городу Екатеринограду было связано с необходимостью сосредоточить внимание на новых рубежах. Он также был выбран из-за того, что находился в непосредственной близости от горских народов. Российская империя стремилась отстоять их от притязаний ее постоянных противников – Турции и Ирана. Понимая важность новой административной единицы, Екатерина II именным указом от 9 мая 1785 г. Кавказскую область становиться губернией. Астрахань же с окружающими ее землями оставалась областью [14, 388–392]. Эти изменения потребовали создания специального управленческого института, получившего, согласно указу Екатерины II от 5 мая 1785 г., название Кавказского

наместничества, что явилось демонстрацией утверждения Российской империи на Кавказе.

Название Кавказская область было в некотором смысле условным, так как она включала в себя в основном степное Предкавказье, границы области и ее уездов были очерчены приблизительно. Несмотря на то, что территориальные границы были условными, была заложена основа для политического и административного устройства региона. Первый кавказский наместник П.С. Потемкин придерживался осторожной политической линии в отношении местного горского населения. В одном из своих предписаний подчиненным он наставлял их: «Кабардинцы, татары, на Кубани живущие... ингушевцы... знатная часть Осетии, Кавказские горы занимающие, кои, хотя еще не состоят по всем отношениям нового управления, но подданные российскому императорскому престолу, суть надлежит наместническому правлению предложить во все нижние суды, дабы сим народам нигде и ни под каким видом ни мало притеснения не было, на противу стараться всякое дело, всякую просьбу их решать в самой скорости, дабы судом безволочитным и познанием пользы, установленных судами, приучать и восчувствовать... всех и каждого в безопасном состоянии пребыванием» [3, 1]. Военному командованию на Кавказе все чаще приходилось сталкиваться с проблемой «наездничества» – набегам горцев на русские поселения. Поэтому, «как ни сильны были русские, как ни жестоко они карали и кабардинцев и ногайцев за эти набеги, а все-таки набеги были выгоднее» [16, 77]. Решить вопросы, связанные с такой сложной и непростой проблемы, как набеги горцев (наездничество), затянулись на долгие годы.

Обращение правительства в конце XVIII в. к традиционному для российской истории институту наместничества не было случайным. В разные периоды истории российского государства его правители использовали преимущества данного института для вовлечения новых территорий в сферу государственных интересов России. Административное управление в новых присоединенных территориях, с середины XVI в. осуществляли наместники и волостели, наделенные значительной административной и военной вла-

стью. Первоначально это были внутренние земли, где должность наместника была введена в качестве главы местного управления. Основная цель наместнического управления заключалась в приведении провинции в контакт с государством, а не во внутреннем управлении провинцией. После учреждения Кавказского наместничества наместник непосредственно подчинялся самой императрице Екатерине II. Широкие полномочия, которые на него были возложенные в военной и гражданской сферах, делали его независимым от высших государственных учреждений империи. В этот период имеет место тенденция подчинения гражданской формы управления военной, что было вызвано довольно сложными для России внешнеполитическим положением. В первые годы существования наместничества была разработана стратегия «невмешательства» во внутренние дела местного населения, которая напрямую была связана с заинтересованностью российского правительства в колонизации кавказских территорий русским населением. В течение этого периода на территориях горских народов Центрального Кавказа (кабардинцев, кумыков, осетин, ингушей, чеченцев) не было создано специальных административных учреждений.

В результате правительственной переселенческой политики, горское население с горных районов переселялось на равнинные земли, из центральных губерний на Кавказ переселяли русскоязычное население, которое селили в непосредственной близости от российских крепостей. Приставы в функции которых входило наведение порядка в новых и старых поселениях, стали выполнять военные и административные функции. Управленческие полномочия в уездных городах находились в руках комендантов как начальников городов, которые представляли собой не только военные, но также и административные центры. В процессе освоения кавказских территорий осторожность российского правительства объясняется следующими причинами: во-первых, причинами стратегического характера и необходимостью прочного тыла в борьбе с Турцией и Ираном. Это требовало от российских административных и военных властей на Кавказе выработать грамотный подход

по установлению тесных связей, которые должны были привести к привлечению с горцев на свою сторону; во-вторых, причинами политического характера, заключающихся в расширении российского влияния, предполагавшего распространение российского законодательства; в-третьих, причинами экономического характера [1, 25].

Вступив в борьбу за Кавказ во второй половине XVI в., Московское царство, а затем Российская империя по историческим меркам быстро становится ключевым игроком на Кавказе. Пройдя через многочисленные русско-турецкие, русско-иранские войны и внутренние катаклизмы, Россия смогла за три века объединить, а затем и интегрировать пестрое и мозаичное пространство Кавказа в состав империи, сделав его к концу XIX в. своей составной частью [6, 9]. Усиление позиций Российской империи на территории Кавказа на начальном этапе не как не отражалось на внутренних основах общественного устройства горских народов. Главной причиной, не позволявшей включить регион в государственно-административную систему Российского государства сразу, являлось неустойчивое политическое положение. Необходимость считаться с главными соперниками Российской империи на Кавказе – Ираном и Турцией, а также рассогласованность интересов различных социальных и этнических групп местного населения, вылившаяся порой в открытое неприятие российской администрации в крае, требовали от российского правительства крайней осторожности и последовательности [2, 18].

Административная политика Российской империи в кавказском регионе отличались деликатностью и крайне осторожностью, что объяснялось необходимостью закрепления на данных территориях. Конкретные инструкции регламентировали особенности обращения представителей российской военной администрации на Кавказе с местным населением, от которого следовало добиваться доверия и расположения [15, 305–308]. Административно-управленческий аппарат выстраивался по образцу общероссийских административных учреждений.

Подводя итог, можно сказать, что к концу XVIII в. российская политика проводилась по двум основным направлениям: внутреннему и внешнему. Внутреннее направление включало: 1) укрепление

Кизляро-Моздокской линии, к которой были добавлены еще десять крепостей и укреплений, которые составили основу Азово-Моздокской линии; 3) присоединение 8 апреля 1783 г. к Российской империи полуострова Крымского, острова Тамана и всей Кубанской стороны в результате ликвидации Крымского ханства, 4) 29 сентября 1783 г. переход Карталино-Кахетинского восточно-грузинского царства под покровительство Российской империи, 5) и учреждение первого Кавказского наместничества. К внешнему направлению относится соперничество с Османской империей и Сефевидским Ираном за установление своего контроля в регионе и обладание основными водными и сухопутными путями на Кавказе. В целом, ко времени утверждения позиций Российской империи на Кавказе, ее политика, основанная на принципах «централизма» и преимуществах позиций военного контроля над гражданским управлением. Ей также были присущи колебания от принципа «централизма» к принципу «постепенности», а также переход к «радикальным» мерам, которые должны были способствовать созданию государственных и административных институтов в регионе по общероссийским образцам.

Успехи во внутренней и внешней политике позволили российскому правительству включить всю территорию Предкавказья, в состав Российской империи и создать здесь органы административного управления, для обеспечения безопасности кавказского региона и крестьянской и казачьей колонизации. Именно в этот период была заложена прочная основа для создания государственно-административной системы управления всем кавказским регионом. Кульминацией внутренней политики стало создание в 1785 г. первого Кавказского наместничества. Конец XVIII в. также характеризуется продолжением политики по интеграции горских народов в политическое, правовое и социально-экономическое пространство Российской империи.

Список литературы

1. Административная интеграция народов Северо-Западного и Центрального Кавказа в состав Российской империи. Сборник документов и материалов. / Составитель и автор вводной статьи З.Ж. Глашева. Нальчик: Принт Центр, 2018. Т. I. 492 с.

2. Административная практика Российской империи на Центральном Кавказе с конца XVIII в. до 1870 г. (на материале Осетии): Сборник документов / сост., вступ. ст., коммент. Е.И. Кобахидзе. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2012. 399 с.
3. Бентковский И. Первоначальное устройство административных учреждений Кавказской губернии // Ставропольские губернские ведомости. 1886. №39. 27 сентября. С. 1.
4. Бентковский И.В. Краткий исторический очерк положения наших дел на Северном Кавказе до открытия в 1785 г. Кавказской губернии // Северный Кавказ. 1885. № 45. 14 мая. С. 1–3.
5. Блиева З.М. Система управления на Северном Кавказе в конце XVII – первой половине XIX в. Владикавказ: Изд-во СОГУ», 1992. 107 с.
6. Кавказский вектор российской политики XVI–XVIII. Сборник документов. XVI–XVIII веках / сост: М.А. Волхонский, В.М. Муханов. М.: Объединенная редакция МВД России, 2011. Т. I. 680 с.
7. Малахова Г.М. Становление Российской администрации на Северном Кавказе в конце XVIII – первой половине XIX века. Москва-Пятигорск, 1999. 180 с.
8. ПСЗРИ. Собр. I. 1775–1780. Т. XX. № 14392. Санкт-Петербург, 1830. С. 229–304.
9. ПСЗРИ. Собр. I. 1775–1780. Т. XX. № 14464. Санкт-Петербург, 1830. С. 374–375.
10. ПСЗРИ. Собр. I. 1775–1780. Т. XX. № 14607. Санкт-Петербург, 1830. С. 518–521.
11. ПСЗРИ. Собр. I. с 1781 по 1783. Т. XXI. № 15708. Санкт-Петербург, 1830. С. 897–898.
12. ПСЗРИ. Собр. I. с 1781 по 1783. Т. XXI. № 15835. Санкт-Петербург, 1830. С. 1013–1019.
13. ПСЗРИ. Собр. I. 1784–1788. Т. XXII. № 16193. Санкт-Петербург, 1830. С. 388.
14. ПСЗРИ. Собр. I. 1784–1788. Т. XXII. № 16194. Санкт-Петербург, 1830. С. 388–392.
15. ПСЗРИ. Собр. I. с 1789 по 6 ноября 1796. Т. XXIII. № 17025. Санкт-Петербург, 1830. С. 305–308.

16. Россия и Северный Кавказ: история и современность. М: Академический Проект, 2006. 463 с.

Preferences

1. Glasheva Z.Zh. *Administrativnaya integraciya narodov Severo-Zapadnogo i Central'nogo Kavkaza v sostav Rossijskoj imperii. Sbornik dokumentov i materialov* [Administrative integration of the peoples of the North-West and Central Caucasus into the Russian Empire. Collection of documents and materials]. Nal'chik: Print Centr, 2018. V. I. 492 p.
2. Kobahidze E.I. *Administrativnaya praktika Rossijskoj imperii na Central'nom Kavkaze s konca XVIII v. do 1870 g. (na materiale Osetii): Sbornik dokumentov* [Administrative practice of the Russian Empire in the Central Caucasus since the end of the XVIII century. until 1870 (based on material from Ossetia): Collection of documents]. Vladikavkaz: IPO SOIGSI, 2012. 399 p.
3. Bentkovskij I. *Stavropol'skie gubernskie vedomosti*. 1886. №39. September 27. P. 1.
4. Bentkovskij I.V. *Severnyj Kavkaz*. 1885. № 45. 14 maya. P. 1–3.
5. Blieva Z.M. *Sistema upravleniya na Severnom Kavkaze v konce XVII – pervoj polovine XIX v.* [Management system in the North Caucasus at the end of the XVII – the first half of the XIX century]. Vladikavkaz: Izd-vo SOGU», 1992. 107 p.
6. Volhonskij M.A., Muhanov V.M. *Kavkazskij vektor rossijskoj politiki XVI–XVIII. Sbornik dokumentov. XVI–XVIII veka* [The Caucasian vector of Russian politics XVI–XVIII. Collection of documents. XVI – XVIII centuries]. M.: Obedinennaya redakciya MVD Rossii, 2011. V. I. 680 p.
7. Malahova G.M. *Stanovlenie Rossijskoj administracii na Severnom Kavkaze v konce XVIII – pervoj polovine XIX veka* [The formation of the Russian administration in the North Caucasus in the late XVIII – first half of the XIX century]. Moskva-Pyatigorsk, 1999. 180 p.
8. PSZRI. *Sobr. I. 1775–1780. Vol. XX. № 14392*. Sankt-Peterburg, 1830. P. 229–304.
9. PSZRI. *Sobr. I. 1775–1780. Vol. XX. № 14464*. Sankt-Peterburg, 1830. P. 374–375.

10. PSZRI. Sobr. I. 1775–1780. Vol. XX. № 14607. Sankt-Peterburg, 1830. P. 518–521.
11. PSZRI. Sobr. I. s 1781 po 1783. Vol. XXI. № 15708. Sankt-Peterburg, 1830. P. 897–898.
12. PSZRI. Sobr. I. s 1781 po 1783. Vol. XXI. № 15835. Sankt-Peterburg, 1830. P. 1013–1019.
13. PSZRI. Sobr. I. 1784–1788. Vol. XXII. № 16193. Sankt-Peterburg, 1830. P. 388.
14. PSZRI. Sobr. I. 1784–1788. Vol. XXII. № 16194. Sankt-Peterburg, 1830. P. 388–392.
15. PSZRI. Sobr. I. s 1789 po 6 noyabrya 1796. Vol. XXIII. № 17025. Sankt-Peterburg, 1830. P. 305–308.
16. *Rossiya i Severnyj Kavkaz: istoriya i sovremennost'* [Russia and the North Caucasus: history and modernity]. M: Akademicheskij Proekt, 2006. 463 p.

Данные об авторе

Глашева Зулейха Жамботовна, кан. ист. наук, н.с. сектора новейшей истории

Институт гуманитарных исследований – филиал федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук»

*ул. Пушкина, 18, г. Нальчик, КБР, 360000, Российская Федерация
zu-20.80@list.ru*

DATA ABOUT THE AUTHOR

Glasheva Zuleikha Zhambotovna, Ph.D. in History, ns sectors of recent history

Institute for Humanitarian Studies – branch of the Federal State Budget Scientific Institution «Federal Scientific Center «Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences»

*18, Pushkin Str., Nalchik, 360000, Russian Federation
zu-20.80@list.ru*

ORCID: 0000-0002-2484-2398

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

(<http://soc-journal.ru/submissions.html>)

В журнале публикуются оригинальные статьи на русском и английском языках, содержащие результаты фундаментальных и теоретико-прикладных исследований в области филологии, истории и философии, а также обзорные статьи ведущих специалистов по тематике журнала.

Требования к оформлению статей

Объем рукописи	7–24 страницы формата А4, включая таблицы, иллюстрации, список литературы; для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук – 7–10.
Поля	все поля – по 20 мм
Шрифт основного текста	Times New Roman
Размер шрифта основного текста	14 пт
Межстрочный интервал	полуторный
Отступ первой строки абзаца	1,25 см
Выравнивание текста	по ширине
Автоматическая расстановка переносов	включена
Нумерация страниц	не ведется
Формулы	в редакторе формул MS Equation 3.0
Рисунки	по тексту
Ссылки на формулу	(1)
Ссылки на литературу	[2, с. 5], цитируемая литература приводится общим списком в конце статьи в порядке упоминания

**ЗАПРЕЩАЕТСЯ ИСПОЛЬЗОВАТЬ
ССЫЛКИ-СНОСКИ ДЛЯ УКАЗАНИЯ
ИСТОЧНИКОВ**

Обязательная структура статьи

УДК

ЗАГЛАВИЕ (на русском языке)

Автор(ы): фамилия и инициалы (на русском языке)

Аннотация (на русском языке)

Ключевые слова: отделяются друг от друга точкой с запятой
(на русском языке)

ЗАГЛАВИЕ (на английском языке)

Автор(ы): фамилия и инициалы (на английском языке)

Аннотация (на английском языке)

Ключевые слова: отделяются друг от друга точкой с запятой
(на английском языке)

Текст статьи (на русском языке)

1. Введение.
2. Цель работы.
3. Материалы и методы исследования.
4. Результаты исследования и их обсуждение.
5. Заключение.
6. Информация о конфликте интересов.
7. Информация о спонсорстве.
8. Благодарности.

Список литературы

Библиографический список по ГОСТ Р 7.05-2008

References

Библиографическое описание согласно требованиям журнала

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Фамилия, имя, отчество полностью, должность, ученая степень, ученое звание

Полное название организации – место работы (учебы) в именительном падеже без составных частей названий организаций, полный юридический адрес организации в следующей последовательности: улица, дом, город, индекс, страна (на русском языке)

Электронный адрес

SPIN-код в SCIENCE INDEX:

DATA ABOUT THE AUTHORS

Фамилия, имя, отчество полностью, должность, ученая степень, ученое звание

Полное название организации – место работы (учебы) в именительном падеже без составных частей названий организаций, полный юридический адрес организации в следующей последовательности: дом, улица, город, индекс, страна (на английском языке)

Электронный адрес

AUTHOR GUIDELINES

(<http://soc-journal.ru/submissions.html>)

The journal publishes original articles in Russian and English, containing the results of fundamental and theoretical and applied research in the field of philology, history and philosophy, as well as review articles by leading experts on the subject of the journal.

Requirements for the articles to be published

Volume of the manuscript	7–24 pages A4 format, including tables, figures, references; for post-graduates pursuing degrees of candidate and doctor of sciences – 7–10.
Margins	all margins –20 mm each
Main text font	Times New Roman
Main text size	14 pt
Line spacing	1.5 interval
First line indent	1,25 cm
Text align	justify
Automatic hyphenation	turned on
Page numbering	turned off
Formulas	in formula processor MS Equation 3.0
Figures	in the text
References to a formula	(1)
References to the sources	[2, p. 5], references are given in a single list at the end of the manuscript in the order in which they appear in the text

**DO NOT USE FOOTNOTES
AS REFERENCES**

Article structure requirements

TITLE (in English)

Author(s): surname and initials (in English)

Abstract (in English)

Keywords: separated with semicolon (in English)

Text of the article (in English)

1. Introduction.

2. Objective.

3. Materials and methods.

4. Results of the research and Discussion.

5. Conclusion.

6. Conflict of interest information.

7. Sponsorship information.

8. Acknowledgments.

References

References text type should be Chicago Manual of Style

DATA ABOUT THE AUTHORS

Surname, first name (and patronymic) in full, job title, academic degree, academic title

Full name of the organization – place of employment (or study) without compound parts of the organizations' names, full registered address of the organization in the following sequence: street, building, city, postcode, country

E-mail address

SPIN-code in SCIENCE INDEX:

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

СОСТОЯНИЕ КОНЕВОДСТВА В ЗАУРАЛЬЕ В 1914–1922 ГОДЫ: ДИНАМИКА ИЗМЕНЕНИЙ Иваненко В.Е., Подковырова М.А.	14
ЭТНОПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ КОПИНГ-ПОВЕДЕНИЯ У ОСЕТИН И РУССКИХ Афанасьева Ю.А., Гуриева С.Д.	27
ИННОВАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА ГЕРМАНИИ В НОВЫХ ЗЕМЛЯХ В 1990-Х ГОДАХ Пилавов Г.П.	37
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ И КУЛЬТУРНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЗЕМСТВ ПРИ КОЛЧАКОВСКОМ РЕЖИМЕ Черная Е.В.	53
БИТВА ПРИ КАДЕШЕ: ПАЛЕОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ К ПАПИРУСУ ПЕНТАУРЕТА Панов М.В.	65
АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД В МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОМ ИЗУЧЕНИИ ФЕНОМЕНА КОРРУПЦИИ Шиян О.В.	85
НАДПИСЬ НА СТЕЛЕ ФАРАОНА ТАХАРКИ (КАВА V) Панов М.В.	102

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ИЗДАТЕЛЬСТВ В СИСТЕМЕ ТАМИЗДАТА (ИЗДАТЕЛЬСТВО ИМЕНИ ЧЕХОВА, ИМКА-ПРЕСС, ИД ПОСЕВ) Федин А.А.	129
ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ РОССИИ И СЕРБИИ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ И МЕНТАЛИТЕТЕ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ ДВУХ СТРАН Салимов А.М., Пайгунова Ю.В.	148
ТАЙНОЕ ОБЩЕСТВО ДЕКАБРИСТОВ В ОТДЕЛЬНОМ КАВКАЗСКОМ КОРПУСЕ Цымрина Т.В.	162
ОБЩЕСТВЕННЫЙ КАПИТАЛ НАЛЬЧИКСКОГО ОКРУГА В НАЧАЛЕ XX ВЕКА Пазов И.С.	170
СПЕЦИФИКА ЖЕНСКОЙ ПРЕСТУПНОСТИ В ТРАДИЦИОННОМ ОСЕТИНСКОМ ОБЩЕСТВЕ Дауева Т.Т.	191
ЧРЕЗВЫЧАЙНЫЕ ОРГАНЫ УПРАВЛЕНИЯ КАБАРДИНО-БАЛКАРСКОЙ АССР НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ Гериева Ф.С.	199
ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ НА КАВКАЗЕ В КОНЦЕ XVIII В. Глашева З.Ж.	216
ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ	231

CONTENTS

HISTORY STUDIES

CONDITION OF HORSE-BREEDING IN BURNS IN 1914–1922: DYNAMICS OF CHANGES Ivanenko V.E., Podkovyrova M.A.	14
THE OSSETIANS AND RUSSIANS’ ETHNOPSYCHOLOGICAL PECULIARITIES OF COPING BEHAVIOR Afanasyeva Y.A., Gurieva S.D.	27
INNOVATION POLICY OF GERMANY IN THE NEW STATES IN THE 1990S Pilavov G.P.	37
SOCIAL AND ECONOMIC AND CULTURAL AND EDUCATIONAL ACTIVITY OF ZEMSTVOS AT THE KOLCHAKOVSKY REGIME Chernaya E.V.	53
THE BATTLE OF KADESH: PALEOGRAPHIC NOTES ON THE PYPYRUS OF PENTAURET Panov M.V.	65
ANTHROPOLOGICAL APPROACH IN THE INTERDISCIPLINARY STUDY OF THE CORRUPTION PHENOMENON Shiyan O.V.	85
INSCRIPTION ON THE STELA OF THE PHARAOH TAHARQO (KAWA V) Panov M.V.	102

THE ACTIVITIES OF PUBLISHERS IN THE SYSTEM OF TAMIZDAT (CHEKHOV PUBLISHING HOUSE OF THE EAST EUROPEAN FUND, YMCA-PRESS, THE POSEV PUBLISHING HOUSE)	
Fedin A.A.	129
HISTORICAL AND CULTURAL HERITAGE OF RUSSIA AND SERBIA IN HISTORICAL MEMORY AND MENTALITY OF STUDENT YOUTH OF TWO COUNTRIES	
Salimov A.M., Paigunova Yu.V.	148
THE SECRET SOCIETY OF DECEMBRISTS IN THE CAUCAS CORPS	
Tsymrina T.V.	162
SOCIAL CAPITAL NALCHIK DISTRICT IN THE EARLY XX CENTURY	
Pazov I.S.	170
THE FEMALE CRIME SPECIFIC IN TRADITIONAL OSSETIANS SOCIETY	
Daueva T.T.	191
THE EXTRAORDINARY GOVERNING BODIES OF THE KABARDINO-BALKAR ASSR AT THE INITIAL STAGE OF THE GREAT PATRIOTIC WAR	
Gerieva F.S.	199
THE MAIN DIRECTIONS OF THE POLICY OF THE RUSSIAN EMPIRE IN THE CAUCASUS AT THE END OF THE XVIII CENTURY	
Glasheva Z.Zh.	216
RULES FOR AUTHORS	231

Подписано в печать 31.10.2019. Дата выхода в свет 31.10.2019. Формат 60x84/16. Усл. печ. л. 17,10. Тираж 5000 экз. Свободная цена. Заказ SISP113/019. Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии «Издательство «Авторская Мастерская». Адрес типографии: ул. Пресненский Вал, д. 27 стр. 24, г. Москва, 123557 Россия.